В этом номере

ISSN № 0130-7045

НАУКА И РЕЛИГИЯ

10 • 1980

НАША ОБЛОЖКА

Вот уже свыше 20 лет в Эстонии широко отмечается Праздник совершеннолетия, или, как его здесь называют, Летние дни молодежи. В конце мая юноши и девушки, которым в этом году исполняется 18 лет, собираются в спортивные лагеря, расположенные в живописных местах, обычно на берегу озера или в сосновом бору. Эти лагеря заполняют выпускники школ, учащиеся техникумов и профессионально - технических училищ, молодые рабочие и колхозники. Каждый отряд имеет свою эмблему, костюмы, головные уборы и шейные платки определенного цвета.

Все подготовлено заранее к приему дорогих гостей: благоустроена территория лагерей, поднялся красочный палаточный городок со спортивными площадками, эстрадой для танцев и выступлений, с полевой кухней, столовой, душевыми. Впереди — солнечные праздничные дни, до краев заполненные интересными и веселыми занятиями.

Открывает Летние дни молодежи торжественная линейка. Поднимаются флаги Советского Союза и Эстонской ССР, исполняется Государственный гимн республики. На открытие праздника приезжают знатные люди района, ветераны Коммунистической партии, первые комсомольцы, участники Великой Отечественной войны. Торжественная клятва 18-летних, красочные факельные шествия и марши, возложение венков на могилы героев революции и войны, жертв фашизма — все это надолго останется в памяти.

В каждом лагере проводятся спортивные соревнования, состязаются легкоатлеты, футболисты, волейболисты. С неизменным успехом проходят традиционные шуточные состязания. По вечерам перед молодежью выступают участники самодеятельных художественных коллективов и профессиональные артисты — в основном молодежные группы театров и филармонии. Со сцены звучат современные песни на русском и эстонском языках, на языках других народов нашей страны и мира.

На летнем празднике завершает свою работу и вечерняя молодежная школа ABC (Азбука молодежи). Многие из тех, кто собрался здесь, посещали в течение года ее занятия — слушали специальный курс лекций на политические, культурные и медицинские темы, участвовали в диспутах и семинарах. В программе школы ABC и такой необычный предмет, как основы молодой советской семьи.

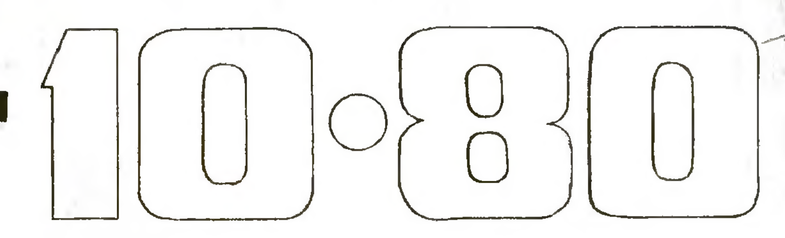
Заканчивается праздник торжественным маршем его участников и митингом, на котором 18-летним торжественно вручают дипломы и памятное удостоверение участника Летних дней молодежи. Затем юноши и девушки приносят клятву на верность Родине, Коммунистической партии, революционным и боевым традициям. Летние дни молодежи стали чрезвычайно популярны в республике. Праздник совершеннолетия помогает молодежи обрести политическую и идейную зрелость, воспитывает чувство гражданской ответственности, верности боевым и трудовым традициям старшего поколения. Он повсеместно вытесняет религиозный обряд конфирмации.

На второй странице нашей обложки — снимки, запечатлевшие Летние дни молодежи в Эстонии. Фото В. Опалина.

Львов — город, в котором сохранилось немало ценных архитектурных памятников. О том, как их охраняют, как используют и пропагандируют, рассказывает публикуемый в этом номере репортаж В. Самориги «Памятник от слова «память».

На третьей странице обложки — некоторые из многочисленных памятников города Львова.

НАУКА И РЕЛИГИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцать второй

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются.

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

У НАС В ГОСТЯХ «ЛЮДИНА І СВІТ»

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СОВЕТУЕТ, СПРАШИВАЕТ

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

ЧЕЛОВЕКУ О ЧЕЛОВЕКЕ

ЗЕМНЫЕ КОРНИ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО

«БОЖЕСТВЕННЫЕ» ЖИВОТНЫЕ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

ЗА РУБЕЖОМ

Н. КАЛИНИЧЕВА,
секретарь
Белебеевского горкома КПСС

ДОХОДИТЬ ДО СЕРДЦА И РАЗУМА КАЖДОГО

КАК И ВО ВСЕЙ НАШЕЙ СТРАНЕ, ТРУДЯЩИЕСЯ БЕЛЕБЕЕВСКОГО района Башкирии с воодушевлением готовятся встретить XXVI съезд Коммунистической партии. Когда прошел июньский пленум ЦК КПСС, на предприятиях и в колхозах, в учебных заведениях и учреждениях города и района обсудили доклад товарища Л. И. Брежнева и развернули социалистическое соревнование к новому съезду. Трудовые коллективы, их партийные организации рассмотрели, что сделано после XXV съезда партии, какой накоплен положительный опыт в производственной, политической, идеологической работе, какие еще имеются упущения и недостатки, наметили и осуществляют меры по их ликвидации.

Советские люди хорошо понимают: XXVI партийный съезд откроет перед всеми нами дальнейшие величественные горизонты роста и расцвета нашей Родины. Однако, чтобы вступить в следующий этап коммунистического строительства, надо успешно завершить все, что было намечено раньше, учесть, обобщить, умножить то новое, что выдвигает наша жизнь. Это касается всех ее сторон, в том числе и такой сложной и ответственной, как коммунистическое воспитание трудящихся.

Нам есть здесь чем гордиться. Все богаче становится в ходе коммунистического строительства духовный мир людей, прочнее их идейная убежденность, глубже, осознаннее материалистическое миропонимание. Конкретных примеров тому у нас в районе великое множество — ярких, впечатляющих и убеждающих. О них можно рассказывать и рассказывать, но сегодня, думается, на страницах журнала «Наука и религия» следует сказать также и о пока не решенных нами полностью задачах в сфере воспитательной работы. Вспомним, что говорил товарищ Л. И. Брежнев в докладе на июньском Пленуме: «...Необходимо критически посмотреть на упущения, недостатки, которые, к сожалению, есть и в практике хозяйствования, да и партийной работы».

Я, в частности, считаю: в комплексе коммунистического воспитания людей нам следует больше внимания уделять такому его участку, как воспитание атеистическое, формирование материалистической убежденности, преодоление иллюзорного религиозного мировоззрения. Работы здесь всем нам еще предстоит немало, — об этом мои размышления, которыми хочу поделиться с читателями журнала.

В научно-атеистической литературе часто и справедливо говорится о кризисе религии в современном мире, особенно в социалистическом обществе. Да, он действительно имеет место — мы все его хорошо видим. И это учитывают церкви в своей деятельности. Особенно охотно священнослужители стали обращаться к вопросам морали, проблемам добра и зла. Они упорно стремятся привести своих слушателей к мысли: «Зло от того, что бога забыли», — мол, только религиозная вера дает человеку высокую нравственность. И, надо сказать, иногда преуспевают в этих своих устремлениях.

Служителям религии не откажешь в умении подойти к людям. Они имеют за плечами тысячелетний опыт, великолепно учитывают стремление человека к счастью. Нередко при этом внушается довольно элементарная мысль: «Помолись, рука ведь не отвалится. Нет бога — много не потеряешь, есть — спасешься». И, бывает, люди молятся, крестятся: «А вдруг!..»

Случается, нашим пропагандистам в беседах задают, казалось бы, простой вопрос: «Какой вред от религии?» Или, как меня однажды спросила верующая, баптистка: «Чем вам мешает наша вера?» На самом деле такие вопросы совсем не просты, в частности уже сама постановка: «Чем вам мешает наша вера?» — делит людей на «своих» и «чужих». И первая мысль при этом: разве можно делить всех совершенно равноправных граждан нашей страны по их вере, национальности или по другим подобным признакам? Ведь партия всегда стремится объединить всех советских тружеников во имя общей цели — построения самого счастливого на земле общества. И вполне очевидно, что уже в таком вопросе просматривается стремление — разделить людей, увести их от общих дел в свой узкий мирок.

Какие же ответы даются на такие вопросы? Вариантов много. Бывает, наши пропагандисты уходят, скажем, в средние века и припоминают костры инквизиции. Да, но сейчас служители культа публично осуждают своих предшественников. Так что экскурс в историю хотя аргумент и веский, но — из прошлого. Случается, приводят примеры антиобщественных действий верующих. Но подобные случаи никак не дают правильного представления о религии и церкви в целом. К тому же верующие легко нейтрализуют такой довод ссылкой на то, что сами они не совершают антиобщественных поступков. Иногда вопрос о вреде религии подменяется воп-

росом о стяжательстве или непотребном поведении некоторых служителей культа. Но верующий легко докажет, что пьяницы и хапуги встречаются и среди неверующих.

Основной ответ в другом. Человек верующий существенно обедняет свою единственную — земную жизнь. И в наших условиях это просматривается особенно ясно. Именно в силу приверженности иллюзорному мировоззрению он пытается жить по принципу: «Каждый для себя, один бог за всех», смотрит на мир как бы со стороны, стремится уклониться от «мирских» дел — суета, дескать, все это, главное — спасение души во имя вечного блаженства в мире ином. Ради мифического «спасения» он сужает свою жизнь, иногда даже искусственно создает себе страдания, ищет в них радость, хотя сама по себе природа людей протестует против этого. Особенно опасно, когда такое стремление к «подвигу за веру» — страданию становится главным в жизни юного, молодого. Уход от реальной жизни в мир иллюзий приносит вред и личности и обществу, которое тоже теряет, если теряет себя человек.

У нас в городе пропагандисты атеизма в работе с верующими стремятся не забывать указания В. И. Ленина «Знать настроения. Знать все. Понимать массу. Уметь подойти. Завоевать ее абсолютное доверие». Преодолевать религиозные настроения при помощи только атеистического воспитания нельзя. Нужно тесное единство и взаимодействие с интернациональным, трудовым, нравственным, идейно-политическим воспитанием, лишь при таком условии можно решить данную задачу. При этом пропагандисты должны действовать и в трудовом коллективе, и в школе, и в сфере быта, в семье. Особенно в семье, где чаще всего происходит передача религиозных верований от старших поколений к младшим.

К сожалению, многие наши пропагандисты атеизма не владеют в достаточной мере искусством подхода к верующему человеку, некоторые действуют в отрыве от других форм воспитания людей. И это большой минус. Вполне очевидно, что и сюда прямо относится указание постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»: «Главное состоит в том, что качество этой работы далеко не всегда отвечает возросшему образовательному и культурному уровню и запросам советских людей, недостаточно учитывает динамичность социально-экономических процессов и духовной жизни современного советского общества».

Особенно печально, что у нас порой еще встречаются случаи, когда человека за то, что он верующий, лишают премии, отпусков в лучшее время года. И ведь это не только грубейшее нарушение советских законов, но и забвение наших моральных норм, высокого гуманизма научного атеизма. А результат? Человек замкнулся, даже, бывает, еще больше укрепился в вере. Однажды мы устроили на работу отошедшего от религии человека — бывшего священника — на буровую. Конечно, к нему нужно было проявить внимание, помочь. Но кто-то из буровиков в шутку пригрозил то ли остричь его, то ли вымазать бороду нефтью. А тот обиделся и тут же уволился...

Надо сказать, что не всегда мы еще знаем как следует взгляды и настроения верующих. Здесь пропагандистам на местах очень нужны конкретные социологические исследования. Несколько лет назад мы провели такую работу в нашем городе, она позволила нам сделать кое-какие выводы. Так, выяснилось, что большинство верующих у нас — бабушки, затем идут матери, дедушки. Есть еще немало семей, где отмечаются религиозные праздники, верят гаданиям, сновидениям и т. п. Тревожным оказался ответ на вопрос об отношении к религии: каждый третий из опрошенных сообщил, что не относится к ней осознанно отрицательно.

Ясно стало также, что вне нашего поля зрения оказались пожилые люди, что в большем внимании нуждаются одинокие женщины. Прямым укором нам служит, например, случай, когда бывший повар, хорошая работница, уйдя на пенсию, стала верующей: ее личная жизнь не удалась, а в критический момент (смерть матери) рядом никого, кроме верующих, не оказалось. Подобным путем пришла в общину и другая женщина, старший продавец. У нее тоже была тяжело больна мать и тоже рядом не было товарищей по работе.

Большое значение в жизни человека, как известно, имеют праздники, обряды, однако мы не уделяем им еще должного внимания. Если как-то оформлены у нас свадьбы, проводы в Советскую Армию, рождение ребенка, то такой обряд, как похороны, ни теоретически, ни практически не разработан.

И конечно же, для плодотворной деятельности необходимы знающие, опытные кадры. Их нужно не только готовить. Им необходимо оказывать повседневное внимание. Наш университет марксизма-ленинизма, например, выпустил более 200 человек, но к активной постоянной пропагандистской работе удалось привлечь далеко не всех.

Партийные и комсомольские организации нашего города стремятся тщательно готовить и регулярно проводить циклы лекций, устные журналы, читательские конференции с учетом того, чтобы на них обязательно приглашать пенсионеров и домохозяек. Стараемся мы и полнее использовать для этих целей местную и стенную печать, городское радио, радиоузлы в школах и на предприятиях. Но надо признать, что пока в некоторых школах эти вопросы не находят должного внимания у педагогов. Однажды у меня состоялся разговор с организатором внеклассной работы. Она даже считала вредным вести регулярную атеистическую работу в классах: мол, однодва мероприятия в год и — достаточно. А то, дескать, заинтересуются дети вопросами религии и, глядишь, уверуют.

Подобные факты говорят о том, что бытует еще и формальный подход к этому чрезвычайно важному и сложному участку воспитательной работы. И о том также, что нам нужно как следует потрудиться, чтобы поправить дело, избегая парадных отчетов и показной шумихи. Если мы обратимся к постановлению ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», то увидим, что именно такого подхода требует от нас партия — четко, ясно и откровенно отвечать людям на их вопросы, даже самые трудные и сложные. Успеха можно достичь лишь тогда, когда организаторы атеистической работы будут доходить своим словом до сердца и разума каждого, чтобы это слово превращалось в убеждения, способствовало формированию активной жизненной позиции, которая характеризуется, в частности, и непримиримостью к любым попыткам религиозных экстремистов исказить общность целей советских людей. Без этого невозможно коммунистическое воспитание.

В этой работе мы руководствуемся указаниями XXV съезда нашей партии, который призывал делать упор в воспитательной деятельности на формирование у всех советских людей чувства гордости за нашу социалистическую Родину, на укрепление единства, дружбы всех народов и народностей нашей страны, направлять усилия трудящихся на достижение новых успехов в деле коммунистического строительства, формируя тем самым чувство общности всего советского народа. И мы стараемся добиться, чтобы наши пропагандисты, агитаторы, политинформаторы не страдали такой болезнью, как пассивность, безынициативность. А знания и опыт при активном подходе к делу к ним придут. И вместе с этим — благодарность людей, к которым обращена наша работа.

г. Белебей
Башкирской АССР

У НАС В ГОСТЯХ ЖУРНАЛ «ЛЮДИНА І СВІТ»

Украинскому научно-популярному атеистическому журналу «Людина і світ» («Человек и мир») — 20 лет.

Поздравляя коллектив журнала, его авторов и читателей, редколлегия и редакция «Науки и религии» желают им дальнейших успехов, новых интересных номеров.

О журнале украинских атеистов рассказывает сегодня его главный редактор И. М. Бречак. Публикуем также сокращенный перевод из 4-го номера «Людини і світ» за этот год подборки об опыте пропагандистов г. Запорожья.

ЖУРНАЛ И ЕГО ЧИТАТЕЛИ

«ЛЮДИНА І СВІТ», что в переводе с украинского означает «Человек и мир», — один из двух издающихся в нашей стране научно-популярных атеистических журналов. Общество «Знание» Украинской ССР начало выпускать его с октября 1960 года, год спустя после того, как увидел свет первый номер всесоюзного атеистического журнала «Наука и религия». За 20 лет, прошедших с тех пор, «Людина і світ» превратился в массовое издание, основная задача которого — пропаганда научного атеизма, всестороннее содействие формированию марксистско-ленинского материалистического мировоззрения, помощь пропагандистам и агитаторам-атеистам материалами по теории, методике и практике атеистического воспитания, популяризация лучшего опыта этой работы.

В нынешнем году деятельность редакции проходила в условиях всенародной подготовки к празднованию 110-й годовщины со дня рождения Владимира Ильича Ленина, 35-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, подготовки к очередному XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза. Под рубриками «Опыт, практика, методика», «Молодежи об атеизме», «Научные орбиты», «Человек: сфера духовная», «Праздники, обряды, традиции», «Богословие и современность», «Религия и политика», «Просто факты», «Письма из братских республик», «За рубежом» и другими печатались статьи, очерки, фоторепортажи и другие материалы, в которых в тесной связи с практикой коммунистического строительства рассматривались вопросы формирования духовного мира нашего современника — человека высоких моральных качеств, свободного от религиозных предрассудков.

Уже простое перечисление рубрик журнала достаточно наглядно свидетельствует о том, что наряду с раскрытием несостоятельности и реакционной сущности религии ведущими тематическими направлениями журнала являются пропаганда положительной роли атеизма в жизни современного человека, распространение научного понимания процессов развития природы и общества, утверждение марксистско-ленинского мировоззрения и коммунистической морали, даю-

щих ясную и верную ориентацию в мире человеческих отношений. Такая направленность журнальных материалов способствовала созданию широкой читательской аудитории.

Активную роль журнала в формировании атеистической убежденности подтвердила и проведенная в этом году на его страницах заочная читательская конференция. На вопрос «Используете ли вы журнал «Людина і світ» в атеистической работе?» 75,4 процента участников конференции ответили положительно. Вот, к примеру, ответ учителя П. Ю. Клима из села Кобаки Ивано-Франковской области: «Ваши публикации мне очень помогли на уроках основ Советского государства и права... Опытом работы я делился на районных и областных педагогических чтениях, на семинаре методистов истории и обществоведения областных институтов усовершенствования учителей в Киеве и во время педагогических чтений в Днепропетровске... Этой работе была посвящена страница косовской районной газеты «Радянська Гуцульщина» («Советская Гуцульщина») от 8 декабря 1979 года под заголовком «Ученикам — прочные атеистические убеждения»... Должен отметить, что из 35 часов, отведенных на упомянутый курс, на 28 я пользуюсь вашими публикациями. И это способствует более глубокому усвоению предмета, делает его более разнообразным».

Многие читатели в своих ответах на анкету поведали о себе, о своей жизни, поделились мыслями о ценности атеистических убеждений. «Отец мой еще в 1916 году говорил матери: веди детей в церковь причащаться, не то меня уволят с работы на почте, — писал Г. В. Лихачев из села Мироновское Донецкой области. — Позже я стал сомневаться в божественной силе, читал много атеистической литературы. Сейчас мне 71 год. Ваш журнал я люблю и охотно читаю. Читаю также «Науку и религию». Ныне представления о религии у меня совершенно определенные: она — орудие обмана и страха. Жизнь дается нам одна, и должно прожить ее разумно». Как засвидетельствовала анкета, 27 процентов участников заочной читательской конференции выписывают журнал более 10 лет, 58 процентов — 5 лет и более. И этот показатель постоянной читательской заинтересованности вопросами научного атеизма, разумеется, радует редакцию.

Большой интерес среди читателей вызвала, в частности, завершившаяся несколько месяцев тому назад публикация серии статей бывшего православного священника, ныне сотрудника одного из киевских музеев П. Ф. Дарманского «Земные истоки «священного писания». Когда публиковалась эта серия, заметно возросло количество писем в журнал, в том числе и от верующих читателей, что дало редакции стимул для публикации новой серии статей, на этот раз на естественнонаучные темы. В публикуемую ныне серию вошли статьи: «Человек познает мир», «Вселенная: что мы знаем о ней», «Происхождение Земли и планет», «Как возникла жизнь», «Происхождение человека», «Материальность мира».

Сейчас вместе со своими читателями, вместе со всеми советскими людьми наша редакция активно готовится к достойной встрече XXVI съезда КПСС. Уточнены тематические линии журнала, его рубрики. Значительное место в творческих планах отводится пропаганде передового опыта. Так, в январе 1981 года выйдет тематический номер, посвященный опыту и практике атеистической работы в трудовых коллективах республики.

О том, как на страницах нашего журнала рассказывается о лучшем опыте атеистического воспитания, дает, на наш взгляд, представление и помещенная ниже подборка.

И. БРЕЧАК,
главный редактор журнала «Людина і світ»

ЗАПОРОЖСКИЙ ОПЫТ: КООРДИНАЦИЯ — СИСТЕМНОСТЬ — КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

Организовать, эффективно вести атеистическую работу в условиях современного большого города — задача сложная, многоплановая. Всестороннее, комплексное влияние на личность возможно лишь при условии координированности, системности, когда все звенья воспитания составляют единое целое, каждое звено, выполняя свою конкретную функцию, в то же время взаимодействует с остальными, дополняет и углубляет их. Как эта работа ведется в Запорожье, рассказывают публикуемые здесь материалы.

Д. КОРЕЦКИЙ, С ТЕТЕРУК

КОНКРЕТНО, СО ЗНАНИЕМ ДЕЛА

«Постановление и опыт работы лектора были изучены на заседаниях партийных комитетов и бюро, совещаниях партийного актива, на занятиях и индивидуально с лекторами, докладчиками, пропагандистами, политинформаторами и агитаторами...»

Из информации о выполнении постановления бюро Шевченковского райкома партии г. Запорожья от 22 августа 1979 года «Об опыте работы В. М. Дашковского — лектора-атеиста научно-технической станции».

Лидия Ивановна ВАСИЛЬЕВА, секретарь Запорожского горкома партии.

— Это только один пример конкретного подхода в партийном руководстве атеистической

работой. Примеров таких можно привести много. Однако обратимся к самому факту.

Дело в том, что шевченковцы не просто изучили лучший опыт и распространили его. Важно, что именно решение бюро стало стимулом, активизировавшим атеистическую работу в районе. И вполне закономерно, что партийные организации вскоре информировали райком о позитивных сдвигах в этом деле. В частности, были организованы уголки атеиста, изготовлены стенды.

В системе комсомольской политучебы самой научно-технической станции, где работает В. М. Дашковский, дополнительно созданы два кружка по изучению основ научного атеизма, в которых занимаются более 60 юношей и девушек. Активизировалась здесь и деятельность пропагандистов первичной организации общества «Знание» Р. Ской, Р. Стовбы, И. Андрианова, молодых лекторов А. Юрмана, В. Богуна, В. Фролова и других. В производственном объединении «Запорождрев» агитаторы А. Дорогин, И. Горшенев, А. Козенко привлекли к учебе в кружках комсомольского политпросвещения нескольких верующих-пятидесятников. А партийный комитет моторостроительного завода на основании постановления бюро райкома партии разработал конкретные рекомендации для заводской организации общества «Знание» и ее лекторской группы.

Не администрирование, а убеждение, агитация делом — на это нацеливает горком все звенья системы атеистического воспитания. В сферу атеистического воздействия вовлечены и верующие и неверующие, при этом учитываются возраст, психология разных групп населения. Большое внимание уделяется пропаганде и неуклонному соблюдению советского законодательства о религиозных культах.

Горком партии систематически контролирует деятельность советов и секций, созданных при райкомах партии и первичных парторганизациях. Общее руководство осуществляется через городской совет по координации атеистической работы. Строится она на основе комплексного плана, в котором четко определены ее цели и задачи, намечены меры по улучшению подготовки кадров, лекционной пропаганды, обращено внимание на формы и содержание работы с верующими, с молодежью, на внедрение новой обрядности, обобщение и распространение передового опыта.

Чтобы эффективнее направлять всю эту сложную деятельность, мы постоянно изучаем религиозную обстановку в городе, изменения в сознании верующих, взаимоотношения и моральный климат в их семьях. Очень важно, на наш взгляд, приобщить религиозных людей к общественной жизни. И вполне естественно, что у нас широко используется опыт парторганизаций производственного объединения «Запорожтрансформатор», моторостроительного завода и других предприятий.

Много внимания мы уделяем подготовке кадров для атеистической работы. В наших условиях подтвердили свою действенность городские семинары пропагандистов атеизма, в частности совещания-семинары агитаторов, работающих с верующими. Мы широко практикуем наставничество и другие формы обмена опытом. Аналогичная система используется и в районных парторганизациях, где созданы народные университеты, школы, кружки научного атеизма. Например, в этом году в системе комсомольского политпросвещения значительно увеличилось количество кружков по изучению основ научного атеизма. Теперь их в городе 102. При городском народном университете лекторского мастерства работает факультет научного атеизма.

Эффективно действует научно-методический совет по пропаганде атеизма городской организации общества «Знание». Популярными стали в Запорожье вечера для верующих и неверующих. В практику прочно вошел системный подход к лекционной пропаганде. В большинстве случаев лекции читаются циклами, используются и такие формы идеологической работы, как кинолектории, клубы по интересам, по месту жительства.

Положительный эффект дают общие собрания трудовых коллективов и по месту жительства, на которых обсуждаются факты нарушения законодательства о религиозных культах, дается принципиальная оценка антиобщественной деятельности отдельных сектантских руководителей.

Неотъемлемой составной частью атеистического воспитания в городе стали средства массовой информации. В газетах «Индустриальное Запорожье», «Запорiзька правда», «Комсомолець Запорiжжя» есть атеистические рубрики, а на радио — радиожурнал «Промiнь» («Луч»). Ежеквартально выходит стенгазета городской организации общества «Знание» «О мире и человеке», используется и другая наглядная агитация.

Атеистическое воспитание — живое, творческое дело. И мы видим свою задачу в совершенствовании форм и методов идеологического воздействия, всей системы научно-атеистической работы.

КАЖДЫЙ НА ВИДУ

«Нет у нас, как и всюду в стране, разделения на верующих и неверующих. Работаем в цехах вместе, одно дело делаем, вот и заботиться должны друг о друге, чтобы каждый был, как говорят, на виду».

Из рассказа председателя цехкома профсоюза производственного объединения «Запорожтрансформатор» Л. Н. Бардуковой.

Николай Уварович КОТЛЮБА, секретарь парткома ордена Трудового Красного Знамени производственного объединения «Запорожтрансформатор» имени В. И. Ленина.

— Полтора Днепрогэса в одном трансформаторе. В 40 стран мира идет наша продукция. Сложилась, завоевала признание запорожская школа трансформаторостроения. Вот что такое сегодня наше объединение.

Гордость за свое предприятие, чувство причастности к его успехам, уверенность каждого человека в своих творческих возможностях — таковы важнейшие предпосылки эффективности воспитательной работы. Главное же условие мы видим в постоянном совершенствовании отношений в трудовом коллективе, в создании такого морально-психологического климата, чтобы человеку работалось с интересом, чтобы полностью раскрывались его творческие задатки.

Администрация и партком вместе со всеми службами и общественными организациями много делают для того, чтобы в нашем коллективе царила именно такая атмосфера. Важные партийные решения, направленные на дальнейшее улучшение идеологической, политико-воспитательной работы, на укрепление трудовой дисциплины и сокращение текучести кадров, заставили глубже и предметнее взглянуть на всю нашу воспитательную деятельность, лучше понять, что комплексный подход — это возможность подойти к ней с самых разных сторон.

Реализуется этот принцип прежде всего в коллективе и через коллектив. Очень важны хорошие условия труда и отдыха трудящихся. Сейчас рядом с предприятием вырос городок трансформаторщиков,— чтобы добраться до работы, людям нужно всего 10—15 минут. Практически каждый член коллектива, а их у нас 15,5 тысячи, может получить путевку для отдыха или лечения. Без отрыва от производства можно получить среднее, среднее специальное или высшее образование, сдать кандидатские экзамены. Недаром, согласно комплексному плану социально-экономического развития предприятия на десятую пятилетку, мы планируем увеличить в 1980 году на 17 процентов (по сравнению с 1975 г.) количество работников со средним образованием, со средним техническим — до 25,41 процента против 19,52 процента в 1975 году, с высшим — до 14,85 процента против 11,44 процента в 1975 году.

Повышение образовательного уровня диктуется как производственной, так и воспитательной необходимостью. С одной стороны, высококвалифицированная работа требует от людей обширных знаний, с другой — ответственного, сознательного отношения к делу. Все это обусловливает необходимость повысить требования к духовному развитию работника. Кстати говоря, известно, что высококвалифицированные, глубоко эрудированные люди в большинстве случаев имеют твердые материалистические убеждения, их творческая инициатива не скована никакими предрассудками.

Созданию атмосферы товарищества, взаимного уважения и взаимопомощи в коллективе содействует широко развернутое социалистическое соревнование, движение за коммунистический труд. Мы гордимся тем, что вот уже в течение пяти лет удерживаем переходящее Красное знамя своей отрасли. А какое сильное воспитательное воздействие оказало в нашем коллективе пат-

риотическое движение — изготовить к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, оборудование на миллиард киловольт-амперов.

Внимательно изучаются в нашем коллективе запросы, предложения, замечания работников. Системой стали выступления руководителей объединения перед рабочими. В постоянную практику вошло еженедельное проведение идеологических оперативок генеральным директором.

Партком объединения, общественные организации ведут большую воспитательную работу, в том числе атеистическую. В организации общества «Знание» есть секция научного атеизма, действует совет по новым обрядам. Атеизмом занимаются опытные лекторы и агитаторы. Многие из них повышают уровень своих знаний в районной школе. В помощь им мы также разрабатываем каждый год тематику бесед, а раз в квартал проводим занятия по вопросам теории и методики. В системе комсомольского политпросвещения действуют кружки по изучению основ научного атеизма.

Большое внимание уделяем подготовке пропагандистов по личным творческим планам. Вот, например, план пропагандиста кружка основ научного атеизма Александра Чеснакова. В плане три раздела: первый — «Углубление теоретических знаний и повышение методического мастерства», второй — «Индивидуальная работа со слушателями, повышение трудовой и общественной активности». Здесь, в частности, говорится: «...Для более глубокого изучения программного материала постоянно проводить групповые и индивидуальные консультации со слушателями. Воспитывать социальную активность слушателей. Подготовить двух политинформаторов. Добиться, чтобы все слушатели включились в соревнование за звание «Ударник коммунистического труда». Тем, кто имеет это звание, добиться его подтверждения. Оказывать слушателям практическую помощь в составлении индивидуальных обязательств. Вырабатывать у слушателей навыки самостоятельной работы... Добиваться, чтобы каждый слушатель выполнил не менее двух-трех практических заданий...»

Завершает этот личный творческий план календарный график занятий, в котором фиксируется все — от методической разработки темы до выступлений слушателей. Опыт Александра Чеснакова распространен среди пропагандистов объединения через заводскую многотиражку.

А в целом более 11 тысяч работников объединения учатся в системе политического просвещения, участвуют и в других массовых формах учебы. В школах коммунистического труда, в комсомольской школе «Политика КПСС — марксизм-ленинизм в действии», в теоретическом семинаре «Актуальные проблемы теории и политики КПСС», в популярных лекториях и школе экономических знаний учатся также и верующие. Многие из них принимают участие в общественной жизни коллектива, посещают рабочие собрания профгрупп и цехов, бывают на политинформациях, лекциях, работают вместе со всеми во время субботников, выполняют отдельные поручения. Берут они и личные обязательства на год, их трудовые успехи по заслугам отмечает коллектив. Например, Я. Гольченко награжден нагрудным знаком «20 лет безупречной работы», Н. Утюж — знаком «10 лет безупречной работы». Кстати, следует отметить, что текучесть кадров в коллективе составляет всего 5,9 процента — в несколько раз меньше, чем в среднем по городу. Стабильность коллектива — важное условие улучшения всей идейно-воспитательной работы.

Валентин Владимирович МАРАКУЛИН, старший наладчик.

— Индивидуальная работа с верующими — это такая работа, которая в каждом конкретном случае ведется по-особому. Есть, конечно, и общие требования — знание вероучения, чувство такта, доброжелательность в общении с людьми и т. д. Стань другом, советчиком верующего — и результат не заставит себя ждать. Именно такой подход, а не эпизодические беседы, именно такая постоянная заинтересованность делами человека, которому ты желаешь добра, приносят пользу. А в целом индивидуальная работа — это творчество, постоянный поиск и раздумья.

Мария Иосифовна ЛЫСЕНКО, председатель совета наставников цеха низковольтных электротехнических изделий.

— Если спросить многих работников, признанных мастеров своего дела, общественных активистов, кто приобщил их к производственному коллективу, раскрыл им красоту профессии, развил рабочую гордость, то мы составили бы целую книгу о людях большой души, старших товарищах — наставниках. Они аккумулируют в себе лучший опыт поколений рабочего класса нашей страны, его революционные, трудовые традиции, его материалистические убеждения.

У нас в цехе, да и во всем объединении, сложилась четкая система наставничества. Прежде всего, кто может быть наставником? При подборе мы учитываем как чисто профессиональные, так и морально-политические данные. Взять, скажем, наших работниц Лидию Ивановну Брынзу, Александру Романовну Литвиненко, Анну Васильевну Очкасову, Надежду Трофимовну Дорошенко. Молодые люди доверяют им, советуются, делятся самым сокровенным. А это значительный фактор и в атеистическом воспитании. Нередко верующие склонны к замкнутости, даже в коллективе ищут возможности обособиться. Шаг за шагом наставник поворачивает их лицом к коллективу, приобщает к его трудовым и общественным делам. Если сегодня, например, молодая намотчица увереннее чувствует себя в рабочей семье, то заслуга в этом чуткой наставницы Валентины Селезневой. Преодолеть барьер отчуждения, заинтересовать делами коллектива — вот начало формирования атеистической убежденности.

Мы, конечно, не сводим эту работу к наставничеству, но в комплексе разнообразных средств идейного воздействия его роль очень велика.

ЕСЛИ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ФОРМАЛИЗМА

...Он вышел из молитвенного дома возбужденный, усталый.

— Коля? Неужели ты?

Встретились учитель и бывший медалист, затем выпускник физического факультета Днепропетровского университета, владелец «красного диплома».

— Как ты мог, Коля?

Юноша вымученно улыбнулся:

— В школе, а позже в вузе — на семинарских занятиях, экзаменах — оценки я получал за знания, а убеждения у меня были совсем иные — ведь я верующий...

Лидия Прокофьевна РЫЧАГОВА, директор средней школы № 81.

— Конечно, случай с нашим выпускником — единственный в своем роде. Да и произошло это уже давно. Но все же этот факт заставил всех нас задуматься над страшным злом в воспитательной работе — формализмом. Действительно, можно придумать множество мероприятий, можно поднять «средний балл» по школе, но как быть с убеждениями, с духовным, мировоззренческим багажом? Как оказывается, оценка за знания не всегда может быть тут критерием.

Сейчас, конечно, верующих детей очень мало. Но вспоминаю слова из проповеди: «Если в семье пятеро детей и только одна мать идет молиться, а пятеро сидят дома, то пусть будет наоборот — одна мать пусть сидит дома, а пятеро детей — идут и молятся».

Как-то мы поинтересовались, как живут семьи наших верующих учеников. Выяснилось, что книги, газеты и журналы читают с детьми лишь 4 процента родителей, ходят вместе с детьми в кино, в театр — 6 процентов, любимых общих дел в семьях почти не обнаружилось. Праздники дома отмечают, но среди них не нашлось места таким, как прием в пионеры, в комсомол, получение паспорта. Они еще не стали семейным торжеством.

Работу свою в этом направлении мы начали планировать по традиционным направлениям: атеистическое воспитание в процессе преподавания учебных дисциплин, организация внеклассной воспитательной работы, индивидуальная работа с верующими детьми и их родителями, создание и укрепление методической базы. Координирует все совет по атеизму. Его возглавляет член партбюро школы Г. В. Шалабанова. В некоторых школах полагают, что за такую работу должен отвечать, скажем, учитель биологии. Мы же считаем: научно-атеистическое воспитание — дело парторганизации.

Чем занимается совет по атеизму? Прежде всего планирует атеистическое воспитание, разрабатывает рекомендации по индивидуальной работе с учениками из верующих семей. Новое здесь в том, что план составляется не на полгода, а на все время учебы ребенка.

Начали мы с тщательного изучения духовной атмосферы в микрорайоне. Здесь есть своя специфика. Школа расположена на окраине города, примыкает к сельской местности. Неподалеку расположены молитвенные дома евангельских христиан-баптистов, адвентистов седьмого дня, пятидесятников. Есть в округе и несколько семей свидетелей Иеговы. Действует также православная церковь.

С каждым учеником мы ведем работу дифференцированно. Уже с первого класса учителя интересуются, как он проводит выходные дни, каковы у него дома условия для подготовки к урокам, беседуют с родителями, а в школе обсуждают с ребятами книги, газетные и журнальные статьи, в старших классах устраивают диспуты.

Однако главная форма атеистического воспитания в школе — урок. Содержание учебных предметов предоставляет богатые возможности для формирования научного мировоззрения. Конечно, не каждому учителю удается раскрыть их в полной мере. Здесь на помощь пришел опыт Боярской средней школы Молдавской ССР и подготовленные учеными рекомендации «Атеистическое воспитание в школе». Используя их, наши методические объединения составляют разработки по каждому предмету. В них — четыре графы: раздел программы или тема, задача атеистического воспитания, основные положения и выводы. Эти схемы — подспорье не только для учителя, но и для меня, директора. Графа «Контроль и руководство» четко указывает, на что следует обратить больше внимания и каких результатов можно ожидать.

Дифференцированно ведем мы и внеклассную работу. В 1—4-х классах в первом полугодии каждый понедельник проводим «Минутки этики», во втором полугодии — «Мир глазами октябрят». В этом возрасте большое впечатление на детей производят сказки. Сказки мы инсценируем. Одних героев благодарим, других осуждаем. Организуем также экскурсии. В 5—7-х классах проводим уроки «О суевериях и предрассудках», учащиеся принимают участие в работе агитбригады «Атеисты», выпускают газеты и плакаты атеистического содержания. В старших классах действует атеистический клуб «Ровесник», ребята проводят диспуты, встречи с пропагандистами атеизма, коллективные посещения вечеров для верующих и неверующих.

Зинаида Викторовна РОМАНОВА, классный руководитель.

— Индивидуальную работу мы проводим не эпизодически, а в течение всего времени учебы. Это не просто общественное поручение, а моральная, гражданская ответственность за детскую душу.

Шесть лет я была руководителем класса, где учились двое детей из верующих семей. Среди живых, энергичных детей они отличались замкнутостью. Потом узнала, что их родители — баптисты. Как быть? Читала много книг, статей по атеизму, но готового ответа не нашла. Посещала молитвенные собрания, разговаривала с верующими, хотела разобраться в их вероучении. И поняла: цель проповедников — приглушить интерес к земной жизни. В ход пускаются самые различные средства воздействия: музыка, художественное чтение, театрализованные постановки и, конечно, проповедь.

Первое, что я решила, — это сделать все, чтобы в классном коллективе детям было интересно. И второе: добиться, чтобы верующие родители стали моими единомышленниками в воспитании своих детей. Задача, скажу прямо, очень сложная. Но при желании осуществимая. Нужно только вдумчиво искать те точки, на которые можно опереться в повседневной работе.

Пришлось детально изучать обстановку в семьях, психологические особенности верующих детей и родителей, выяснять причины их религиозности и степень влияния на детей. Выяснилось, что отец моего ученика был когда-то неверующим, но под влиянием верующей жены через ряд неудач, разочарований пришел в общину.

Я стала частой гостьей в этой семье. Мы говорили о том, как помочь детям учиться, укреплять здоровье, как лучше организовать их отдых. Со временем стали хорошими друзьями. Постепенно я начала вести разговор и на мировоззренческие темы.

Пристально приглядывалась я и к детям. Беседовала с ними о занятиях, книгах, кинофильмах, песнях, о будущей профессии, о том, как они понимают счастье, за что любят свою Родину, кому хотели бы подражать. Со временем мнение учителя становилось для них авторитетным и в разговорах с родителями появился мотив: «А Зинаида Викторовна говорила нам вот как...»

Разумеется, я не забывала ни на минуту главную задачу — сделать так, чтобы жизнь класса была интересной, содержательной. Вместе с советом отряда подобрала дело каждому по душе. Узнали, что у девочки из верующей семьи хороший голос, а мальчик выразительно читает стихи. И стало у нас на двух участников художественной самодеятельности больше.

Участие в культурно-массовой работе, в общественно полезном труде принесло моим подшефным большое моральное удовлетворение. И тут я поняла еще одно: индивидуальная работа — не только беседы с глазу на глаз, но и качественное улучшение жизни и деятельности всего класса. И она не даст результатов, если коллектив живет буднично, неинтересно.

Уже в пятом классе наш отряд завоевал звание правофлангового, принимал участие в районных слетах, встречался с ветеранами революции, Великой Отечественной войны, труда, был награжден путевками в Ялту, Киев, Ленинград. И во всех наших делах активное участие принимали дети из верующих семей.

Вспоминаю комсомольские вечерницы в день рождения ВЛКСМ. На автобусах мы подъехали к подножию кургана, на вершине которого уже были зажжены факелы. Поднялись на его вершину. Здесь навстречу звездам понеслись боевые комсомольские песни. Вечерницы закончились торжественной клятвой:

Именем жизни! Именем солнца
Клятву даем!
То, что отцы не допели,
Мы допоем!
То, что отцы не достроили,
Мы достроим!

И хотя мои ребята из верующих семей не были комсомольцами, я нашла возможность привлечь их к участию в вечерницах. Мальчику поручили быть ответственным за факелы, девочка пела песни. И, может быть, именно в тот вечер они решили вступить в комсомол. А как активно они выступали на читательской конференции по книгам Л. И. Брежнева «Малая земля», «Целина» и «Возрождение».

Не все, конечно, шло гладко. Родители тяжело воспринимали то, что школа стала привлекать подростков больше, чем молитвенный дом. Но учителя действовали тактично, и это гасило сомнения религиозных родителей.

Василий Михайлович РЯЗАНОВ, заведующий городским отделом народного образования.

— Лидия Прокофьевна и Зинаида Викторовна рассказали об опыте атеистического воспитания только в одной — своей школе. Но в нем как бы аккумулирован опыт всех школ города. Проблема формирования убеждений — одна из важнейших для педагогов. Объективно учебная программа построена так, что все ученики должны стать убежденными атеистами. Но, как свидетельствует практика, в известных условиях может произойти и такое, как тот исключительный случай с бывшим выпускником 81-й школы.

Как повысить эффективность воспитательной, в частности атеистической, работы, как избавиться здесь от формализма? В решении этой задачи активное участие принимает совет по народному образованию при гороно. Он не только планирует эту работу, но и выявляет слабые места, обеспечивает педагогические коллективы методическими разработками. Многие учителя теперь получают знания основ научного атеизма в системе партийной учебы. Раз в месяц преподаватели общественных дисциплин проходят подготовку на постоянно действующих семинарах при райкомах и раз в квартал — при горкоме партии.

Важным средством формирования социальной ориентации учеников стали произведения товарища Л. И. Брежнева, в которых на конкретных примерах раскрывается диалектика жизни. Они дают молодым знания, умение сознательно разбираться в окружающей действительности и делать правильные выводы в своих повседневных делах. Тщательный и педагогически осмысленный подбор форм и методов изучения произведений товарища Брежнева, продуманное, методически оправданное, органическое вплетение их в канву учебно-воспитательного процесса помогает избавиться от упрощенчества, оторванного от жизни морализирования.

Одновременно идет и поиск новых форм воспитательной работы. Взять, к примеру, уроки самовоспитания. Еще совсем недавно мы выборочно проводили их в порядке эксперимента, теперь они проводятся повсеместно. Что это за уроки? Здесь каждый — и воспитатель и воспитуемый одновременно. Ученики обсуждают свои поступки, анализируют их, размышляют над ситуациями, которые сложились или могут сложиться в классном коллективе. Не голое морализирование, а конкретный поступок, позиция, становятся основой обсуждения. Уроки ведут сами ученики.

ПРИГЛАШАЮТСЯ ВЕРУЮЩИЕ И НЕВЕРУЮЩИЕ

«Суббота. Утро. Я поднялся до рассвета, весь наполненный вчерашним вечером. Все как на ладони — и слова, и мысли, и взаимоотношения. И ни единого темного пятна».

«...Стремление бывать, встречаться на вечерах у меня есть, и я слежу за объявлениями в газете».

«...Все было представлено, особенно химиками, как факирство, фокусничество... И я понял — мне нечего сказать, а я так готовился. С молитвой, с волнением».

Строки из писем верующих организаторам вечеров для верующих и неверующих.

Виктор Ефимович ПЕРЕВЕРЗЕВ, кандидат философских наук, председатель научно-методического совета по пропаганде атеизма при правлении Запорожской городской организации общества «Знание».

— Уже несколько лет в Запорожье успешно действует новая форма работы — вечера для верующих и неверующих. В свое время атеистическая пропаганда в нашем городе была в значительной мере безадресной, велась так сказать «вообще» и, естественно, не давала ожидаемого эффекта. А как сделать ее конкретной, действенной? Практика показала: отличная форма — вечера, которые собирают в одну аудиторию для широкого обмена мнениями, откровенного разговора как верующих, так и неверующих. Такие вечера — достаточно эффективная форма идеологического воздействия, она ломает психологический барьер между верующими и неверующими, сближает их, способствует непринужденному диалогу. Правда, на первых порах у таких вечеров были противники, возникали и организационные трудности, но теперь все позади.

Непосредственно организацией и проведением вечеров занимается группа членов научно-методического совета по пропаганде атеизма городской организации общества «Знание». Они опираются на помощь партийного и комсомольского актива, работников культурно-просветительных учреждений. Тематика разрабатывается на заседании бюро научно-методического совета, здесь же распределяются обязанности. Тему вечера заранее сообщает областная газета. Участников приглашают также с помощью афиш и писем.

Пожалуй, самое сложное в организации этих вечеров — создать обстановку полного доверия и в то же время четкого порядка. Мы приглашаем всех высказаться, требуя, однако, выполнения двух условий: придерживаться регламента в 10—15 минут и быть взаимно вежливыми. И обязательно, прежде чем начать говорить, человек должен представиться присутствующим. При общей поддержке аудитории было запрещено фотографировать в зале и делать магнитофонные записи. Это сняло чувство настороженности и, так сказать, психологически раскрепостило участников вечеров.

Большинство на таких вечерах — молодежь. На нее, собственно, и рассчитана прежде всего эта форма. Но немало и пожилых. Царящая в зале атмосфера дает возможность высказаться всем желающим. Особенно интересно людям послушать тех, кто порвал с религией. Так, надолго запомнился рассказ бывшего проповедника пятидесятников Л. Черняка. Яркое впечатление произвело и выступление инженера В. Мазура, бывшего члена общины баптистов. Думаю, не зря во время молитвенных собраний проповедники обращаются теперь к своим прихожанам: «Помолимся за выступление брата, которого мы посылаем на вечер во Дворец «Октябрьский».

После каждого вечера мы подводим его итоги, анализируем все положительное и отрицательное. Стремимся разобраться, что именно интересует наших слушателей. Это дает возможность в следующий раз избежать ошибок. Анализируем и состав аудитории, проводим нечто вроде микросоциологического исследования. Такое изучение дает возможность найти то, что больше всего волнует сегодня верующего слушателя, максимально приблизиться к нему.

Вот один из постоянных посетителей наших вечеров. Ему за 50. Отец шестерых детей. В общине ЕХБ его уважают за эрудицию и рассудительность. Его отношение к религии можно определить так: верующий, но не фанатично. Любит художественную литературу, книги о научных открытиях. У него незаконченное высшее образование, он выписывает газеты и журналы, порой может посмотреть и телевизионную передачу. Трое детей из его семьи не пошли по пути верующих родителей, вступили в комсомол. Что же приводит такого верующего к нам на диспут? Возможно, он ищет ответа на вопросы, которые поставила перед ним сама жизнь.

Вот темы нескольких последних вечеров во дворце «Октябрьский»: «Научная и религиозная картина мира», «Правда о Библии», «Библейские чудеса», «Медицина, религия, знахарство», «Религия и мораль». Как правило, организаторы вечера готовят пять-шесть выступлений, каждое рассчитано на 10—15 минут. Так, во время вечера «Правда о Библии» были выступления: «Что такое Библия», «Как примирить библейские легенды с наукой», «Библия и женщина», «Библия и дьявол», «Вопросы войны и мира в Библии», «Критика идеи богоизбранности».

Интерес к таким вечерам — уже большое дело. А они у нас, как свидетельствуют отзывы самих участников, нравятся всем. Авторитетности вечеров способствует и тот факт, что проходят они в лучшем в Запорожье концертном дворце «Октябрьский», расположенном в центре города. Подобные вечера получили теперь постоянную прописку и во дворцах культуры производственных объединений «АвтоЗАЗ», «Запорожтрансформатор», в Доме культуры завода огнеупоров и в других клубах.

СИЛОЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Из письма в газету «Индустриальное Запорожье».

Для нас, жителей Петромихайловки, день 17 сентября был необычным. 35 лет назад советские войска освободили наше село от немецко-фашистских оккупантов.

На празднование приехало много гостей из соседних сел, районного центра, представители промышленных предприятий Запорожья, участники освобождения из других городов. Состоялся торжественный митинг. К памятникам погибших воинов были возложены цветы. Над селом лились мелодии песен военных лет, передававшиеся из школьного радиоузла и Дома культуры.

Однако не все разделяли нашу радость. Нашлись люди, которые попытались омрачить празднование своими антиобщественными противоправными действиями. Душевные мелодии, лившиеся из репродукторов, оказывается, мешали им привлекать соседей, прохожих к той религиозной церемонии, которую они совершали во дворе дома Ильи Федоровича Ротова — одного из своих единомышленников, евангельских христиан-баптистов.

И вот по заданию организаторов и руководителей богослужения два молодых парня тайком пробираются в здание школы, где пытаются отключить электроэнергию, питающую радиоузел, и тем самым сорвать проведение праздника в селе. Этими хулиганами оказались «братья во Христе» — Петр Павлович Станкевич, 1955 года рождения, сын пресвитера общины евангельских христиан-баптистов из села Братское Михайловского района, и Василий Степанович Береговой, 1957 года рождения, его единоверец из села Новобогдановка Мелитопольского района.

Почему они появились в нашем селе? Оказалось, они прибыли на свадьбу, которую устраивали по религиозному обряду для своей дочери супруги Ротовы из Петромихайловки, принадлежащие к действующей в Запорожье вне регистрации, а значит, и вне закона группе баптистов-«раскольников», или, как их еще называют, «инициативников», «отделившихся».

...Игнорируя предупреждение властей, руководители этой группы превратили церемонию бракосочетания в богослужение под открытым небом с пением псалмов, чтением проповедей, в которых они очерняли нашу советскую действительность, противопоставляли верующих неверующим. Свое богослужение они транслировали через усилительные установки, стараясь заглушить дорогие всем советским людям мелодии военных лет, омрачить празднование всех жителей села, испортить нам настроение, что, по нашим понятиям, является посягательством на права всех нас.

...Получается, что баптисты-«раскольники» не хотят считаться с нашими советскими законами, не хотят уважать людей неверующих или верующих других

культов, течений, направлений. В данном случае их «пастыри» дошли уже до того, что намеренно провоцировали «пасомое ими стадо» на грубейшее нарушение советского законодательства о культах. Этим они хотят доказать единоверцам их мнимое превосходство перед честными советскими гражданами, верующими и неверующими.

Только пути этого «доказательства» нечестные.

...Мы просим опубликовать наше письмо. Пусть знают об этих людях, елейно говорящих о смирении, и соседи и сослуживцы.

По поручению односельчан письмо подписали:

В. Перов — ветеран Великой Отечественной войны и труда, депутат сельсовета, кавалер ордена Красной Звезды,

В. Миндолина — диспетчер автогаража совхоза «Петромихайловский»,

А. Солодовник — кавалер ордена Трудовой Славы 3-й степени, шофер совхоза,

Г. Штефан — механизатор,

Т. Солодовник — продавец, депутат сельсовета,

П. Соловей — шофер совхоза,

Л. Скорик — учительница Петромихайловской средней школы

и другие — всего более 50 подписей.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ.

Письмо, напечатанное в газете, вызвало вполне понятное возмущение. Как расценивать действия руководителей некоторых групп верующих, особенно тех, которые отказываются выполнить положение советского законодательства о культах — зарегистрироваться в местных органах Советов народных депутатов?

Мы попытались проследить реакцию населения города Запорожья на случившееся. Скажем сразу: равнодушных не было. Пренебрежение к закону всколыхнуло общественное мнение. Ведь организаторы экстремистских действий живут и работают в городе, многие трудятся с ними рядом, знают их лично. И, естественно, их действия вызвали возмущение прежде всего в производственных коллективах.

Город славных революционных, боевых и трудовых традиций, город, который борется за высокую культуру производства, коммунистическое отношение к труду и высокое общественное сознание, не мог остаться равнодушным к правонарушителям. И прежде всего свое весомое слово сказали трудовые коллективы. То на одном, то на другом предприятии рабочие и служащие рассматривали на своих собраниях недостойные действия нарушителей общественного порядка и советских законов: В. И. Лоташа — в стройуправлении № 2 «Укрэнергочермет», А. И. Приходько — на котельно-монтажном заводе, И. С. Мануйло — в троллейбусном парке, Н. Д. Голубенко — на электровозоремонтном заводе, Г. С. Воловитого — на заводе светотехнических изделий, Н. С. Хижняка — на автопредприятии 0762, В. Ф. Светлова — на моторостроительном заводе, П. В. Михайленко — в строительно-монтажном управлении Облпотребсоюза, Н. А. Лысенко, В. А. Бидного, М. В. Фадина — по месту жительства.

Извращая положение верующих в нашей стране, они утверждали, будто для евангельских христиан-баптистов отсутствует свобода совести, призывали не общаться с другими представителями советского общества, называя его «развращенным миром». Они препятствовали встречам представителей местных Советов с рядовыми верующими, запугивали их наказаниями.

Мы присутствовали на некоторых собраниях общественности. Проходили они при высокой активности участников. Сначала с информацией выступали депутаты районных Советов, секретари райисполкомов, председатели комиссий по контролю за соблюдением советского законодательства о культах. По требованию трудящихся нарушители правопорядка давали объяснение своим поступкам. Участники собраний принципиально, открыто осудили их. Вот несколько выдержек из выступлений на собраниях в трудовых коллективах.

ЗАВОД СВЕТОТЕХНИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Б. К. Мелков, ветеран Великой Отечественной войны. Воловитый говорит, что он признает Конституцию, а вот исполнять ее не желает. Мне больно и стыдно за этого человека.

Е. Н. Рукин, слесарь-инструментальщик. Как же у них хватает совести пользоваться правами, если они не признают обязанностей? Гриша пользуется всеми правами, которые предоставлены у нас советскому человеку-труженику. Решил он, например, приобрести автомобиль. Он не покупает его частным порядком или в комиссионном магазине. Гриша становится в общую очередь — опять-таки на правах рабочего, поскольку рабочим на предприятие автомашин приходит больше. Гриша собирается строить себе кооперативный гараж. Опять же он пользуется правами на постройку такого гаража. А как с обязанностями? Что от них требуется? Только одно — на основании советских законов зарегистрировать общину.

Я уверен, где-нибудь за границей Гриша за уклонение от соблюдения законов уже не работал бы и никакими льготами не пользовался. Конечно, у нас очень гуманно подходят, очень гуманно. Вас уговаривают, а вы этим злоупотребляете.

СТРОЙУПРАВЛЕНИЕ «ЭНЕРГОЧЕРМЕТ»

Г. К. Беспалов, слесарь. Я — рабочий и скажу по-рабочему: вы, Лоташ, прикрываетесь маской любви к людям. Не любите и не уважаете вы тех, кто рядом с вами работает.

Н. И. Ермаков, слесарь. Больше пяти лет работает Лоташ в нашем коллективе. Не раз получал премии, поощрения, обеспечен всем необходимым для нормальной жизни, работы. Сейчас подал заявление с просьбой увеличить жилплощадь (у него двухкомнатная квартира, а хочет иметь трехкомнатную). Когда решался вопрос, оставлять ли его в очереди, поскольку жилплощади на каждого члена семьи у него достаточно, он обратился с ходатайством в облсовпроф.

Как видим, права, гарантированные Советской Конституцией, нашим государством, он хорошо усвоил и использует сполна. Так почему же вы, товарищ Лоташ, не исполняете обязанности, которые одинаковы для всех граждан СССР — как для верующих, так и для неверующих? Разве религиозные мотивы вынуждают вас и других руководителей общины препятствовать представителям власти поговорить с рядовыми верующими? Вы все это делаете потому, что боитесь: рядовые верующие наконец поймут, что их ведут по ложному пути. Просто вы все это делаете для того, чтобы вызвать недовольство советским законодательством у ваших единоверцев.

ЭЛЕКТРОВОЗОРЕМОНТНЫЙ ЗАВОД ИМЕНИ 50-ЛЕТИЯ ВЛКСМ

А. Д. Антонов, наладчик. Социалистическое государство наравне со всеми предоставило Н. Д. Голубенко и его семье все возможности пользоваться благами нашего общества. Как же может он пренебрегать нашими законами?

Мы сегодня вправе потребовать от Голубенко: прекратите антиобщественную, противозаконную деятельность.

В. Г. Киреев, технолог. Руководство общины, одним из активистов которой является Голубенко, пытается вызвать у своих единоверцев недовольство советским законодательством.

СМУ ОБЛПОТРЕБСОЮЗА

Л. К. Лобода, инженер. Я не понимаю, как может человек, родители которого погибли на войне, отдали жизнь ради счастья своих детей и всех советских людей, воспитать в себе такую неприязнь к своей Отчизне, к советским законам.

●

Обсуждение в трудовых коллективах действий нарушителей советского законодательства о религиозных культах вышло за пределы промышленных предприятий, строек и учреждений. Представители общественности осудили поведение правонарушителей. Не остались равнодушными и представители религиозных вероучений. Особенно возмутили их спекуляции религиозных экстремистов вокруг надуманного вопроса об ограничениях свободы совести. По местному радио выступили несколько служителей культа.

Ф. Г. Куликов, священник Покровского собора в Запорожье. Я священник русской православной церкви, служу в Запорожье. Служил в разных приходах, в разных епархиях. У меня трое детей. Как и все дети нашей страны, они учатся. Я знаю многих священников, дети которых окончили высшие учебные заведения, работают на предприятиях и в учреждениях. Никаких гонений за то, что их отцы священники, они не знают. Все это подтверждает тот факт, что в нашей стране осуществлена подлинная свобода совести, а заявления западной пропаганды и тех, кто ей поддакивает, — злостная клевета на наш народ, на нашу Родину и на нашу церковь.

А. З. Вистратенко, пресвитер общины адвентистов седьмого дня, город Запорожье. По законам, действующим в нашей стране, мы, верующие люди, пользуемся всей полнотой прав и свобод, предоставленных государством советским гражданам и гарантированных Конституцией СССР. Мы свободно и беспрепятственно удовлетворяем свои религиозные потребности. Никто нас в этом не ограничивает. И я со

всей ответственностью заявляю, что утверждение, будто у нас ущемляются права верующих, не соответствует действительности.

И. Е. Антонюк, благочинный запорожского церковного округа. На примере своей жизни я могу сказать, что у нас осуществлена подлинная свобода совести. Я окончил духовную семинарию и академию в Москве. Никто никогда не чинил мне препятствий. Мои дети — школьники, один сын — комсомолец, другой — пионер. В школе к ним относятся, как и ко всем другим детям. Мой старший брат — священник, служит 33 года. Ему тоже никто не чинил препятствий.

●

...Собрание в трудовом коллективе. Здесь сконцентрированы нормы поведения и морали общества. Его решение — это мнение рабочего человека. И оно вправе предъявить требование уважать закон и правопорядок своего государства.

ПРАЗДНИК РЯДОМ С ТОБОЙ

«Мы, родители — Логвиненко Иван Карпович и Анна Васильевна, присутствовали на обряде бракосочетания нашего сына Володи и его невесты Любы в городском Дворце торжественных событий. Мы увидели и почувствовали, как эмоционально и красиво это чудесное торжество, насколько наш советский обряд лучше церковного. Как это хорошо!»

«Регистрировали нас в воскресенье. Церемонию сопровождал хор. Нам все очень понравилось. Запомним на всю жизнь.
Молодожены Тютирь».

«Приносим нашу искреннюю благодарность работникам обрядовой службы, особенно М. Е. Демченко, за гостеприимство, теплые поздравления. К сожалению, вместо ожидаемого марша Мендельсона нам предложили хор слабого состава. Считаем хор лишним в новом обряде.
Молодожены Наталья и Борис Каченко».

«На нас произвели огромное впечатление и сам обряд, и пение хора, и теплые пожелания. Запомним все.
Зинаида и Петр Седики».

ИЗ КНИГИ ЗАПИСЕЙ ЗАПОРОЖСКОГО ДВОРЦА ТОРЖЕСТВЕННЫХ СОБЫТИЙ.

Николай Иосифович КУЧИНСКИЙ, председатель городской комиссии по советским традициям, праздникам и обрядам, заместитель председателя Запорожского горисполкома.

— Как видите, мнения не однозначны. И это естественно. Сколько людей, столько и впечатлений. Но эмоциональные, насыщенные лучшими народными традициями и одновременно глубоким социальным содержанием новые обряды завоевывают души людей. Разумеется, это не совершается само собой. Для работников обрядовых служб, загсов, культурно-просветительных учреждений здесь открыто широкое поле деятельности.

Наверное, я не буду оригинальным, если скажу, что в Запорожье, как и по всей республике, новая обрядность, властно войдя в жизнь, стала действенным средством коммунистического воспитания. Назову лишь одну, но, по-моему, весьма убедительную цифру: в городском Дворце торжественных событий и во Дворцах культуры «Титан», имени Владимира Ильича, имени Шевченко, имени Дробязко, 40-летия Великого Октября в торжественной обстановке зарегистрировано в прошлом году 76,5 процента всех бракосочетаний. Предвижу, что в недалеком будущем так будут регистрироваться все молодожены и новорожденные. Именно эти вехи незабываемы в жизни каждого человека — незабываемы не только для виновников торжества, но и для их родителей, друзей. Сейчас открыт еще один зал во Дворце торжественных событий, а расположенный рядом Дом быта предоставляет все бытовые услуги клиентам.

Как и во многих других городах республики, в Запорожье действует хозрасчетная специализированная фирма «Праздник». Дело это новое и требует конечно, дальнейшего совершенствования. В условиях большого промышленного центра у фирмы широкое поле деятельности. В частности, она может проводить многие трудовые обряды на небольших предприятиях — посвящение в рабочий класс, проводы на пенсию, чествование победителей социалистического соревнования и т. д. Более значительной может быть роль работников фирмы и в организации серебряных и золотых свадеб.

В пропаганде и внедрении новой обрядности много полезного делают комиссии содействия при райисполкомах, которые опираются на группы энтузиастов на предприятиях, при советах общественности в микрорайонах, жилых массивах и т. д.

Большое внимание в городе уделяется подготовке квалифицированных кадров, которые могли бы на высоком уровне обеспечить обрядовые услуги населению. Методическим центром этой работы стал Дворец торжественных событий. Здесь проходят практические и семинарские занятия, обмен опытом работы. Появились в нашем городе и настоящие энтузиасты этого дела — такие, как депутат горсовета М. Е. Демченко, работник с большим практическим, жизненным опытом, душевный человек.

Большая организаторская и пропагандистская работа партийных, советских и культурно-просветительных учреждений по внедрению в жизнь новых праздников и обрядов утверждает советский образ жизни, содействует формированию научно-материалистического мировоззрения, вытесняет религиозные пережитки. По сравнению с 1978 годом уменьшилось в городе и число крещений, особенно в Шевченковском, Октябрьском и Ленинском районах города. Немалым достижением нашей комиссии считаем сделанное ею в отношении обряда похорон. В частности, на всех городских кладбищах имеются ритуальные площадки.

Зоя Ивановна КОЗЫРИНА, секретарь Ленинского райкома партии.

— Мы не представляем сейчас своей жизни без использования в воспитательной работе социалистических традиций, праздников и обрядов. Конечно, нужно еще немало поработать, чтобы новые обычаи стали жизненной потребностью каждого человека. Районный совет по новой обрядности сосредоточил свое внимание прежде всего на трудовых праздниках и обрядах, на пропаганде революционных, интернациональных традиций. Особое внимание мы уделяем работе по месту жительства.

Трудно переоценить воспитательное значение декад революционных и патриотических традиций, месячников, посвященных 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, тематических вечеров по книгам Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». Они проходят как устные журналы, вечера воспоминаний, встречи с участниками революционных событий, с героями произведений Л. И. Брежнева, встречи трех поколений, читательские конференции, кинофестивали, праздники улиц и т. д. Эта работа охватывает все слои населения — трудящихся, молодежь, женщин, детей, пенсионеров. Для таких мероприятий предоставляются красные уголки цехов и рабочих общежитий, клубы, библиотеки.

В производственных коллективах молодым рабочим в торжественной обстановке вручают памятки и наказы, именной инструмент, знакомят с историей и традициями предприятий, с правами и обязанностями трудового человека. Эти праздники проходят во дворцах культуры, музеях предприятий, в красных уголках цехов. В трудовых коллективах отмечают день совершеннолетия новичков, день первой зарплаты и т. д. Вручают поздравления от дирекции, партийной, профсоюзной и комсомольской организаций. Традиционными стали поздравления Деда Мороза и Снегурочки, которые вручают победителям социалистического соревнования «телеграммы-молнии».

Обрядовой символикой оформлена, например, комплексная система морального и материального стимулирования на производственном объединении «Запорожтрансформатор». Каждый месяц здесь проводят чествование передовиков за 5, 10, 15, 20 лет безупречной работы, присваивают звания «Почетный работник объединения», «Мастер — золотые руки», имена лучших рабочих заносят на Аллею Почета, на районную, городскую Доски почета и т. д. Немало эффективных обрядовых форм чествования передовиков и на других предприятиях района.

В систему новой обрядности входят и вручение паспорта гражданина СССР, и проводы в ряды Советской Армии. Будущим воинам вручают наказы коллектива, зачитывают послания матерей. Мы стремимся, чтобы коллективы поддерживали связи с солдатами, чтобы после службы они возвращались на родные предприятия.

Энтузиасты районного совета по новым обрядам немалое внимание уделяют и бытовым обрядам. Мы делаем все, чтобы они всегда была красивы и торжественны. Но здесь еще очень много работы.

Письмо, которое пришло в редакцию, занимало тридцать машинописных страниц. Илья Сергеевич (подлинные имена едва ли стоит называть — слишком болезненна для многих эта история) рассказывал о событиях трагических. Несколько лет назад при испытании вертолета погиб его сын Алексей, пилот. Двое убитых горем пожилых людей — его родители — оказались в одиночестве, «без материальной и моральной поддержки». Денежная помощь от сына прекратилась, пенсии у матери не было, и Илье Сергеевичу пришлось два года «пробивать глухую стену равнодушия и отписок, упорно, настойчиво слать запросы всюду», вплоть до министра гражданской авиации, прежде чем из фондов авиаотряда, в котором служил сын, его матери — жене Ильи Сергеевича — было начислено ежемесячное пособие.

Была и другая беда. Алексей работал и погиб в нескольких стах километров от города, где жили его родители. Там он и был похоронен — недалеко от аэродрома, с которого взлетел его вертолет. Когда спустя некоторое время отец побывал на кладбище, он обнаружил, что за могилой никто не ухаживает, на ней «бурьян, куча сухих листьев и обрывки газет». Тогда Илья Сергеевич вспомнил о своем знакомом — верующем человеке, и уход за могилой погибшего пилота взяла на себя группа евангельских христиан-баптистов.

И еще одно обстоятельство: когда погиб Алексей, его старший сын учился в седьмом классе, младший — во втором. После несчастья семья развалилась. И не от нужды — о жене и детях пилота «государство достойным образом позаботилось: на каждого из хлопцев было положено по 85 рублей, госбанк выплатил страховую сумму 1000 рублей, жене предоставили хорошо оплачиваемую работу в аэропорту». Семья пострадала от безответственного поведения невестки, «превратившей осиротелый дом в пьяный вертеп». Дети недоедали, недосыпали, пропускали школьные занятия. Напрасно дедушка пытался как-то повлиять на внуков, «толку было мало, тлетворное влияние матери пустило глубокие корни». Через несколько лет младший совершил преступление и был осужден. У старшего тоже жизнь не сложилась, он «без конца женится, пьет водку». Илья Сергеевич упрекает общественность авиаотряда, соседей, участкового милиционера — все знали, но никто решительно не вмешался, «не уследили за судьбой подростков», проявили «бездушное, безразличное отношение к чужому горю».

Такое письмо не могло не взволновать. Правда, мне сразу показалось, что Илья Сергеевич довольно искусственно стянул в один узел разнородные факты, стремясь создать некоторую обобщенную картину нравственности (вернее, безнравственности) всех людей, не верящих в бога, и противопоставить ее нравственности религиозной.

В ходе моей командировки многие факты, которые Илья Сергеевич хотел представить «без подтасовок и передержек», увиделись мне по-иному, открылись обстоятельства, не упомянутые в письме.

Прежде всего я не обнаружила обиженного, вычеркнутого из жизни старичка. Меня встретил на крыльце дома представительный человек, преисполненный чувства собственного достоинства. И очень занятый, хотя он сейчас на пенсии. Илья Сергеевич — агроном. Живет на окраине города, на землях пригородного совхоза, имеет большой личный надел. Я увидела образцовое хозяйство: малинник приносит два урожая в год, плодовые деревья отборных сортов тщательно ухожены, электронасос подает воду из колодца к дальним грядкам огорода. Я думаю, рачительный (вернее сказать, прижимистый) хозяин даже перевесил в нем человека, в прошлом году, когда он решился спилить огромную вишню, чтоб не пропали ягоды, которые иначе трудно было собрать. К хозяину наведываются соседи со своими заботами: засуха, вредные насекомые, болезни растений. Авторитет у Ильи Сергеевича большой. Он специалист высокого класса, за долгую трудовую жизнь накопил тысячи профессиональных секретов.

Такое личное хозяйство, какое ведет Илья Сергеевич, неизбежно требует от человека расчетливости, бережливости. «Копейка рубль бережет», «откладывай безделье, не откладывай дело» — вот правила, на которых покоится его процветание и благополучие. И так же расчетливо Илья Сергеевич заботится о «черном дне», когда силы пойдут на убыль. Его хлопоты о пособии жене вполне обоснованы. Но в своем письме в редакцию он не упомянул о том, почему ему пришлось хлопотать. А ведь дело было не в чьей-то злой воле; оказывается, при заполнении своей личной карточки в графу иждивенцев Алексей вписал только жену и детей. Они и получили пенсии. Запись сработала автоматически, и винить в «бездушии» тут некого. К тому же сотрудники авиаотряда считали (и не без оснований), что родители погибшего — люди материально обеспеченные. Именно поэтому Илье Сергеевичу и пришлось потратить два года «писанины», чтобы добиться пособия.

Но, разумеется, не только о пособии шла речь. Отец ждал от сослуживцев сына утешения, сердечной заботы. Эти

его упреки в значительной степени справедливы. Когда случилось несчастье, авиаотряд послал за родителями специальный самолет, устранил их от всяких забот — и материальных, и организационных, проявил истинно сердечное участие, на могиле погибшего пилота на средства авиаотряда был поставлен красивый памятник. Но затем о стариках забыли. Жена и дети Алексея были рядом, да еще такие непутевые, неустроенные, — на них и направлено было основное внимание. А у стариков вроде бы все шло благополучно...

Фактор времени повлиял и на уход за могилой. Я разговаривала с пилотом, дружившим с Алексеем (сейчас, через 15 лет после несчастья, он единственный в авиаотряде, кто знал погибшего лично; остальные разъехались, перестали летать). Первое время друзья следили за могилой, соорудили возле нее скамеечку, чтобы можно было посидеть, вспомнить товарища, высадили рядом несколько деревьев. Словом, о равнодушии говорить не приходится. Но с годами, когда почти полностью сменился состав авиаотряда, внимание ослабело.

«Темп жизни захватывает, — говорили мне, — нет сил и времени на то, что непосредственно не связано с работой. Но как только поступает сигнал о плохом состоянии памятника, принимаем меры». Невеселое, но по-житейски понятное объяснение. А все-таки и в требовании Ильи Сергеевича есть правота: хорошо бы могилы не забывали никогда.

У бывшего замполита авиаотряда Илья Сергеевич вызывал сильное раздражение, которое он не мог скрыть в разговоре со мной:

— Не верьте его красивым словам о сочувствии... Этот старик начальнику управления гражданской авиации, наверное, до сих пор ночами снится. Замучил и его и нас жалобами. Я вместе с юристом управления ездил к родителям Алексея, обследовал — действительно ли нуждаются. Нуждой и не пахло. Но мы все-таки высказались в их пользу. Было назначено пособие. Но он и потом из меня жилы тянул: добивался, чтобы его каждый раз встречали с машиной, когда он приезжает в город, требовал выделить специального человека для ухода за могилой, ежемесячных ассигнований. Он подумал, откуда я деньги возьму?

Упреки во многом справедливы, но сказанное далеко не исчерпывает всех чувств и побуждений Ильи Сергеевича. Познакомившись с ним поближе, я увидела, что все обстоит сложнее.

Этот активный, волевой человек при более близком знакомстве не укладывался в простенькую рамку лицемера и сутяги. В его саду, среди грядок клубники и рядов яблонь, выстроен летний домик — «теремок», как любовно называет его хозяин. Здесь в редкие часы досуга (сад забирает почти все время) проходит вторая и, может быть, главная жизнь Ильи Сергеевича. Бывает, с годами люди устают яростно, как в юности, исследовать мир и себя, отвыкают сосредоточиваться на своем внутреннем мире. Такие люди исчерпываются в каждодневном труде и как бы забывают себя, живут машинально. Не таков Илья Сергеевич. У него есть душевная потребность удерживать в памяти все, что с ним происходило и происходит, все события, счастливые и несчастные, образы всех встреченных людей и обо всем этом основательно поразмыслить. Уединившись в «теремке», он просматривает аккуратно сложенные стопками письма, дневники, самые нужные книги и альбомы.

Вот альбом, посвященный сыну. Фотографии малыша, школьника, курсанта. Выписки из школьных характеристик, грамоты училища, письма к отцу. Вот свадебные снимки, запечатлено строительство дома, вот портрет дедушки с внуками. Фотолетопись заняла только треть толстого альбома и — трагически оборвалась выпиской из «акта о летном происшествии». Дальше пустые листы. А Илье Сергеевичу было просто необходимо, чтобы они оказались заполненными: он хотел получать письма от друзей Алексея, он жаждал, чтобы хотя бы тут, на страницах альбома, жизнь сына продолжалась. Бывший замполит, видимо, не догадывался, что многие просьбы Ильи Сергеевича были не причудами «скваlыжного старика», их рождала глубокая душевная потребность в общении, в поддержке.

Илья Сергеевич после гибели сына особенно сильно потянулся к людям. Об этом я узнала, рассматривая другой альбом. В самом начале — пожелтевшая фотография 1924 года: групповой снимок выпуска сельскохозяйственного техникума. Илья Сергеевич написал о своем горе товарищам по учебе. Затем начались поиски других давно им потерянных людей. Илья Сергеевич бросил клич по земле — кто отзовется. И отзывались. Завязывалась переписка, обмен фотографиями, поездки в гости.

Илья Сергеевич искал контактов с людьми жадно, откровенно. Словосочетание «организовать дружбу» обычно не употребляется — дружба рождается сама собой. Но Илья Сергеевич организовывал дружбу. Именно так возникли у него отношения с летным училищем, расположенным в его городе. Сын там не учился, но Илья Сергеевич пришел в это училище и сказал: так, мол, и так — сын летал, погиб, оставил родителей без своей поддержки. Профоргу и замполиту училища этот визит не показался странным, они поняли — пожилой человек просит помощи. Курсанты посещают родителей погибшего пилота. Осенью приходят — помогают убрать урожай. Потом обедают вместе со стариками. Илья Сергеевич фотографирует ребят.

— Я узнал адреса некоторых из них и написал родителям благодарственные письма. Получил ответ, завязалась переписка, нас зовут в гости. Некоторые, закончив училище, приезжают ко мне в отпуск с женами и детьми.

Эта дружба с училищем продолжается до сих пор. Илье Сергеевичу помогают заготовить топливо на зиму. Он со своей стороны старается отплатить за заботу чем может: когда сотрудники училища приобрели садовые участки и им понадобились советы агронома, Илья Сергеевич прочитал им несколько лекций по садоводству. Летом он регулярно приносит в училище букеты цветов — для всех кабинетов.

Не правда ли странно, что, осуждая в своем письме бездушие, неотзывчивость атеистов, Илья Сергеевич умолчал о том, как сложились его отношения с летным училищем, расположенным там, где он жил? Видимо, сыграла роль внутренняя установка, связанная с некоторыми обстоятельствами его жизни. Именно она, вопреки намерению говорить одну только правду, побудила Илью Сергеевича подгонять факты под заранее принятую схему.

Тут придется сказать еще об одном важном моменте, который опустил в своем письме Илья Сергеевич: незадолго до моего приезда он вступил в общину евангельских христиан-баптистов. Пожилой человек, долгое время стоявший на перепутье, ладивший как с верующими, так и с неверующими, сделал выбор. И, отворачиваясь от атеистического мира, «сжег за собой мосты», поделил людей на «зерно и полову».

Проследим же логику этого поступка. Илья Сергеевич много размышляет о вопросах морали. Пьянство, жульничество, разрушение семьи вызывают его резкое осуждение. Как-то в одной из газет он прочел статью под заголовком «Пить или жить». Она показалась ему слишком мягкой, и он послал в редакцию критическое письмо, назвав его «Писать или искоренять». Он очень часто произносит это слово — «искоренять». И во время нашего разговора не скры-

вал, что стоит за суровые меры воспитания. «Меня отец в детстве жестоко избил за карты, так я их потом в руки не брал».

Илья Сергеевич с глубоким пессимизмом относится к нравственным возможностям человека. Он искренне убежден: только принудительно, только страхом наказания можно регулировать поведение и добиваться соблюдения людьми моральных норм.

— Я помню еще уроки закона божьего в гимназии, церковные исповеди. Религия — надежная уздечка на человеке. Сними уздечку, и все понесется вскачь.

Илья Сергеевич как бы тушит память о тех годах, когда он обходился без помощи бога, жил полнокровной и активной жизнью — участвовал в организации первых колхозов, прошел войну, восстанавливал разрушенное народное хозяйство. С возрастом все чаще стали приходить мысли о кратковременности и непрочности человеческой жизни, а личная трагедия усилила их драматизм. Возникла потребность любой ценой восстановить утраченное душевное равновесие. Илья Сергеевич потянулся к баптизму. Его привлекло, в частности, то, как баптисты трактуют вопросы морали. Они считают, что только жесткое давление на греховного от природы человека может принести плоды, только таким образом и можно заставить человека быть моральным. Такие понятия, как божья кара, фантастические картины конца света, суровое осуждение всех «не перевоспитавшихся», отягощенных слабостями, страстями и соблазнами, пришлись по душе Илье Сергеевичу. Привлекла его и словесная патетика, принятая в общине и упрощающая, скрывающая сложные, порой противоречивые движения человеческой души. Он убежден: не следует анализировать, вникать в тонкости человеческих переживаний, лучше упростить: вот свет — вот тьма, это от бога — это от дьявола...

Вернемся к письму Ильи Сергеевича в редакцию, к той его части, где речь идет о судьбе внуков. Все так и оказалось, как писал дед. После гибели мужа невестка Ильи Сергеевича совсем потеряла себя. Устроили ее на хорошую работу — не удержалась. Стала пить и «веселиться» (что за веселье в неуютном, осиротевшем доме у одинокой, растерявшейся и растерявшей человеческие связи женщины). Младший сын в тюрьме. Старший... Пожалуй, самое тяжелое впечатление в этой моей поездке — короткий разговор со старшим сыном Алексея. Друзья отца хотели, чтобы он стал пилотом, но эта профессия оказалась ему не по плечу. Пьет, специальности не имеет. Держится в «человеческом облике» только стараниями молодой женщины, своей третьей жены. Узнав от меня, что дедушка стал верующим, он с пренебрежительным смехом заявил, что знает об этих его чудачествах, что тот и его за собой тянул, да не на такого напал. И в доказательство своей твердости рассказал, что однажды на заработках в дальнем совхозе «в шутку» принудил непьющего верующего выпить стакан водки.

Обычное тупое хулиганство. Надо быть нравственно глухим, чтобы не понимать этого! Вот он, педагогический брак. Упустили — как принято говорить в подобных случаях.

Но кто упустил? Разве «учреждения и организации», которые винит Илья Сергеевич, не тревожились, не пытались воздействовать на подростков? Даже из его письма в редакцию видно, что тревожились. Учителя приходили к детям домой, вызывали в школу мать; возникал даже вопрос об устройстве детей в интернат; в авиаотряде рассказывали мальчикам об отце, призывали продолжать его дело, не раз устраивали на работу мать, откликались на все просьбы... Делали очень много, но успеха не добились. Видимо, требовалось нечто большее: исключительно зоркий душевный школьный учитель. Исключительно заботливый замполит. Исключительно талантливый работник милиции...

А может быть, перечисление это стоит продолжить? Очень сердечный, любящий дедушка? Илья Сергеевич тоже ведь делал «все возможное», а «невозможного» не сделал. Два раза забирал внуков к себе, кормил-поил, отмывал, пытался приучить к дисциплине. Но при этом пользовался фактически одним методом — ультимативным приказом: подчинись моим требованиям или — вон! А ведь кому же неведомо, что именно в трудных случаях такой рецепт не действует, давление обычно вызывает сопротивление и протест. Так было и в этом случае. И, не добившись результатов, Илья Сергеевич отсылал трудных детей назад — к безвольной и беспомощной матери.

Не следует ли Илье Сергеевичу вместо «они виноваты» сказать «мы виноваты»? Строго спросить и с себя.

То, что я увидела и поняла в своей командировке, я рассказала теперешнему замполиту авиаотряда. Павел Иванович работает здесь недавно, о жалобах и письмах Ильи Сергеевича не знает.

Я спросила его, как бы он поступил, если бы беды в семье погибшего пилота происходили на его глазах?

— Не знаю. Я не проверен такой ситуацией. Надеюсь, я бы вмешался. Постарался бы найти ребятам человека, которому захотелось бы подражать — к нравственности, действительно, нельзя принудить, сильнее всего действует конкретный пример. Хотя не известно, где бы я взял столько времени на эту трудоемкую, тяжелейшую задачу. При наших темпах и загруженности людям трудно реализовать свои добрые намерения просто из-за нехватки времени. Одно дело — готовность человека к нравственному движению, другое — реальная возможность его осуществления...

Передо мной был человек прямой, искренний. Я очень скоро убедилась, что его глубоко волнуют проблемы нравственного воспитания и подходит он к ним здраво.

— Я из семьи военных, — рассказывал Павел Иванович. — Работал инженером-испытателем на авиазаводе. Испытывал моторы. Потом работал инструктором райкома партии, оттуда — в авиаотряд. Меня летчики сами попросили занять эту должность, я бывал у них прежде...

Вначале мне показалось, что профессия летчика сама по себе воспитывает характер; в коллективе, где каждый ежедневно рискует жизнью, изживаются многие дурные черты. Оказалось, что все не так-то просто. Наша работа не только опасности и риск, но и тяжелый труд. Транспортная авиация — семь часов в день летного времени. Но это только за штурвалом, в воздухе, а еще посадка, ожидание загрузки. Дело забирает человека целиком, ни на что больше сил не хватает. Значит, все мы, кто занимается воспитательной работой среди летчиков, обязаны подумать о том, как уберечь ребят от замкнутости, ограниченности. Надо иметь в виду, что, когда летчики перестают летать, впереди у них больше, чем полжизни. Каким человек уйдет из авиаотряда?

Много проблем и с отдыхом. Отпуск у ребят большой, желание снять перегрузки, повеселиться — вполне оправдано. Но именно во время отпуска человек, о котором я всегда думал одно хорошее, вдруг преподносит сюрпризы...

Работая замполитом авиаотряда, я понял, что мало знаю о человеческой психологии. А надо мне знать много. Читаю, размышляю. Сейчас мне очень важно, чтобы в отряде подобрался костяк из самых собранных, морально упорядоченных, волевых людей. Из них, наверное, в будущем выйдут командиры...

Слушая замполита, я пожалела, что он не пришел в авиаотряд раньше. Если бы это случилось, мне кажется, Илья Сергеевич не написал бы свое горькое письмо в редакцию. Вероятно, и в авиаотряде он нашел бы ту теплоту и участие, какие оказало ему летное училище его города.

И спорить мне с ним было бы гораздо легче.

ПАМЯТНИК — ОТ СЛОВА „ПАМЯТЬ"

В. САМОРИГА,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

НЕ ДОЖИДАЯСЬ, ПОКА ПОТРЕБУЮТСЯ ТЫСЯЧИ...

...Львов запомнился мне багрянцем первых дней осени, высветившим потемневший от времени камень старинных зданий. И еще стройными звуками многочисленных оркестров, шествующих по древним улицам: город вступал в «золотую» осень — осень особенную, посвященную 40-летию воссоединения западноукраинских земель с Советской Украиной.

Семь веков и 40 лет! Да, сегодня можно сказать, что четыре десятилетия советского Львова стоят семи предыдущих веков.

Город пережил немало — войны, пожары, эпидемии, восстания. И вот теперь уверенно строит новую жизнь. А история — она в памяти города... Есть, например, в средневековой части Львова Руська улица — по имени русинов — коренных жителей этих земель. Только это название и напоминает сегодня, что лишь здесь им и разрешалось селиться.

— Или вот еще,— Игорь Андреевич Кудин, заместитель председателя областной организации Общества охраны памятников истории и культуры, берет со стола внушительный том:

— Эта книга о памятниках нашего города вышла в Лондоне несколько лет назад. И что мы здесь читаем? Львов — форпост католичества на Украине и в России. Как будто те, кто создавал книгу, и знать не знают о существовании советского Львова. Мы еще и для того должны знать свою историю и культуру, чтобы уметь достойно отвечать вот таким «искусствоведам».

Кудин по специальности — экономист, но, работая еще в львовском филиале «Гипрограда» — института по проектированию городов, не раз составлял исторические справки к проектам. А когда в конце 60-х годов возникло Общество охраны памятников истории и культуры, стал заместителем председателя областной организации — вот уже более 10 лет трудится здесь.

Областная организация «друзей памятников» росла на его глазах — от нескольких сот человек до 740 тысяч членов. Сегодня от Общества охраны памятников во многом зависит, каким быть городу завтра. В 16 научных секциях — ведущие специалисты по истории, культуре, искусству. Вырос и авторитет Общества: если сегодня в старом городе случается ЧП с каким-либо памятником, тут узнают об этом первыми. Игорь Андреевич вспоминает, как однажды зашел к нему в кабинет пожилой человек и грустно произнес: «Если хотите, чтобы мое сердце разорвалось...» Оказалось, каждый день во дворе памятника архитектуры — бывшего Доминиканского костела — грузовики рискуют повредить ценную ограду. Пришлось принимать срочные меры...

Кудин показывает пригласительный билет на открытие музея Ивана Федорова. С именем русского первопечатника в Львове связано немало: по этим улицам он ходил (теперь одна из них названа его именем, вторая, тоже в его честь, — Друкарской), здесь он выпустил свой первый русский букварь и новое издание «Апостола», сюда же

В городском парке.

Площадь Рынок.

вернулся из Острога, где создал новый шедевр — «Острожскую Библию». Музей разместился в бывшей Онуфриевской церкви. Этот памятник архитектуры XVI века был реставрирован на средства Общества Львовскими специальными межобластными научно-исследовательскими реставрационными мастерскими с помощью многих предприятий и организаций города.

Сегодня ни одно крупное событие, связанное с памятниками архитектуры, истории и культуры, не обходится без участия Общества. Взять, к примеру, скульптурную группу, установленную во дворе той же Онуфриевской церкви. «Иван Федоров... друкар книг пред тем невиданных» — гласит плита у подножия. Памятник первопечатнику был сооружен в городе раньше — в 1977 году возле Успенского собора, где некогда находилось Ставропигийское братство, авторы его — скульпторы В. Борисенко и В. Подольский, архитектор А. Консулов. Но молодой скульптор Анатолий Галян (скульптурная группа — его дипломная работа) решил поставить у Онуфриевской церкви рядом с Федоровым фигуры двух юношей, быть может, его учеников и соратников.

А первой работой и первым успехом А. Галяна была мемориальная доска на здании, где отбывал тюремное заключение Иван Франко. Кстати, это — еще одна сторона работы Общества. Сегодня в городе установлено более 300 художественно-мемориальных досок и памятных знаков. Среди них: доска на здании горсовета, посвященная одной из первых маевок украинских рабочих, памятный знак в честь борцов за Советскую власть на улице Народной гвардии им. Ивана Франко; доска на проспекте Шевченко, посвященная крупнейшему антифашистскому выступлению львовского пролетариата в апреле 1936 года..

Стало традицией, что выпускники училища декоративно-прикладного искусства имени И. Труша и института декоративно-прикладного искусства свои дипломные работы преподносят в дар городу. Откуда это пошло, выяснить не удалось. Кажется, так было всегда, отвечали те, кого я об этом спрашивала. Около 20 таких студенческих работ было защищено прямо «на натуре» — в Олесском замке, памятнике архитектуры XIV—XVII веков. Здесь ныне находится филиал Львовской картинной галереи, музей-заповедник, представляющий историю, архитектуру, быт и искусство западноукраинских земель.

Так, в прошлом году Александра Телиженко защитила диплом по костюмам в народном стиле, предназначенным для работников этого музея. Автор садово-парковой скульптуры в сквере на улице Радянской — Тарас Янко, монументальной скульптуры в Олесском парке — Николай Посикира. Фонари в оригинальном здании дирекции заповедника, флюгеры, вывески в старинном стиле, декоративные решетки — все это создавали ребята из училища имени И. Труша. Они возрождают в наши дни искусство старинных львовских кузнецов и чеканщиков, казалось бы утраченное навсегда.

Секцию памятников архитектуры Общества возглавляет директор историко-архитектурного заповедника В. А. Пликивский. В Львовской области сосредоточено около трети архитектурных памятников Украины. Тут и колокольня — единственное, что осталось от разрушенного фашистской бомбой в начале Великой Отечественной войны комплекса православной семинарской церкви Святого духа, и Латинский собор, демонстрирующий так называемую львовскую готику, и многое, многое другое.

...Рабочий день заканчивался, когда к нам присоединился Иван Романович Могитыч, главный архитектор Львовских специальных межобластных научно-исследовательских реставрационных мастерских. Они существуют уже 30 лет. Здесь, на единственном в республике участке по реставрации памятников деревянной архитектуры, трудятся около 40 прекрасных мастеров, знатоков деревянных сооружений XV—XIX веков. Мастерские обслуживают несколько областей, одновременно у них в работе 50—60 памятников. Их специалисты нарасхват в Ивано-Франковской, Ровенской, Закарпатской, Волынской областях, нередко их приглашают и в Киев. Но у руководителей львовских мастерских есть и свои проблемы.

Одна из острейших — кадры. Сегодня уже очевидно: реставраторов не хватает. Но если из образованного архитектора, увлекшегося стариной, весьма быстро получается хороший реставратор, то иначе обстоит дело с реставраторами-рабочими. Их ведь практически не готовит никто, трудятся тут в основном энтузиасты, но их мало. Это тот самый случай, когда на один энтузиазм рассчитывать нельзя. И еще: очень медленно растет производственная база мастерских. Сейчас уже не редкость, когда и деньги есть на возрождение памятника, и желание, но подводят возможности.

Сравнительно недавно при Львовском горремстройтресте создан ремонтно-реставрационный участок. Но и он пока не решает проблемы. Да, реставраторам здесь нужна помощь. Кстати, есть у них неплохая идея — тратить на памятники рубли, не дожидаясь, пока потребуются тысячи. Речь идет о том, чтобы создать небольшую оперативную ремонтную бригаду для объектов, которым нужен небольшой ремонт. Представьте: ветер оборвал водосточную трубу или испортилась кровля. И вот, не дожидаясь, пока стихия довершит свое черное дело, к памятнику выезжает «скорая реставрационная помощь»... Действительно, над этим стоит подумать везде: старинные здания требуют грамотной эксплуатации, повседневного ухода.

ПРИСПОСОБИТЬ ИЛИ ОЖИВИТЬ?

Пятница — один из главных дней в львовском Дворце торжественных событий. То и дело к ажурным воротам подъезжают украшенные цветами машины, из них выходят белоснежные невесты, строгие, светящиеся радостью женихи... На первом этаже — голубая гостиная, золотой зал невесты, в более строгих тонах — зал жениха, на втором — анфилада комнат, в которых проходят торжественные регистрации брака и новорожденных, отмечаются золотые и серебряные свадьбы, вручаются паспорта. Во Дворце разместились также обрядовая служба фирмы бытовых услуг, салон для новобрачных, лекционный зал, методический кабинет и комсомольский штаб по пропаганде новых обрядов, кабинет семейных отношений.

Реставрация этого здания XIX века —

Музей народной архитектуры и быта в парке Шевченковский Гай.

бывшего владения магнатов Потоцких — обошлась городу в сотни тысяч рублей. В работах принимали участие десятки львовских предприятий и учреждений. Они и сейчас продолжают шефствовать над Дворцом. Это — один из примеров удачного приспособления памятника архитектуры к современным нуждам.

В управлении по делам строительства и архитектуры облисполкома на больших фотографических планшетах — замки, жилые дома, костелы и церкви до и после реставрации. Потом я увидела многие из них воочию.

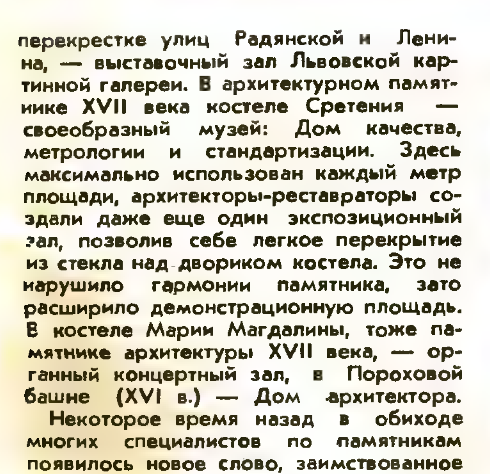
Сердце львовской старины — площадь Рынок. Веками была она центром общественной, экономической и культурной жизни города. 44 окружающих площадь здания смотрят на нее всего

тремя-четырьмя окнами фасада, и почти на каждом — охранная табличка. Площадь и сегодня оживлена: здесь магазины сувениров и книг, кафе «Під левом», бар «На ринку», в ренессансных дворцах XVI века «Черной каменице» и «Доме Корнякта» — исторический музей, по соседству — аптека-музей, музей мебели, филиал Музея этнографии и художественного творчества АН УССР.

Многие музеи появились тут давно, но вот то, что площадь сегодня приобретает вид культурного центра города, — результат работы последних лет.

Немало и других старинных зданий города используется для культурных целей. В бывшем костеле кларисcок (XVIII в.), расположенном на бойком

перекрестке улиц Радянской и Ленина, — выставочный зал Львовской картинной галереи. В архитектурном памятнике XVII века костеле Сретения — своеобразный музей: Дом качества, метрологии и стандартизации. Здесь максимально использован каждый метр площади, архитекторы-реставраторы создали даже еще один экспозиционный зал, позволив себе легкое перекрытие из стекла над двориком костела. Это не нарушило гармонии памятника, зато расширило демонстрационную площадь. В костеле Марии Магдалины, тоже памятнике архитектуры XVII века, — органный концертный зал, в Пороховой башне (XVI в.) — Дом архитектора.

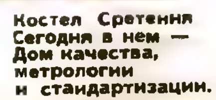
Некоторое время назад в обиходе многих специалистов по памятникам появилось новое слово, заимствованное

Двор Исторического музея (XVI—XVII вв.).

Костел бернардинцев — памятник архитектуры XVII в.

Костел Сретения. Сегодня в нем — Дом качества, метрологии и стандартизации.

Фрагмент росписи.

у медиков,— реанимация. Это значит, не просто восстановить памятник, а вдохнуть в него новую жизнь. Многое в этом отношении уже сделано в Львове, но планы еще грандиознее. Вот только некоторые из них.

Площадь Рынок, палаццо Бандинелли, из которого в XVII веке раз в неделю отправлялась корреспонденция в разные города Европы. Здесь решено создать музей почты с действующим почтовым отделением по типу уже существующей аптеки-музея, где можно не только познакомиться с историей аптечного дела, но и приобрести необходимые лекарства.

Начата реставрация костела босых кармелитов. Тут впоследствии будет открыт музей истории, архитектуры и перспективного развития Львова. В костеле бернардинцев намечается устроить музей скульптуры, а в костеле бенедиктинок — выставочный зал Музея украинского искусства...

ЗАПОВЕДНИК В ГОРОДЕ

В кабинет директора Львовского историко-архитектурного заповедника Василия Андреевича Плихивского вбегает возбужденная девушка и что-то быстро говорит по-украински. Я понимаю лишь одно — что-то произошло. Так состоялось мое знакомство с научным сотрудником музейного отдела Мирославой Майорчук. А произошло, оказывается, вот что: рабочие-реставраторы закрыли штукатуркой на здании арсенала элементы старинной каменной кладки. Потом я убедилась: так горячо тут пекутся о деле все — от рядового сотрудника до директора.

Проблем у работников заповедника немало, одна из них — материалы для реставрации. Сейчас в стадии восстановления находятся башни токарей (единственная частично сохранившаяся башня городской стены) и сапожников. Для них, как и для многих других средневековых сооружений, нужен специальный, так называемый «готический» кирпич. Сегодня его выпуск уже освоил один из львовских кирпичных заводов. Но нужны и многие другие подобные материалы. Сотрудники заповедника мечтают о красной черепице, брусчатке, о хороших, устойчивых красителях...

А вот еще проблема. Давно замечено, что старинные дома особенно ощутимо страдают от повышенной вибрации. В древних кварталах Львова есть улицы, где от трамвая позванивают стекла в окнах. Сейчас решено создать в городе подземный трамвай. Работы планируются на начало 80-х годов. Это тоже серьезная и большая забота заповедника.

А такая, например, проблема, как воспитание бережного отношения к памятникам. Нет-нет, да и случится видеть древние, уже восстановленные стены, расписанные «автографами». Рассказали мне и о факте совсем уж беспрецедентном: однажды, выйдя утром, сотрудники заповедника увидели на пилястрах Доминиканского костела крупно выведенные желтой и красной масляной краской признания в любви... Кажется, именно тогда и родилась идея лекций-бесед в жэках. Но, с другой стороны, не внушают уважения такие здания, как, например, костел Анны: стены его грязны, увешаны объявлениями, а в самом помещении торгуют мебелью (здесь расположен один из магазинов фирмы «Мебель»). Неряшливо выглядит и здание бывшего костела сакраменток на улице Марченко, находящееся в ведении зооветеринарного института. Впечатление запущенности здесь во всем — кучи мусора вокруг, растения на стенах, неухоженный фасад. Без всякого учета архитектуры к зданию пристроена современная проходная из силикатного кирпича. Правда, могут возразить: здесь нет охранной таблички. Но ведь это сооружение внесено в дополнительный список памятников архитектуры и по закону приобрело равные права с другими памятниками.

...Неподалеку от площади Старый Рынок были в XIII веке заложены самые древние из сохранившихся костелов — Марии Снежной и Иоанна Крестителя. Современная жизнь этих сооружений — печальная история борьбы заповедника за свои права. Первое, на что обращаешь внимание, подходя к костелу Иоанна Крестителя, — бачки с рассыпавшимся мусором и выкрашенный масляной краской кирпичный портал. В древнем костеле расположилась городская больница № 1. И масляная краска на фасаде означает, очевидно, победу санитарии над архитектурой.

Приведу несколько строк из официального документа — «Акта о состоянии памятника архитектуры XIII столетия в г. Львове»: «Памятник архитектуры... в большей части сохранился с XIII века. Поздние реконструкции скрыли многие оригинальные детали со времени его сооружения. Памятник находится в аварийном состоянии. Охранная зона его нарушена пристройкой, соединяющей его с соседним домом. Необходима срочная реставрация и спасение первого в Львове кирпичного сооружения». К такому выводу пришла совместная археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Львовского государственного историко-архитектурного заповедника.

Три года назад руководство больницы ознакомилось с двумя официальными документами: актом передачи здания с баланса больницы на баланс заповедника и охранно-арендным договором между заинтересованными организациями. Собственно говоря, оба документа дополняют друг друга. Больница пока что подписала лишь один. Не подписан охранно-арендный договор, который позволял бы ей пользоваться зданием с соблюдением определенных норм: больница по-прежнему использует памятник архитектуры как свои задворки.

Не менее сложна и печальна судьба другого древнего сооружения — костела Марии Снежной. Сегодня хозяин памятника — гастрономторг Ленинского района города, и в здании — продуктовый склад...

Львовский историко-архитектурный заповедник совсем молод — ему всего пять лет. Но есть у него уже реальные успехи. Скажем, за эти годы созданы подробнейшие описания памятников, проведена паспортизация ценностей. Исследовательской работой руководит научно-методический совет, рассматривающий проекты использования зданий, вопросы повседневной жизни заповедника. Раньше вокруг памятников сталкивались интересы нескольких ведомств — тех, кто эксплуатировал здания, ремонтировал или реставрировал их. Сегодня их устремления увязывает и координирует заповедник. Он изучает, использует, реставрирует памятники, популяризирует их — в плане каждого сотрудника, помимо бесед и экскурсий, 11 лекций в год.

Коллектив заповедника отличается молодостью и горением. Согласитесь, когда о директоре подчиненные говорят: «Если ему плохо, то и нам плохо», когда днями и ночами просиживают над очередным срочным проектом, забыв о важных домашних делах, — это что-то да значит.

Стать хозяевами на своей территории — вот к чему стремится коллектив. А это далеко не просто. Тут мало заявить о своем существовании, это право надо утвердить, а порой и отвоевать. Достаточно сказать, что на 120 гектарах заповедника — 200 памятников архитектуры, около тысячи жилых домов, магазины, кафе, мастерские, множество разнообразных организаций.

У Дворца торжественных событий — памятника архитектуры XIX в.

Василий Андреевич Плихивский вспоминает: «Мы шли интуитивно, не сразу создавался коллектив. Нам ведь нужны преданные люди». Сегодня у заповедника нет недостатка в помощниках. Это и «свой» химик Володя Чернов — работник одного из научно-исследовательских институтов, и сотрудники лаборатории коррозии ВНИИПИ «Сера», и ин-

женер-геолог Виктор Курсанов, и многие другие. Мне довелось познакомиться с библиотекарем Наташей Вередюк и инженером Романом Дацем, научным сотрудником Лилей Онищенко и искусствоведом Андреем Дорошем, архитектором Яремой Кушниром... Они собрались здесь для общего дела — охраны памятников.

ЧТОБЫ НЕ КРАСНЕТЬ ПЕРЕД ПОТОМКАМИ

С Вячеславом Васильевичем Секретарюком, председателем Львовского городского Совета народных депутатов, я впервые встретилась на заседании штаба по благоустройству. Я много слышала о том, как внимателен к судьбам старинных сооружений Вячеслав Васильевич. Они — в русле его ежедневных забот, его часто можно увидеть и на реставрируемых объектах. «Мэр нередко становится у нас прорабом», — эту шутливую фразу я часто слышала в организациях, занимающихся памятниками.

Активная позиция общественных и государственных организаций в отношении памятников чувствуется в Львове во всем. Листаю газетные подшивки — статьи первого секретаря Львовского обкома партии В. Ф. Добрика в «Правде» и «Комсомольской правде». А вот книга Г. И. Бандровского, секретаря горкома партии, — «Город шагает в будущее». Приведу несколько строк из статьи В. В. Секретарюка в «Комсомольской правде»: «Красив старый Львов. Каждые четверть часа перезвон курантов с башни Ратуши медленно затихает в узких средневековых улочках... Как автографы мастеров, создавших эти чудеса, дошли до нас из седой старины названия улиц: улица Жестянщиков, улица Каменотесов... Но внимательно присмотритесь, и вы увидите: в старой части города где-то треснула черепица, где-то проржавела ажурная решетка, где-то покосилась стена. Время неумолимо. Старый город не спрячешь под стеклянный колпак: ведь город — это десятки тысяч квадратных метров площади, где живут и работают люди...» Эти слова принадлежат человеку, хорошо знающему и любящему свой город.

...Разговор о злободневных проблемах охраны памятников продолжался в кабинете В. В. Секретарюка в здании Ратуши, на площади Рынок, где еще с 1381 года находится центр управления городом. Меня интересует, что думает Вячеслав Васильевич о ведомственной принадлежности памятников.

— Настоящим решением вопроса было бы создание государственной всесоюзной организации, ведающей памятниками, — говорит В. В. Секретарюк. — Чтобы в ее руках были сосредоточены и власть, и права, и, самое главное, производственная база. Без этого сегодня говорить о восстановлении старинных сооружений сложно. Пока нет единого хозяина, мы не застрахованы от печальных недоразумений. Конечно, мы строго спрашиваем с тех, кто не бережет памятники, вызываем их на заседания штаба, наказываем. Но ведь восстановить утраченное бывает трудно, а порой и невозможно. Гораздо легче предупредить ущерб. Недаром в Законе СССР об охране и использовании памятников истории и культуры сказано: «Охрана памятников — важная задача государственных органов и общественных организаций».

С этим трудно не согласиться. Да, действительно, создание всесоюзной государственной организации, ведающей памятниками, решило бы многие проблемы. Печать много раз поднимала этот вопрос, и, основываясь на львовском примере, хотелось бы подчеркнуть еще раз: народные сокровища должны иметь единого хозяина.

Вспомним слова известного публициста Ярослава Галана: «Перед лицом будущего, нового, величественного индустриального Львова мы должны как святыню беречь все то лучшее, что оставили нам наши предки... Пусть не смоют дожди ни одного камня с его достойных стен, ибо каждый такой камень — это кусок нашей истории. Пусть ни одна фреска не побледнеет под тяжестью столетий: чтобы мы не были вынуждены краснеть перед своими потомками».

Залы Музея истории религии и атеизма.

Олесский замок. Галерея внутреннего двора.
Фото Г. Киселевой.

ФОРМИРУЯ МИРОВОЗЗРЕНИЕ...

Охрана памятников и воспитательная работа... Ее критерии известны. Это и число прочитанных лекций, и количество членов Общества. В конце концов два миллиона рублей, затраченных на реставрацию львовских памятников архитектуры, складывались и из 30 копеек ежегодного взноса многих сотен тысяч членов. Однако многие ли знают, что часть денег львовской организации Общества вложена в создание Музея Ивана Федорова и реставрацию Онуфриевской церкви? И что скоро на такие же деньги откроется экспозиция старинного оружия и в бывшем здании арсенала? Это надо доходчиво объяснять.

Работники Общества в Львове делают многое. Я видела, в частности, пригласительные билеты на открытие памятных знаков на улицах города и обратила внимание на непременную деталь: в билетах не только указывались имена авторов-художников, но и сообщалось о том, где выполнен этот знак. И все же в городе пока еще редка информация о том, кто ведет реставрацию или реконструкцию. Я имею в виду информацию зримую, доступную для каждого. Будь она — и не производили бы впечатления разрушающихся костелы кармелитов и бернардинцев. Любой из проходящих мимо мог бы узнать, что в одном из них будет размещен Музей истории, архитектуры и перспективного развития города, а в другом — Музей монументальной и декоративной скульптуры.

Кстати говоря, такие «мелочи», вероятно, могли бы сыграть свою роль и в решении проблемы дефицита реставраторов, в привлечении к такой работе молодежи. Это было бы хорошим дополнением к беседам в школах. В Львове в каждой школе созданы первичные организации Общества охраны памятников истории и культуры. Школьники участвуют в раскопках и реставрации. Так, восемь трудовых десантов провели при восстановлении городской стены на улице Радянской ученики средней школы № 79.

Студенты, учащиеся ПТУ, школьники, участвуя в раскопках и реставрации, приносят осязаемую пользу охране памятников. Но есть польза и другая. Думается, тот, с чьей помощью вставала из руин древняя стена, вряд ли когда-нибудь поднимет на нее руку.

...Узкими средневековыми улочками выходим на небольшую площадь, в центре которой — здание костела. Экскурсовод львовского бюро путешествий и экскурсий Оксана Ярославовна Василишина, рассказывая об экспансии католичества на западноукраинские земли, приводит слова одного из его священнослужителей: «Формируя камень в архитектурную форму, мы формируем душу человека так, как это угодно церкви». Символично, что именно здесь, в костеле доминиканцев, памятнике архитектуры XVIII века, расположился сегодня один из популярных музеев города.

Львовский музей истории религии и атеизма за 10 лет своего существования превратился в важный центр атеистической пропаганды в западноукраинских областях. Его научные сотрудники ведут большую исследовательскую работу, проводят ежегодно несколько тысяч лекций-экскурсий, организуют дни атеиста в районах области, выезжают с тематическими фотовыставками на предприятия. В фондах музея — около 20 000 экспонатов.

Рассказывают, что несколько лет назад коллекция музея пополнилась экспонатом, что называется, «из первых рук». Почта принесла конверт из Италии: отправитель — центр периферийных доминиканских монастырей в Болонье — сообщал о дополнении к богослужениям и знакомил с новым уставом монашеских общин ордена. Снабжение экспонатами музея атеизма, конечно, не входило в намерения Ватикана, и теперь уже трудно судить, что это было — намеренная провокация или просто произошла какая-то неувязка. Но эти любопытные инструкции стали экспонатом музея, который ежегодно посещают 200 тысяч человек.

Недавно у музея состоялось дополнительное новоселье. В подвалах костела доминиканцев созданы удобные и просторные помещения для фондов, оборудованное современной техникой специальное помещение для хранения живописи, подиум, на котором будут устраиваться выставки для специалистов. Создание такого удобного помещения для фондов в здании-памятнике позволит расширить экспозицию.

...На высоком холме — собор святого Юра, памятник архитектуры XVIII века. Как бы завершая холм, он связывает рукотворчество и природу в единое целое. Однако видеть в этом здании лишь шедевр архитектуры значило бы не усмотреть главного. Этот памятник славен своими архитектурными формами, но, увы, не менее «славен» и черными днями унии и правления митрополита Шептицкого. С его амвона благословляли бандеровщину и дивизию СС «Галичина», здесь хлебом-солью и псалмами встречали головорезов-националистов, пошедших в услужение к гитлеровцам.

«Мало изучить, кто, что и где строил, какой стиль отличает одну постройку от другой, какие идеи воплощены в камне. Важно дать им правильную классовую оценку. Давайте посмотрим реестр памятников истории и культуры: собор, костел, церковь, монастырь... Силуэты древнего Львова — тоже силуэты храмов. Но позеленевшая медь куполов, глухие стены бывших монашеских обителей... вызывают отнюдь не светлые воспоминания... И мы не собираемся предавать забвению черные дела униатов, мы рассказываем о них во время экскурсий и лекций по архитектуре», — писал в «Комсомольской правде» первый секретарь Львовского обкома партии В. Ф. Добрик. В этих словах четко определено место памятников старины в системе атеистического воспитания.

В центральном нефе Онуфриевской церкви есть резной иконостас. Экскурсовод, обратив на него внимание, обязательно заметит, что резьба по дереву выполнена народными умельцами по образцу знаменитого краснопущанского иконостаса XVIII века, а живопись принадлежит украинскому художнику конца XIX — начала XX века Модесту Сосенко. Библейские сюжеты не смогли подавить реалистическое начало в творчестве художника, затмить земную красоту его творений.

Многих, кто попадает в Музей украинского искусства, привлекают мастерски выполненные иконы старых мастеров Львовщины. Святые на них поразительно напоминают простых людей тогдашней Галиции. Они и одеты в крестьянскую одежду, и делом заняты самым что ни на есть земным — пасут овец, рубят лес. Создавая эти «божественные» картины, иконописцы отражали реальный мир, изображали красоту простого человека. И богоматерь мастера Григория Дубенского — земная, красивая, молодая женщина.

«Можно спрятать от людей древнюю живопись, памятник и думать, что без всего этого они обойдутся, но ведь при этом мы рискуем потерять Человека». Эти слова я услышала от Мирославы Майорчук: а она в свою очередь — от своего учителя Владимира Антоновича Овсийчука, автора нескольких книг по архитектуре, среди которых прекрасный альбом «Памятники архитектуры Львова».

Когда готовился к открытию Дом качества, метрологии и стандартизации (костел Сретения, XVII в.), встал вопрос, как быть с росписями выдающегося художника Яна Генриха Розена, на которых изображены семь святых таинств. В споре победило искусство. Ценные росписи были сохранены и сейчас украшают конференц-зал.

Конечно, красивые формы культовых сооружений, впечатляющие живопись и фрески, богатая скульптура, роскошное убранство всегда оказывало, оказывает и сегодня, воздействие на человеческие души. И вполне закономерно, что и мы, создавая в костеле или церкви музей, клуб, детскую художественную школу или концертный зал, тоже задумываемся над духовным миром людей. Но осмысливаем древние произведения архитектуры и живописи не как божественные, а как земные, материальные, говорим, что церковные купола и готика костелов вознеслись гимном труду и таланту человека. Но, утверждая это, нельзя забывать и о другой стороне — о том, какова была роль этих памятников раньше, как они служили религии и господствующим классам, с какой проповедью смирения и послушания обращались с их амвонов священнослужители к трудовому народу.

Наше государство выделяет немало средств на охрану и реставрацию памятников истории и культуры. Сейчас создается «Свод памятников истории и культуры народов СССР», а в 1976—1978 годах были приняты законы союзных республик и страны «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

Памятники — от слова «память». Они — не только произведения искусства, они пробуждают историческую память в каждом из нас, говорят о славном или трагическом в жизни народа. Прикоснувшись к памятнику, учишься оценивать прошлое, размышлять над ним, хранить в своей памяти.

САМОМУ РАСПОРЯДИТЬСЯ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ...

Н. УВАРОВА, специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

«Иногда ко мне приходит вдохновение жить. Однако это чувство, к сожалению, проходит. А иногда у меня возникает желание умереть. И тогда я обращаюсь к богу. Мне кажется, у каждого человека есть свой бог, к которому он обращается, может быть, даже не зная и не думая об этом. А может быть, бог — это связь людей друг с другом? Хотя мы живем, не зная друг друга...

Детство мое — церковь и кладбище. Меня бабушка всегда брала с собой. Она была сугубо верующая, но больше из-за бедности. Теперь ее давно уже нет.

После смерти бабушки я жил как беспризорник, потом воспитывался в интернате. Мне не хочется рассказывать обо всех своих бедах. Я не раз писал в редакции, просил: «помогите». Мне отвечали и давали разные советы, но настоящей помощи я не получал. Я сменил много работ, был сапожником, возчиком, грузчиком. И нигде не мог работать в полную силу. Без призвания нет хорошей работы. Что у меня за работа: грузчик. А мне хочется учиться, чтобы была цель и вера. Я не хочу быть обывателем. Но что мне делать? И жаль, что вдохновение жить приходит ко мне все реже и реже. И все чаще я обращаюсь к богу».

Валентин АРТЕМОВ

г. Никольск

«Я и не ждал, что кто-нибудь ко мне приедет», — это были первые слова Валентина, когда мы встретились. Он выглядел еще моложе своих 19 лет — небольшого роста, с беспорядочно торчащими в разные стороны курчавыми волосами, настороженно смотрящими глазами. «Где нам удобнее разговаривать — у вас дома или в гостинице?» Секунду помялся: «Лучше в гостинице». Наспех надел куртку, и мы вышли на улицу...

В начале нашего длинного разговора мне показалось, что Валентин чувствует смущение: потревожил человека, заставил ехать, оторвал от дел. Но сквозь смущение прорывалась острая, напряженная потребность высказаться, открыть душу тому, кто может выслушать, понять, посочувствовать. Я вспомнила горькие слова его письма: «Мы живем, не зная друг друга».

Сперва наша беседа топталась на месте. Я присматривалась к Вале, а он ко мне. Он что-то говорил, но все это я уже знала — он, по существу, пересказывал свое письмо. Потом я стала задавать вопросы, Валентин разговорился...

Он оказался человеком более сложным, чем можно было себе представить по его письму. И ситуация оказалась сложной: к моменту моего приезда в город В. Артемов вступил в конфликт с администрацией того предприятия, на котором он работал. Мне не хотелось обострять этот конфликт, и потому я изменила фамилию автора письма и название города.

Наблюдая за своим новым знакомым, я видела, сколько доброго хранит его душа. Его волнует все, что происходит в мире, возмущает жестокость, бесцеремонность, он горячо сочувствует тем, кто борется за свободу и справедливость. В нем живут душевная боль, серьезные раздумья о мире, о месте человека на земле. Он жадно тянется к книге, много читает, и прочитанное оставляет заметный след в его душе: есть что-то в характере Валентина, что удерживает его от дурных компаний, пристрастия к бутылке. Он видит собственные недостатки и переживает их остро и болезненно...

В. Артемов оказался человеком противоречивым, как бы составленным из многих лоскутков. Тем сложнее было дать на его вопросы однозначный ответ (если это вообще возможно). А он так ждал этого. И при первой беседе, и при нашем хождении по городу (дел было много — ведь нужно было устроить Валю на работу) он несколько раз спрашивал: «А писать вы будете? Что напишете?» Рассказывая о себе, о своей жизни, он стремился не столько услышать мои советы, сколько узнать, как я оцениваю его поступки. Несколько раз у него промелькнула фраза: «Наверное, вы теперь всем расскажете, какой я плохой». Ему важно было понять, как он выглядит в глазах людей. И он боялся выглядеть плохо...

Прежде всего мне хотелось понять, почему Валентин чувствует себя таким одиноким.

Он рос без отца и испытывал зависть к тем, у кого отец есть, порой остро чувствовал обидную жалость сердобольных соседей, невольно сжимался в ожидании ее проявления. В 11 лет, после смерти бабушки, Валю отдали в интернат. Друзья? Он сторонился шумных, энергичных мальчишек и девчонок, предпочитал оставаться один. Да и потом, начав работать, так и не нашел надежных друзей. Жизнь его складывалась таким образом, что те, кто хотел с ним дружить, были ему неинтересны, а дружба с теми, кто был ему интересен, требовала душевных усилий, которых не хватало; да и самолюбие мешало сделать шаг навстречу.

Дружил ли с девушками? Да, с Мариной, с которой учился в интернате. После тоже встречались, переписывались. Валентин помолчал, а потом откровенно признался, что одно время подумывал, не жениться ли ему на Марине. У нее, как и у него, — нелегкая судьба, ей тоже трудно встать на ноги, найти место в жизни. Однако стремление начать семейную жизнь быстро исчезло. Он усмотрел (думаю, ему показалось) в желании девушки красиво одеваться — мещанство, в стремлении создать благополучный быт — обывательщину.

В характере Валентина, в его поведении было нечто такое, что отстраняло, отделяло его от окружающих, отчуждало даже от самых близких людей (а таких немного и было). Он не умел прощать чужие слабости и просчеты. Но при этом (что всегда обостряло ситуа-

цию) он вовсе не был столь же строг к себе: к своим недостаткам и ошибкам он был склонен проявлять снисходительность.

Сам Валентин объясняет свое одиночество тем, что у него повышенная требовательность к окружающим. Но ведь искусство человеческих отношений в том-то и состоит, чтобы, принимая и любя людей такими, какие они есть, помогать им стать лучше. Человек, который овладел этим искусством, не испытывает одиночества...

Сложно складываются и отношения Валентина с матерью. Я видела, что он затаил на нее обиду — винит за трудное детство, за всю жизнь. Но стоит ли так пестовать и лелеять свои обиды? Ведь прошлого не вернешь, а мать есть мать. Судьба ее сложилась ох как нелегко — и Валентин об этом знает, — так надо ли сейчас ему судить ее столь строго? Куда естественней постараться понять и помочь. Тогда, быть может, мать и сын станут ближе друг другу и Вале со всеми своими бедами и душевной неустроенностью не захочется обращаться по любому поводу в далекие редакции. Разве может кто-нибудь понять тебя лучше, чем родной и близкий человек?

А сейчас и сама мать остро нуждается в помощи сына. Но чтобы помочь ей, прежде всего необходимо работать. Ни одна из профессий, которыми овладел Валя, ему не нравится. Но дело, по-моему, не в специальности. Ведь как у него получается: трудно вставать в первую смену — уволился, уставал после работы — ушел. И это в то время, когда семье так необходима материальная помощь. Выходит как-то не по-мужски. Надо, наверное, выдержать характер, научиться преодолевать трудности. Тогда придет и уважение к себе.

Нельзя сказать, что Валентин не искал себе места по душе. После интерната поступил в ПТУ. Начал с интересом, но скоро остыл и бросил учебу — оттолкнуло то, что некоторые преподаватели вели занятия спустя рукава («не учеба, а пустая трата времени»). Кто знает, найди он в себе силу воли преодолеть раздражение и продолжить учебу, несмотря на минутное разочарование, училище могло стать для него первой ступенью в настоящий труд, в активную жизнь.

Трудовая книжка, несмотря на весьма недолгий срок существования, пестрит датами, названиями предприятий, подписями. Больше трех месяцев он не задерживался нигде, исключение — швейная фабрика. «Когда устроили его туда, — рассказывает инспектор по трудоустройству, — первое время он был очень доволен. Аванс ему выписали раньше времени. А потом звонят с фабрики, говорят — уволился».

Мне показалось, Валя сам убедил себя в том, что любое его начинание обречено на неудачу. «Все равно из этого ничего не получится», — такова теперь его формула жизни. «Все равно было бы неинтересно», — объясняет он, почему бросил училище. «Все равно эта работа мне не понравилась бы», — говорит он о том, почему ушел со швейной фабрики.

Еще в интернате он начал писать стихи. Наконец решился послать их в местную газету, но ему ответили, что они пока неумелы. Валентин снова сказал свое: «Все равно ничего не получилось бы», — и сжег написанное, хотя вложил в эти творения много мыслей, чувств, труда. Не сумел он реализовать и свое увлечение живописью...

Говорят, трудное детство заставляет человека рано взрослеть. Валя, наоборот, оставался инфантильным — в отношении и к жизни, и к окружающим. После бесед с ним стало совершенно ясно, что именно неумение и нежелание самому отвечать за свои поступки и родило вот эту фразу в письме: «Все чаще я обращаюсь к богу». Эти слова не означают, что Валентин верит в бога. Он не ходит в церковь, не соблюдает религиозные обряды. Его мысли о боге вызваны потребностью переложить решение своих проблем на чьи-то плечи и таким образом избавить себя от ответственности за неудачно начатую самостоятельную жизнь, от мучений и угрызений совести — мол, раз все предопределено, то ни за что не отвечаешь. Но достойна ли такая позиция?

Во время одной из наших бесед Валя рассказал случай из своего детства, запомнившийся ему на всю жизнь. Както бабушка взяла его с собой на кладбище (ему было тогда лет пять-шесть) и там он увидел около церкви старушку, просившую подаяние. Он подошел и положил ей в чашку монетку, положил незаметно, чтобы не увидела бабушка — им самим в ту пору приходилось тяжело. Валентин сказал мне, что это была очень для него счастливая минута. Сострадание — в его натуре. Однако случилось, что окрепнуть и развиться это чувство не смогло, так и осталось на уровне одной только готовности к помощи. Внутренняя потребность помочь людям пока остается для него нереализованной, как не научился он помогать и самому себе.

Вполне очевидно, что все неурядицы и как следствие их — интерес к богу появились у Валентина в результате его душевной пассивности, неумения и нежелания преодолевать трудности. Он ждет, что помощь придет к нему откуда-то извне — от близких, от окружающих, из редакций газет и журналов, наконец, от судьбы. Между тем ему надо самому собраться, проявить волю и выдержку, решительность и мужество — мужество перестать сетовать на несовершенство жизни и начать жить активно, действенно, счастливо. Ему надо самому распорядиться жизнью, не уклоняться, не уходить от решения жизненных проблем, не искать, на кого бы возложить ответственность за свои дела — будь то работа, взаимоотношения с товарищами или родственниками. И тогда у него, думается, не будет оснований сетовать на неудачно сложившуюся судьбу и обращаться за помощью к сверхъестественным силам.

Не за счет природы

Петр Дудочкин в статье «Неписаные законы» (1979, № 11) рассказывает о старинном Дне березки. Действительно, в древности славяне встречали весну, чествуя березу как священное дерево. В дальнейшем этот языческий праздник стал церковным. Но как и в старину, в троицын день ломали ветки березы, украшали ими двери и стены домов, срубленные деревца целиком втыкали в землю. Я думаю, что и в давние годы не стоило без особого смысла рубить и ломать березовые деревья, ну а в наше время это просто недопустимо. Природа ведь так ранима и так нуждается в бережном отношении!

Автор справедливо замечает, что «хорошие народные обычаи не должны вредить природе», однако сам себе противоречит. Он пишет: «Живая новогодняя елка в квартире — это не только возможность порадовать детвору. Это чудесный праздник, облагораживающий и малых и старых, воспитывающий добрые чувства, любовь к прекрасному, кусочек родной природы со свежим дыханием чащи под крышами наших домов».

А знает ли автор этих слов, сколько живых деревьев погибает ежегодно, при этом с каждым годом все больше. В Донецк, например, к новому, 1980 году было завезено 220 тысяч елочек — одно деревце на 5 жителей. Их оказалось так много, что не все были проданы. А сколько срублено деревьев без разрешений. Бывает, что срубить все дерево опасно, и бессовестные люди рубят верхушку.

Пишут, что елка в доме во время новогоднего праздника облагораживает, вызывает любовь к прекрасному. Так ли это? Елку сначала наряжают, называют «красавица-елка», «лесная красавица», «душистая, колючая, пушистая», а затем безжалостно бросают на свалку, и те же дети, которые еще вчера восхищались ею, ломают сегодня ветки, жгут, невольно приучаясь таким образом к бездумному отношению к природе.

Т. ЖЕРНОВКОВА

г. Донецк

Мы и наши дети

Нередко сегодня можно услышать нарекания на молодых людей — они, мол, невоспитанны, не приучены к труду, не слушаются старших и т. п. Но так ли это? Да и сами мы — были ли в юности лучше современной молодежи?

Проработав педагогом большую часть своей жизни, я имел возможность на протяжении десятилетий наблюдать поведение своих учеников. Расскажу об одном эпизоде, который произошел не так давно во время уборки картофеля на совхозном поле.

Девушки еще утром собрали весь выкопанный картофель в мешки. А во второй половине дня хлынул такой ливень, что работать стало невозможно. Гусеничный трактор с тележкой, который только один и мог проехать по раскисшей земле, подошел за мешками лишь к вечеру. Но они к этому времени будто вросли в грядки — так цепко их ухватила мокрая земля. Дождь же все поливал и поливал. Мне самому ужасно хотелось спрятаться хотя бы в какое-нибудь укрытие. Но ребята не ушли, пока последний мешок не был «вырван» из грядки и заброшен в тележку. Насквозь промокшие, но довольные содеянным, возвращались мы весело домой. Это только один случай из многих, которые убеждают: наша молодежь не пасует в трудную минуту.

Конечно, современные условия жизни неизбежно накладывают своеобразный отпечаток на облик и поведение подрастающего поколения, который людям старшего возраста иногда кажется неприемлемым. Но вспомним: лет 45 или более назад нам тоже хотелось погулять, развлечься, однако жили труднее.

Родители наши не могли позволить себе баловать нас, они распределяли трудовые обязанности между всеми членами семьи, иначе было бы не справиться со всеми ежедневными делами — уходом за скотом, заготовкой дров... А когда наступала страда! В такие дни не заботились о поддержании строгого порядка и уюта в крестьянском доме — было не до того.

Нередко в тесных избенках многим из нас по трое-четверо за одним столом в полуосвещенном помещении приходилось готовить уроки. В те времена в зимние вечера после катания на улице на салазках или на лыжах мы не слышали дома радио и даже не представляли себе, что такое телевидение. Сельские клубы только-только еще разворачивались.

Помню, как собирались мы зимними вечерами и с учащенным биением сердца слушали зачарованно про колдунов, чертей, домовых, водяных, леших. Все эти россказни были вполне естественны на фоне общей мировоззренческой деревенской темноты. Сегодня же интерес наших молодых людей к этим сказочным персонажам скорее развлекательный, чем суеверный.

Вот как ответили наши учащиеся на вопрос, предложенный в анкете: «Верите ли вы в гадания и приметы?» Среди ответов были и такие: «Если выпадет хорошее, верю, плохое, нет». «Если нужно, то во все поверишь...» Не подтверждается ли здесь вывод, что религия и суеверия — удел слабых? Нужно отметить, что среди учащихся, пришедших к нам с десятилетним образованием, верящих в приметы оказалось в два раза меньше, чем среди тех, кто поступил к нам после окончания 8-го класса.

В целом же, говоря о нашей современной молодежи, не могу не повторить крылатую фразу: «Дети всегда старше своих отцов». Сейчас наши дети получают во всех сферах знаний гораздо больше информации, чем получали мы в их возрасте. И ни бога, ни черта подавляющее большинство из них не признает всерьез. Но ту благодатную функцию, которую выполнял в нашем воспитании ежедневный домашний труд, мы пока еще ничем не заменили. А надо бы!

В. СИМБИРЦЕВ,
преподаватель медицинского училища
с. Мещерское
Московской области

Жажда общения

Я заболела, когда мне не исполнилось еще и пяти лет. Сначала мне стало трудно бегать и прыгать, в 15 лет я слегла окончательно. Сейчас мне 26. 11 лет провела в неподвижности. Больше всего я страдаю от одиночества. С годами жажда общения становится все сильнее. Этим мы схожи с Сашей Чижовым, о котором рассказала И. Баллод в очерке «Шаг через катастрофу» (1979, № 10). Есть люди, которые сами могут преодолеть стены, отгораживающие их от мира, я, к сожалению, из тех, кто ждет помощи. Понимаю, что никто не обязан думать обо мне, дружить со мной, но порой приходит глупая мысль — дать объявление в газету: «Жажду живого общения!» Я стала писать на радио и обрела там знакомых, но голод общения от этого стал еще ненасытнее.

Все мои письма, а я переписываюсь со многими,— это попытки найти путь к людям. Но очень страшно показаться жалкой, беспомощной. Говорят, для общения тоже нужен талант. Ну, а если его нет? Я, например, с людьми схожусь трудно. Необходима искренняя заинтересованность, открытость, чтобы я потянулась в ответ. Казенное внимание приносит одну лишь боль.

В ответ на очерк обо мне, который был напечатан в журнале «Ровесник», отозвались лишь те, чьи судьбы похожи на мою. Неужели боль другого человека способен понимать только тот, кто сам это испытал? Тут не только обо мне речь: одиночество чаще всего возникает от нежелания, от неспособности одного человека услышать, понять, посочувствовать другому.

Тамара **МУРУНОВА**
г. Похвистнево
Куйбышевской области

Радуюсь миру на земле

В № 3 вашего журнала за этот год напечатано письмо А. Колчковой «Моя жизнь», которое очень тронуло меня. Таких женщин, как Колчкова, на нашей советской земле много, они, работая в тылу, помогли завоевать Победу.

Я тоже прожила нелегкую жизнь. Война началась, когда мне было всего шесть лет, и осталась я круглой сиротой. Но не пропала, выросла, выучилась, теперь у меня трое детей. Им рассказываю о трудных военных и послевоенных годах и радуюсь миру на земле. Все у нас есть. Но удивляют меня те люди, которые стремятся к роскоши. Какие пышные закатывают свадьбы, сосед старается «переплюнуть» соседа, сорят деньгами и портят этим дурным примером молодежь. Юноши и девушки привыкли думать, что уж если свадьба, то надо залезать в долги, но обязательно нанимать оркестр, бросать музыкантам червонцы, созывать не меньше 200 гостей. Разве не дико это выглядит в нашем советском обществе?

Н. АБДЕЕВА
г. Учкурган
Наманганской области

Наши кинозрители

Наш совет существует давно. Наряду с организацией лекций, вечеров, семинаров мы отводим большое место кинозрительским конференциям и кинолекториям как одному из действенных средств атеистического воспитания.

Регулярно, раз в два месяца, в Доме культуры «Строитель» собираются учащиеся школ нашего района. Ребята идут сюда с удовольствием. В этом году они посмотрели и обсудили многие фильмы. Наиболее оживленные споры у них вызвала лента «Отец Сергий». Перед просмотром фильма выступила учительница средней школы № 22 Ирина Ивановна Бескровная, так что старшеклассники знали, о чем пойдет речь на ближайшей конференции.

Успешно также прошли конференции по фильмам «Тучи над Борском», «Грешница» и «Исповедь». В их обсуждении приняли участие школьники ряда школ района, учителя, работники библиотек.

Так экран учит ребят мыслить, формирует их мировоззрение.

П. ГОНОРОВСКИЙ,
председатель совета по научно-атеистической пропаганде при Октябрьском райкоме КПСС
г. Тамбова

ЖИЗНЬ диктует изменения

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

В статье И. Аничаса и И. Мачюлиса, опубликованной в № 2 нашего журнала за этот год, шла речь о том, какое влияние оказывают условия жизни социалистического общества на модернизацию католицизма, в частности на эволюцию его социально-политической доктрины на примере церкви в Литве. В данной статье говорится об изменениях, которые претерпевают сегодня социально-этические концепции католицизма.

И. МАЧЮЛИС, кандидат философских наук

Эволюция католицизма в нашей стране происходит в условиях коренных социальных преобразований. Утверждение и совершенствование социалистических отношений, развитие демократии, укрепление дружбы всех наций и народностей, повышение благосостояния людей, улучшение условий их труда и быта, прогресс в области просвещения и культуры — вот та объективная основа, которая обусловливает процесс секуляризации и атеизации общества. Расширяются социальные связи личности, формируется активная жизненная позиция. Все это в корне подрывает социальные основы религии. Последовательная, целенаправленная идеологическая работа способствует усвоению широкими слоями населения идейных и нравственных основ научного атеизма. Отход трудящихся от религии и церкви сопровождается формированием в их сознании научно-материалистического мировоззрения, идейной убежденности.

Эти процессы происходят в первую очередь в сознании людей, активно участвующих в производственной, культурной жизни социалистического общества, стремящихся углубить свои знания. Так, по данным социологических исследований, проведенных в 1978 году в различных сельских и городских трудовых коллективах Литовской ССР, среди людей с высшим образованием глубоко верующие составили лишь 1,35 процента; 88,75 процента назвали себя атеистами. Среди людей со средним образованием было 4 процента глубоко верующих. Последователи католицизма в своем большинстве люди пожилые, с невысоким образовательным уровнем, зачастую придерживающиеся традиционных религиозных представлений. Однако и в их сознании происходят изменения, которые свидетельствуют о размывании религиозности.

Сегодня в обыденном религиозном сознании мало места остается для представлений о конце света, бессмертии души и т. п. А самое главное, иллюзорные идеи и представления все больше вытесняются жизненно значимыми, прогрессивными целевыми установками, религиозная оценка социальных и нравственных проблем — социалистическими критериями. Многие верующие стремятся сочетать религиозные идеи с социальными и нравственными идеалами коммунизма, которыми они дорожат. Немалая часть верующих вообще не связывает важные проблемы общественной и личной жизни с религией. По данным исследования, проведенного кандидатом исторических наук А. Бальсисом в Литовской ССР, 83,7 процента работников промышленных предприятий и 79,7 процента сельскохозяйственных работников придерживаются мнения, что и без веры человек может быть высоконравственным.

На неоспоримый факт отрыва религиозных идей от жизненных идеалов с тревогой указывает духовенство. «Большинство верующих и теперь религию рассматривают как необходимую связь души человека с богом, но как-то отвлеченно от семьи, от профессии, от должности, от общественной жизни», — говорилось в одной из проповедей.

И это вполне закономерно. В государстве, где ликвидирована частная собственность на средства производства, где общественные и личные интересы находятся в гармоничном единстве, актуальные проблемы общественной жизни неизбежно отодвигают на периферию сознания верующих религиозные вопросы. Конечно, эта общая закономерность изменения религиозного сознания и формирования научно-материалистического мировоззрения пробивает себе дорогу сквозь множество факторов, могущих ее затормозить или исказить ее конкретные проявления. Это и влияние религиозной семьи, инерция и консервативность бытовых традиций, трудности нравственного роста, ослабление социальных связей личности и т. п.

Для пожилых, малообразованных верующих, придерживающихся традиционных религиозных представлений, радикальные нововведения в вероучение неприемлемы. Это хорошо понимают католические богословы. Одним из примеров нежелания вносить какие-то изменения в укоренившиеся традиции может служить письмо епископов и управляющих епархиями Литвы, направленное папе Павлу VI по поводу энциклики «Целибат духовенства», обнародованной в 1967 году. Закрепляющая статус безбрачия духовенства энциклика вызвала в капиталистических странах волну протеста многих католических священнослужителей. Авторы же письма из Литвы, наоборот, благодарили папу «за стойкую позицию по этому вопросу», ибо, по их словам, «отмена целибата в нашем крае может дурно повлиять на авторитет ксендза, поколебать убеждения верующих».

Литовские священнослужители отстаивают и другие краеугольные догматы католицизма. Так, в примечаниях к Новому завету, изданному католической церковью Литвы в 1972 году, верующим предписывается, как и прежде, незыблемая вера в догмат о воскресении Христа. И как следствие — вера в собственное воскресение. Настойчиво обращаясь к положениям Библии, церковные иерархи хотят таким образом задержать процесс размывания религиозных представлений в сознании современных верующих.

И тем не менее объективные факторы социалистической действительности нашей страны обусловили определенные изменения в воззрениях служителей католической церкви. «Идя по дорогам земли в счастливую вечность, необходимо приспособить учение Христа к тем

вопросам времени, которые занимают современного человека», — говорил епископ Крикшюнас, принимая должность апостольского администратора паневежской епархии в 1973 году.

Сошлемся на рукописное сочинение одного из литовских ксендзов «Октябрь и церковь». Объясняя ход истории с позиций провиденциализма (волей провидения, божественного промысла), утверждая, что коммунистическое движение, овладевшее умами и сердцами большей части человечества, возникло и развивается по божьей воле, автор при этом отдает должное достижениям советского народа, одобряет созидательную миссию Октябрьской революции. По мнению автора рукописи, причинами исторического развития являются не объективные закономерности, а свойства человека — его склонность к «греху» или «благодати», человека, который может легко впасть в соблазн, не устоять перед богатством, роскошью, властью. И в то же время автор признает, что католическая церковь была не в силах сплотить верующих в борьбе за торжество добра и любви. Поэтому такое большое значение придает он Октябрьской революции, которая в обстановке всеобщего эгоизма взяла на себя «роль божьего меча и божьей грозы».

Сходная интерпретация социалистической революции характерна и для представителей других религиозных конфессий в СССР. Вот как писал митрополит русской православной церкви Никодим: «Но божественный промысл не допустил того, чтобы это попрание правды и насилие над человеком продолжались вечно. Над миром насилия и неправды... разразилась, в конце концов, очистительная гроза божественного правосудия...» [1]

Попытки объяснить исторические процессы божественным промыслом, «тайной божьих планов» всегда подвергались со стороны марксистов критике, в результате которой, как отмечал Г. В. Плеханов, даже люди с горячей и непоколебимой верой бывают вынуждены отказаться «от теологического толкования истории, если только они хоть сколько-нибудь считаются с логикой и если они не думают утверждать, что **неисповедимое**, т. е. **необъяснимое и непонятное, объясняет все и делает все понятным**»[2].

Стремясь приспособиться к изменившемуся сознанию верующих и тем самым предотвратить разрушение основополагающих идей христианства, католические теологи особо подчеркивают, что «христианство представляет собой не только учение, но прежде всего вдохновенную жизнь». На это был сделан особый акцент в пастырских письмах по вопросам постов и покаяния. Эти письма прежде всего преследовали цель подогреть религиозную активность верующих. «Молитва, сопровождаемая постами и благотворительностью, дороже золота», — отмечается в них. Характерно, что в письмах не выдвигаются на первое место такие добродетели, как аскетизм, страдание, самоотречение. «Не других осуждающий, строго соблюдающий пост, а любящий и преданный истине и долгу человек является идеалом христианства», — говорится в одном из писем апостольского администратора каунасской архиепархии. В совместном послании управляющих епархиями Литвы подчеркивается, что христианская совесть требует хорошо выполнять свои обязанности, добросовестно трудиться во имя общего блага.

Подобные высказывания встречают одобрение советской общественности. При этом, однако, нельзя не видеть, что такие новые тенденции в теологии ограничены рамками религиозного мировоззрения. Истоки социальной активности людей католические священнослужители усматривают в духе, в боге, в религиозном сознании. И как ни обновляют, ни модифицируют они свои концепции, они не могут уйти от того, что религия как превратное отражение действительности предполагает сверхъестественный источник общественного развития. «Бог действует через всех и во всех», — утверждают теологи. Таким образом, и в подновленной теологии человек не творец (субъект истории), а средство, которым божество пользуется для достижения своих целей: осуществления своего «продолжающегося творения».

Особенно ярко идея божественного промысла выражается в религиозной интерпретации труда, смысла и цели жизни, нравственного совершенствования человека.

В проповедях католического духовенства постоянно подчеркивается, что религия прививает людям добросовестное отношение к труду. При этом священнослужители ссылаются на библейскую заповедь: «Не трудящийся да не ест». Однако в религиозной интерпретации труд из средства преобразования и усовершенствования общества превращается в способ «достижения царства божьего».

Такое понимание труда в капиталистическом обществе используется церковью для оправдания эксплуатации человека человеком. «Только осознание священности труда может ликвидировать ту яростную борьбу, которая происходит между работником и работодателем», — писал в буржуазное время литовский клерикальный журнал «Тиесос кяляс» («Путь истины»), объявляя труд средством «покаяния и расплаты».

В социалистическом обществе, в основе которого лежит общественная собственность на средства производства, достоинство личности определяется ее отношением к труду, по труду воздается человеку. Поэтому сегодня в проповедях католического духовенства редко услышишь, что труд — «следствие первородного греха», «средство покаяния и расплаты». Современные проповедники объясняют потребность трудиться творческим началом, «заложенным в сердца людей богом». «Где бы я ни работал — на фабрике или в колхозе, учусь или в конторе веду учет, как бы я ни чувствовал себя — усталым или бодрым, — всегда должен помнить, что и сам Христос работал... Бог служит другим. Это служение как определенную обязанность он вписал и в сотворенных им существах», — говорится в одной из современных проповедей.

Как видим, и сегодня «религия по существу своему есть выхолащивание из человека и природы всего их содержания, перенесение этого содержания на фантом потустороннего бога, который затем из милости возвращает людям и природе частицу щедрот своих» [3].

Таким образом, и в социалистическом обществе церковь, замалчивая важнейшие побудительные стимулы трудовой активности людей — совершенствование социалистических производственных отношений, задачи строительства коммунизма, — в конечном счете проповедует идею отчужденного труда. Как и любое другое проявление отчуждения, религиозная концепция труда не может быть основой нравственного совершенствования личности.

С теологической концепцией труда непосредственно связано понимание цели и смысла жизни. «Идеалом религии является не отрицание, ограничение культурной деятельности человека, а ее утверждение и осмысление», — пишет ксендз Р. Микутавичюс в богословской диссертации «Христианское понимание дефиниции «нищие духом» в свете откровения и разума». Диссертант в своих рассуждениях опирается на библейский миф, согласно которому бог возложил на человека обязанность подчинить природные богатства своим нуждам.

Но при каких условиях человеческая

---

[1] «Журнал Московской патриархии», 1969, № 8, стр. 45.

[2] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. 2. М., 1956, стр. 638.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 590.

деятельность приобретает смысл? В чем цель и смысл жизни человека — в ней самой или за ее пределами? Вот что говорит по этому поводу Микутавичюс: «Только момент религиозной трансценденции... придает творчеству более глубокую основу», «человек должен искать цель и смысл своей жизни за пределами земной действительности».

Призывая искать смысл жизни «за пределами земной действительности», современная церковь, как и в старину, по существу, говорит не о смысле жизни, а о смысле смерти. «Не мое творчество, а я сам предстану перед лицом смерти, — вот почему я не могу положиться на утверждение лишь человеческого бытия», — объясняет Р. Микутавичюс и добавляет: «В повседневности можно удовлетворяться любым пониманием смысла жизни. Но когда человек оказывается перед непреодолимыми границами своего существования (страдание, болезнь, старость и, наконец, смерть), разрушается все, чем прикрывалась душевная пустота. Тогда пробуждается тревога о вечности, осознается, что ничто не может до конца удовлетворить тоски по смыслу».

Обращение современных католических священнослужителей к экзистенциалистской идее «пограничных ситуаций» не случайно. Сегодня трудно вызвать интерес к католицизму повторением традиционных его догм. В связи с этим ксендзы все более утверждаются в мысли о том, что для поддержания религиозности наиболее эффективен путь создания тревожной духовной атмосферы. Ведь, как правило, человек, нашедший в своей жизни удовлетворение и радость, не нуждается в религиозном утешении.

«...Бытие религии есть бытие несовершенства» [4]. Религия всегда паразитировала на людских несчастьях. «Не унывай, если несправедливость злых людей будет терзать твои мозги; не унывай, если твой сын будет сечь тебя злыми словами; не унывай, если болезнь или старость пригнет тебя до самой земли... Ведь ты возвеличен, ты кандидат неба... Ты будешь жить вечно, ибо в тебя вложена бессмертная душа», — писал в одном из своих пастырских писем епископ П. Мажялис.

Вред такой проповеди состоит в том, что здесь «компенсация за все испытанные мерзости» [5] переносится на небо. Снятие неудовлетворенности жизнью носит при этом иллюзорный характер; верующий человек лишь отстраняется от реального зла, не ликвидируя его. Это положение хорошо иллюстрируют воспоминания одного бывшего верующего, напечатанные республиканской газетой «Тиеса». В первые послевоенные годы в Литве буржуазные националисты убили его отца, он же, «ослепленный блеском костела и оглохший от колоколов», стоял на коленях перед алтарем и просил отпущения грехов. А ведь «нужно было взять автомат в руки и стать народным защитником», — с горечью пишет прозревший после долгих раздумий человек.

Католические теологи, учитывая гуманистические тенденции современности, особо подчеркивают, что христианская вера — это вера любви, что Христос — «бесконечно милосердный спаситель», что социальное зло может быть ликвидировано путем реализации принципа всеобщей любви. Иллюзорность такого понимания социального прогресса очевидна. И, конечно, не потому, что религия апеллирует к нравственным ценностям, а потому, что христианская идея любви к ближнему абстрактна, оторвана от конкретно-исторических условий и поэтому не может способствовать ни социальному, ни нравственному прогрессу.

Кроме того, не следует упускать из виду, что церковь не отказалась от определения человека как существа греховного по самой своей природе. «Вследствие первородного греха, — говорится в ватиканской конституции «О церкви в современном мире», — человек постоянно чувствует себя как бы закованным в цепи». Как же иначе поставить человека на колени, заставить смириться и каяться, если не внедрить в его сознание идею греховности и страх перед всесильным богом! Вот почему категории «первородного греха», «страха божьего» остаются в основе католической концепции самоусовершенствования. Однако именно в силу этого религия не может служить действительным стимулом социально-нравственного прогресса, так как неизбежно порождает в человеке робость, покорность, самоуничижение. «Врагами прогресса...— писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — являются как раз получившие самостоятельное существование, наделенные **собственной жизнью продукты самоунижения, самоотвержения и самоотчуждения массы»** [6].

Марксистская теория основой нравственного совершенствования личности считает преобразующую деятельность человека. В основе коммунистической нравственности лежит борьба за построение самого справедливого общества на земле — коммунизма. Именно в этой борьбе выковываются лучшие нравственные качества советского человека: любовь к социалистической Родине, интернационализм, коллективизм, товарищеская взаимопомощь, уважение к человеку, трудолюбие. Активно преобразуя общество, человек преобразует себя, свой духовный мир.

Данные конкретно-социологических исследований, характеризующие состояние религиозности, а также наблюдения самих священнослужителей говорят о том, что процесс секуляризации продолжает набирать силу. «Верующие должны постоянно чувствовать страх божий. Однако люди думают о нем немного. Понятия греха, смерти, вечности у них изрядно потускнели. Напрасно колотишь холодное железо: оно не поддается...» Подобные выводы нередко можно слышать в проповедях ксендзов.

В условиях социалистического общества, где кризис религии особенно глубок, где верующие не проявляют сколько-нибудь значительного интереса к религиозным догматам, католические богословы не столько озабочены дальнейшим развитием теологических категорий, их модернизацией, сколько стремятся спасти то, что, по их мнению, еще возможно спасти.

Об этом свидетельствует так называемая литургическая реформа католической церкви Литвы по намеченной II Ватиканским собором программе. Литургические новшества (введение литовского языка в некоторых частях мессы, различные меры по активизации верующих, участвующих в богослужении, льготы в соблюдении постов, новая редакция молитв и т. д.) не только не затрагивают главных догматов католицизма, а, наоборот, призваны подчеркнуть их незыблемость и неизменность.

Однако даже эти робкие шаги по обновлению литургии некоторые католические иерархи считают «неприемлемыми для нашего края и для наших дней». К такому выводу пришел и один из авторов литовского варианта литургической реформы, недавно проводивший опрос среди ксендзов, чтобы выявить их отношение к этим изменениям. Вот ответы, которые они давали: «Коли церковь изменяет литургию святой мессы, то люди начинают думать, что в религии нет ничего постоянного, что даже вероучительные истины-догмы не являются незыблемыми». «После II Ватиканского собора наблюдается отход верующих от религии из-за того, что изменена форма вещей, которая раньше ими рассматривалась как неизменная». В то же время немало священнослужителей подчеркнули, что нельзя ориентироваться только на старых людей, нужно привлекать к религии молодежь,

---

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1. стр. 388.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 204.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2. стр. 90.

поднимать в проповедях интересующие ее проблемы.

Следует отметить, что литовское католическое духовенство не сразу решилось на приспособление религиозной проповеди к жизни. В первые послевоенные годы католическая церковь в своей проповеднической практике ушла в сугубо догматические дебри. Но жизнь заставила ее менять акценты. Еще в 1958 году епископ П. Мажялис назвал «досадной позицией» нежелание ксендзов интересоваться жизненными процессами и сложными их проблемами.

Обновленчески настроенное литовское духовенство с одобрением встретило решения II Ватиканского собора, поощрившие церковь «снизойти до человека и человечества», узрев в этом одно из средств укрепления позиций католицизма. «Собор еще раз подтвердил, что церковь имеет что сказать современному человеку в наши драматические и ответственные времена. Ее слово — это реальный и конструктивный путь выхода из тупиков и расколов», — говорилось, например, в предисловии к литовскому изданию «Решений II Ватиканского собора» (1968 г.).

Но, как известно, не религия определяет выход общества из кризисов и тупиков. Наоборот, вследствие общественного прогресса религия попадает в тупик, оказывается в кризисной ситуации. «В той мере, в какой христианство перестает охватывать все человеческое на земле, оно утрачивает свою силу и привлекательность», — писал Тейяр де Шарден в «Феномене человека», глубоко осознав, что кризис религии непосредственно связан с неспособностью церкви удовлетворить чаяния «своих собственных верующих». Чтобы преодолеть этот кризис или хотя бы ослабить его, церковь применяется к изменившимся социальным условиям.

Однако трезвая оценка служителями церкви важных проблем современности и определенные изменения в их практической деятельности отнюдь не меняют, как мы старались показать, сущности самой религии как антинаучного мировоззрения. Социально-этическая переориентация служителей культа обусловлена общественно-экономическими, социально-политическими отношениями социалистического общества, определяющими морально-политический облик верующих. Этого не может игнорировать церковь. Она с неизбежностью должна учитывать изменения в сознании верующих, к которым обращена ее проповедь. Сама же религия, как бы ее ни подчищали, остается иллюзорным мировоззрением.

г. Вильнюс

Содержание Корана

М. УСМАНОВ,
доктор философских наук

КАК ГОВОРИЛОСЬ в предыдущей статье, Коран создавался в определенных исторических условиях, в Аравии VII века. Естественно, что в нем нашла отражение идеологическая и политическая обстановка этого района того периода. Сказались на содержании Корана культура, быт, обычаи и традиции арабских племен, чьим представителем был его автор — Мухаммед (многие места книги связаны с моментами его биографии). Нашли в нем отражение и характерные черты социально-классовых отношений, формировавшихся у арабов в эпоху возникновения ислама.

Материал в Коране собран весьма разнообразный. Эту книгу можно изучать и как первый крупный прозаический памятник арабской литературы, и как источник исторический, этнографический и т. д. Но прежде всего это книга религиозная — она создавалась как обоснование новой религии, хотя Мухаммед и говорил, что Коран лишь призван напомнить арабам об их прежней, утраченной ими истинной вере. Главное содержание священной книги мусульман — догматическое и культовое учение ислама, весьма синкретичное, впитавшее в себя и древние арабские культы, и элементы соседних религий — иудаизма и христианства, воззрения арабов на мир. В Коране есть древнесемитские, древнеарабские, иудеохристианские и другие мифы и легенды о пророках, событиях, привлеченные Мухаммедом для обоснования ислама.

В основах догматического учения Коран, несомненно, схож с писаниями других религий. Однако у него есть по сравнению с ними весьма существенная особенность: эта книга складывалась не только как обоснование новой веры, но и как юридическая основа жизни первой мусульманской общины, созданной Мухаммедом в Медине. Буквально все, что происходило в ней, что вызывало споры и сомнения и требовало решения, моральные и материальные конфликты, самые разнообразные взаимоотношения внутри общины — все находило отражение в откровениях, «полученных пророком от Аллаха».

В руках Мухаммеда в Медине сосредоточилась светская, духовная и военная власть. Поэтому мединские суры и аяты в основном звучат как законоположения и строгие установления, а значительную часть Корана составляют социально-правовые и нравственные предписания. В раннем средневековье у арабов не было различия между правовыми и нравственными нормами, и это нашло свое отражение в Коране. В дальнейшем, в X—XII веках, на основе этих правовых и нравственных установлений сложился шариат[1] — свод правил, касающихся буквально всех

В арабской письменности существует множество шрифтов. Один из самых древних — куфический. Чаще всего именно этот шрифт выбирали для переписки текста Корана восточные каллиграфы, превратившие свое ремесло в настоящее искусство. Изречениями из Корана и Сунны украшали мечети и мавзолеи — причудливые буквенные сочетания составляли в этих случаях великолепный орнамент. Приводим образец куфической письменности.

Статья вторая; первую — о том, как создавался Коран, см. в № 9.

[1] Подробно о нем см. книгу Г. М. Керимова «Шариат и его социальная сущность». М., 1978.

сторон жизни верующего. Они соблюдались очень тщательно, поскольку для мусульманина Коран — слово Аллаха, и все предписания, основанные на нем, он считает повелением бога. Даже мелочи быта представлялись связанными с именем Аллаха, так как все нормы предписывал шариат.

К изучению и оценке содержания Корана как литературного памятника VII века различные научные школы подходят по-разному. Буржуазное исламоведение и корановедение всегда рассматривало его или как собственно литературное произведение, или только как священную религиозную книгу, причем истоки коранических представлеиий искало в других религиозных писаниях. В исламской же традиционной литературе всегда подчеркивается, что Коран — слово Аллаха, поэтому не допускается подход к нему как к литературному памятнику, да и вообще как к объекту исследования.

Марксистско-ленинская наука рассматривает Коран как главный источник ислама, как его обоснование и, исходя из этого, оценивает социально-классовый характер ислама как религиозной идеологии. Другие аспекты его изучения — исторические, этнографические, лингвистические и т. п. — имеют вспомогательный характер. Основываясь на таком методологическом подходе, мы и обратимся к анализу содержания священной книги мусульман.

Итак, в Коране прежде всего изложены основы религиозно-догматического учения ислама. В чем же состояла главная проповедь новой религии по сравнению с прежними верованиями арабов?

ПРОПОВЕДЬ «ИСТИННОЙ МОНОТЕИСТИЧЕСКОЙ ВЕРЫ»

Главная идея Корана — утверждение единобожия, единственности творца всего сущего, властелина миров. Учение о единственности бога — Аллаха — основной догмат ислама — «таухид». «Скажи: «Он — Аллах — един» (**112**, 1)[2], «Хвала — Аллаху, господу миров» (**1**, 1) — таких утверждений множество в Коране. Возникновение идеи единобожия было закономерно для арабских племен в VII веке — именно в это время назрела историческая необходимость их объединения, что требовало земного единовластия и, конечно, единовластия небесного.

Стремление арабских племен к объединению отразилось в отказе от многобожия. В Коране содержится множество угроз и проклятий в адрес многобожников. «Избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них...» (**9**, 5) — повелевает Аллах. При этом идея единого бога в исламе сформировалась под явным влиянием иудаизма и христианства, хотя здесь она более последовательна. Коран, например, резко выступает против христианской троицы (**4**, 169; **5**, 116; **9**, 31 и др.). Духовная связь первоначального ислама с этими религиями отчетливо видна в сурах мекканского периода. В них христиане и иудеи даже признаются правоверными и говорится, что бог всех трех религий — един (см.: **2**, 59; **2**, 130; **4**, 161 и др.).

Признавая истинность иудейских и христианских писаний, Коран тем не менее предупреждает, что они были переданы богом неполностью (**4**, 54), к тому же люди отошли от этих предписаний, неправильно толковали их, разделились в вере (**2**, 209). А вот Коран — это и есть последнее и полное откровение, ниспосланное богом.

И все же в этом «последнем и полном откровении» картина сотворения мира и человека в основных чертах совпадает с библейской, разве только еще более противоречива и непоследовательна. При сравнительном анализе соответствующих мест Корана (**2**, 111; **7**, 52; **10**, 3; **41**, 8—11 и др.) и Библии (книга Бытие, гл. 1, ст. 1—19) можно обнаружить некоторые расхождения в деталях рассказа о сотворении мира. Это, видимо, объясняется тем, что Мухаммед знал иудейские и христианские писания в устной передаче проповедников, а сам их не читал (в Коране говорится, что он был «умми» — неграмотный). Однако не вызывает сомнения, что источник здесь был один — древнесемитские традиции. Так же мало отличаются от библейских и коранические представления о сотворении человека (Коран: **7**, 10; **38**, 71—72 и др.; Библия: книга Бытие, гл. 2, ст. 7—8, 21—23). Из учений иудаизма и христианства автор Корана заимствовал также легенды о грехопадении первых людей — Адама и Евы — и идею греховности человека.

Проповедуя «истинность ислама», Коран противопоставляет мусульман последователям всех других религий. Развивая идею мусульманской исключительности, автор Корана постепенно приходит к идее джихада, священной войны с неверными — со всеми, кто не признал Аллаха своим богом. «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то — удар мечом по шее...» (**47**, 4), «И убивайте их, где встретите»,— призывает Коран (**2**, 187). И поясняет: «Не вы их убивали, но Аллах убивал их» (**8**, 17). Интересно отметить, что сначала в сурах мекканского периода иудеи и христиане не называются «неверными», Мухаммед признает их «людьми писания». Но, как мы уже говорили, жизненные обстоятельства диктовали Мухаммеду суры Корана. Вот у мусульманской общины происходят столкновения с христианами и иудеями — и Мухаммед объявляет своим соплеменникам новое «откровение Аллаха»: иудеи и христиане «отошли от прямого пути», значит, их надо тоже уничтожать. Эволюция идеи джихада в Коране ясно показывает весьма прямую связь его откровений с событиями истории первоначального ислама. При этом священная книга мусульман отчетливо разделяет людей на две категории — правоверных и кафиров (см.: **2**, 259; **3**, 106; **5**, 62 и др.). К. Маркс отмечал, что эта проповедь создает в обществе атмосферу постоянной вражды между мусульманами и немусульманами [3]. Такова неизбежно логика проповеди каждой «истинной» религии.

ПРОРОКИ, ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ, СТРАШНЫЙ СУД...

Как уже говорилось, в Коране изложены основы религиозно-догматического учения ислама, в котором нашла место и религиозная трактовка природы человека, общественной жизни. В частности, мы рассмотрели два догмата, относящихся к основным: центральный — веру в Аллаха — единого бога — и признание Корана последним, истинным писанием. Исследователи справедливо отмечают, что в его догматических концепциях нет системы, они отрывочны, их незавершенность (а часто и противоречивость) очевидна. Это заставило богословов немало потрудиться, чтобы привести догматику ислама в более стройный вид. Для этого потребовалось 400—500 лет.

На основе Корана и хадисов в средневековом мусульманском богословии были разработаны две системы догматов: семичленная — у суннитов (вера в Аллаха; в пророчество и пророков; в священные писания; в ангелов; в судный день; в воскресение мертвых; в предопределение) и пятичленная — у шиитов (вера в Аллаха; в правосудие Аллаха; в пророчество; в воскресение мертвых и в судный день; в «имамат» — законность власти имамов — потомков Али). Мы коснемся лишь некоторых из них, наиболее отчетливо показывающих характер мусульманской религии и ее связь с другими вероучениями.

Коран полностью включил в себя иудаистские и христианские представления о пророках, исламизировал большую часть библейских персонажей. В священной книге мусульман мы, например, встречаем Ноя, Авраама, Исаака, Иакова, Иова, Иону, Моисея, Аарона, Иисуса Христа, Иоанна Крестителя. При этом они, конечно, приобретают соответственно арабские имена: Нух, Ибрахим, Исхак, Йакуб, Айюб, Йунус, Муса, Харун, Иса Масих, Йахйа. Есть в Коране и мифические и собственно арабские пророки — Худ, Салих, Шу'айб, Лукман и др. Пророками называются в этой книге и некоторые исторические лица — Давид (Давуд), Соломон (Сулейман), Александр Македонский (Зу-л-Карнайн — Двурогий) и другие.

Согласно мусульманскому учению, бог множество раз посылал на землю пророков-людей, причем только тому народу, который отошел от праведного пути. В Коране повторяются мифы о наказании народов за их непослушание и неверие [4]. И вот наконец настало время, когда Аллах послал людям последнего из пророков — Мухаммеда, причем избрал его из среды обыкновенных людей, и сделал его «печатью пророков», и послал ему откровение, чтобы вывести людей на праведный, забытый ими путь (**33**, 40; **53**, 4—12; **37**, 34—36 и др.).

Но как это сделать? Один из главных способов, говорит Коран, — джихад — война с неверными, с теми, кто заблуждается и еще не пошел по пути Аллаха. Впоследствии эта идея претерпевала изменения на различных этапах истории, по-разному толковали ее проповедники, ссылаясь на Коран и хадисы. Однако в период первоначального ислама, когда шло завоевание арабами многих территорий, в ходу был такой хадис:

---

[2] Коран (в переводе И. Ю. Крачковского). М., 1963. Ссылки на текст Корана даются по общепринятым правилам: первая, выделенная цифра указывает суру, цифры после запятой — номера аятов, после точки с запятой — другая сура и ее аяты.

[3] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 167.

[4] В суре 7 приведены легенды о Нухе и потопе (57—62), пророке Худе и наказании народа Ад (63—70), пророке Салихе и народе Самуд (71—76), пророке Луте и наказании Содома и Гоморры (78—82) и т. д.

«Различные пророки были посланы богом, чтобы показать его различные атрибуты: Моисей — милость; Соломон — мудрость, величие и славу; Иисус Христос — справедливость (чистого поведения), всеведение (знание, которое он выказал умением читать тайны сердец), могущество. Однако ни одного из этих атрибутов не было достаточно, чтобы укрепить убеждение, и даже на чудеса Моисея и Иисуса смотрели с недоверием. Тогда я, последний из пророков, был послан с мечом. Пусть те, кто распространяет мою веру, не входят в рассуждения или споры, но убивайте всех, кто откажется повиноваться закону (Аллаха)!..»

А чтобы не возникали у воинов ислама сомнения в истинности пути, Коран обещает: «...Тех, которые убиты на пути Аллаха... он поведет их и сохранит в порядке их состояние и введет их в рай...» (**47**, 5—7).

Здесь, как и во многих других аятах, довольно четко вырисовывается облик Мухаммеда — сначала проповедника, потом политика, правителя и законодателя. Но более или менее достоверные биографические данные о нем теряются среди множества мифов и легенд о чудесах пророка.

Один из лейтмотивов проповеди Мухаммеда — бренность жизни земной и вечность блаженства в потустороннем мире. В этом ислам ничем не отличается от других религий: «Здешняя жизнь — только игра и забава; будущее жилье лучше для тех, которые богобоязненны» (**6**, 32). В догмате веры в загробную жизнь, в проповеди терпения и смирения обычно наиболее четко выражается сущность религии как идеологии классового неравенства. Из проповеди терпения и надежды только на потустороннюю жизнь логически вытекало неодобрение борьбы за счастье на земле, активного отношения к «здешней жизни». «Аллах — с терпеливыми», — говорит Коран (**2**, 148). Картины страшного суда и ада, рисуемые в этой книге, жестоки и отражают особенности жизни арабов-кочевников VII века. Геенна огненная, палящее солнце, мучительная жажда — это ад. Но муки, подобные этим, были известны арабам и на земле. А рай, блаженство — это, конечно, вода, прохлада, тень. Представления ислама о рае и аде — очень чувственны и конкретны, уровень их довольно примитивен, философской глубины в них нет.

Сложнее дело обстоит с догматом предопределения. С одной стороны, в Коране безусловно присутствует идея предопределенности всех действий людей богом. К. Маркс подчеркивал, что фатализм — стержень мусульманства[5]. Фаталистическая трактовка общественных явлений логически следует из коранического учения о всесильном боге, который «над всякой вещью мощен», о его абсолютной силе и власти. Такие представления определили мироощущение верующих в мекканский и мединский периоды. Но, с другой стороны, в Коране есть указания, которые противоречат идее предопределения — ведь с человека не снимается ответственность за его поступки! Этот вопрос стал предметом нескончаемых споров между различными богословскими течениями.

Не вдаваясь в их подробности, отметим, что в толковании богословами вопроса о фатализме и свободе воли обнаруживается внутреннее противоречие, присущее догматической системе ислама вообще. Признание абсолютного фатализма подкрепляло идею безграничной власти единого бога. Но это означало и отрицание ответственности человека за греховные дела. Абсолютизация свободы воли, напротив, подкрепляя идею ответственности за грехи, вела к отрицанию безграничности могущества бога. Для ислама эта проблема оказалась неразрешима, она существует как имманентно присущее ему внутреннее противоречие.

КУЛЬТОВЫЕ И РИТУАЛЬНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

Из содержания Корана мусульманские законоведы выделили пять главных культовых требований, которые практически бытовали еще у доисламских арабов. В исламе они стали обязательными не сразу, а постепенно — частью в мекканском, частью в мединском периодах первоначальной истории этой религии. Лишь немногие элементы и традиции мусульманского культа были новыми и противопоставлялись доисламским традициям.

Одним из ранних культовых требований было исповедание веры — произнесение формулы (шахады): «Нет бога, кроме Аллаха и Мухаммед — его посланник». По сути, это было устное признание двух догматов — о единобожии и пророчестве, которые пронизывают весь Коран. Произнесение шахады стало первым и основным признаком принадлежности к исламу.

Вслед за этим требованием шла молитва — намаз. Уже в четвертом году проповеди Мухаммеда упоминаются два основных элемента молитвы — та'зим (поклон) и саджда (согнуться и коснуться лбом земли) (**53**, 62). Все положения молящегося, введенные Кораном, существовали практически еще до ислама — у ханифов. Но в начале мединского периода Мухаммед устанавливает направление молитвы — киблу: в сторону святилища Каабы в Мекке (**2**, 136—144). А до этого мусульмане вначале молились, поднимая руку и лицо к небу, позже обращались в сторону Иерусалима, который у доисламских арабов считался священным городом. Почему Мухаммед изменил направление молитвы? С одной стороны, у него начались конфликты с иудеями. С другой — ему хотелось заручиться поддержкой мекканской знати, которая чтила Каабу. К тому же этот храм был близок арабам — там раньше находились их племенные боги. Что касается числа молитв в день, то в Коране говорится лишь о трех разах, пятикратной молитва стала позднее. Множество других молитв вводилось впоследствии в практику на основе хадисов.

Вместе с намазом одновременно были введены и основные требования ритуального омовения (тахарат), установлены его основные виды: омовение рук, лица, ног; полное омовение — купание; очищение сыпучим песком или пылью (**5**, 8—9).

Жизненной необходимостью было вызвано и другое требование, зафиксированное в Коране, — материальное приношение в пользу общины. Последователи Мухаммеда в Мекке, а потом и община в Медине нуждались в средствах — они шли на содержание предводителей и на военные цели. С самого начала это требование выдвигается как один из самых важных «столпов ислама» (**25**, 67; **27**, 3; **14**, 36 и др.). В тот ранний период эти сборы еще не имели единого названия: в Коране встречаются «закят», «расходование», «отдавать из своих имуществ», «дать Аллаху в долг», «милостыня» (сура 2).

В мединский же период, параллельно с закятом, одним из основных требований становится участие в джихаде — священной войне. Новую веру надо было утверждать оружием — иначе нельзя было победить не признававших пророка мекканцев. Поэтому джихад становился важнейшим требованием ислама, даже более важным, чем все остальные. Самым верным мусульманином считался тот, кто и закят приносит, и в боях принимает участие. Но, как уже говорилось, джихад не вошел в число пяти столпов ислама.

В начале мединского периода был установлен пост в течение 30 дней месяца рамадана — ураза. В Коране говорится, что именно в этом месяце началось ниспослание этой священной книги (**97**, 1—5). Надо сказать, что священным рамадан считался и у доисламских арабов. Коран предписывает строгие правила поста, в частности не только полное воздержание от еды, питья, курения с раннего утра до темноты, но и запрет всех удовольствий (вплоть до запрещения умываться холодной водой в жаркое время и т. д.).

Обстоятельные указания содержатся в Коране относительно основной святыни ислама — храма Кааба в Мекке, а также связанного с ним обряда паломничества — хаджжа. И тут следует отметить: этому храму арабы поклонялись задолго до возникновения ислама. Однако после переселения Мухаммеда и первых мусульман из Мекки в Медину паломничество к Каабе и поклонение ей на некоторое время прекратились из-за войн между мекканцами и мединцами. Возобновился этот обряд в 628 году.

Один из важных и обязательных элементов хаджжа — жертвоприношение — древнейший у арабов ритуал. В Коране есть упоминание о том, что когда-то в жертву приносили людей — детей и рабов. В суре 108 жертва названа «нахара» (куцый, человек без потомства), что, по мнению специалистов, означает человеческую жертву, в отличие от вошедшего потом в обиход термина «курбан» — приношение в жертву животных. С этим обрядом связан мусульманский праздник курбан-байрам (по-арабски ид аль-адха — праздчик жертвоприношения). В тот день, когда по обряду хаджжа в Мекке закалывают жертвенных животных, во всем мусульманском мире правоверные делают то же самое. Сравнивая предписания Корана и Библии о жертвоприношении (см., например: Библия, книга Бытие, гл. 22, ст. 1—13. Коран, **37**, 99—107), можно убедиться, что оба священных писания в этом случае следовали древнесемитским традициям.

ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ НОРМЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Видимо, до ислама у арабов не было кодекса, который регулировал бы их жизнь в социальном и нравственном плане. В Коране говорится, что он ниспослан как арабский судебник (**13**, 37). Однако с этим утверждением нельзя

[5] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 427.

полностью согласиться. Правовые и нравственные установления Корана весьма отрывочны, разбросаны в различных сурах и аятах, так что они лишь послужили основой для разработанной впоследствии системы таких норм — шариата, окончательно сложившейся в X—XII веках.

В сурах мекканского периода, когда Мухаммед не был еще всеми признанным пророком, преобладает нравственная проповедь. В Медине он создал религиозную общину — прообраз будущего мусульманского государства, и в откровениях этого времени уже слышится голос военачальника, диктатора, главного и единственного судьи во всевозможных делах мусульман.

Прежде всего обращает на себя внимание «божественное» требование повиноваться тому, у кого в руках власть: «Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас...» (4, 62). Иначе говоря, всякое неповиновение властям расценивалось как неповиновение Аллаху — то есть грех и преступление здесь тождественны. Это основная идея правовых и моральных установлений ислама. Грех есть уголовно наказуемое преступление, а преступление есть грех против Аллаха. За каждый грех полагается возмездие от Аллаха. Но при этом определяется и наказание, которое человек должен получить на земле, еще до страшного суда. «Вору и воровке отсекайте их руки... как устрашение от Аллаха», — предписывает, например, Коран (5, 42).

Строгое наказание назначается за прелюбодеяние — 100 ударов плетьми (24, 2). А позднее в шариате было на основе хадисов установлено еще более жестокое наказание — побивание камнями. Спиртные напитки сначала просто не одобряются (2, 216), в пьяном состоянии только запрещается молиться (4, 46). Но потом они вообще запрещаются (5, 92). Однако самую жестокую кару предусматривает Коран за отступничество от ислама, за хулу в адрес Аллаха и Мухаммеда: «Воздаяние тех, которые воюют с Аллахом и его посланником... в том, что они будут убиты, или распяты, или будут отсечены у них руки и ноги накрест, или будут они изгнаны из земли...» (5, 37).

Есть в Коране множество установлений нравственных: помогать другим, быть правдивым и просительным, не убивать людей, не издеваться над другими, не перекидываться прозвищами (кстати, это установление было связано с эпизодом в семье Мухаммеда: две его жены как-то поссорились, и одна оскорбила другую), не выслеживать, не поносить людей за глаза, не нарушать клятвы и т. д.

Большое место в священной книге отведено вопросам семьи и брака, взаимоотношениям детей и родителей. Определено все до мелочей, в том числе наследование, установление отцовства, опекунства, возможность развода и нового брака и т. д. При этом нельзя не заметить, сколь униженным и зависимым в мусульманском мире с самого начала было положение женщины. Коран подчеркивает ее сугубо экономическую зависимость от мужчины, второстепенную роль в семье и в обществе (4, 38). По сути, это было узаконение бесправия женщины, оставшегося от родового и рабовладельческого общества. Мусульманину разрешается иметь одновременно до четырех жен (4, 3), хотя в Коране говорится, что предпочтительнее иметь одну. Предписывается женщину за неповиновение сначала ругать, затем избивать (4, 38), а за неверность — держать взаперти до смерти (4, 19). Запрещается жениться на иноверках и многобожницах (5, 7; 2, 220).

Узаконил Коран и затворничество женщины. Он предписывает ей носить покрывало, не показывать свое лицо и украшения (24, 31). Сначала это указание касалось лишь жен Мухаммеда (33, 28—32, 59) — он однажды приревновал одну из них, и тут же родилось его новое «откровение». А в дальнейшем ношение покрывала (в Коране употреблены два термина: «джильбаб» — покрывало и «хиджаб» — занавес) вошло в практику в той или иной степени во всех мусульманских странах, ибо в Коране были даны и общие предписания, касающиеся всех женщин, где был очерчен круг мужчин (муж, отец, брат, сын, свекор, племянники, рабы, прислуги, дети, не достигшие совершеннолетия), перед которыми можно было показаться с открытым лицом. Образцом для женщин Коран считает жену библейского фараона (в Библии — это жена одного из вельмож фараона — книга Бытие, гл. 37—41) и Марьям — мать Иисуса Христа (66, 11—12).

Запретил Коран древний арабский обычай закапывать заживо новорожденную девочку. Если судить по содержанию аятов, были две причины такого обычая: бедность, невозможность прокормить детей (17, 33), а также представление о том, что если первый ребенок девочка, то она приносит несчастье семье (16, 60—61). Мухаммед отменил также древний обычай — левират, бытовавший у многих древних народов Востока (см.: Библия, книга Второзаконие, гл. 25, ст. 5—10), согласно которому вдова может выйти замуж только за отца или брата своего умершего мужа. Коран разрешает вдове после установленного срока снова выйти замуж по своему усмотрению (2, 234).

В предписаниях Корана по семейно-брачным вопросам, как уже говорилось, отразились и различные эпизоды и события в семье Мухаммеда. Однажды он узнал, что какие-то его жены недовольны браком с ним. Одна из них осмелилась просить отпустить ее, и он отпустил. Это было узаконено аятами 28—29 суры 33.

Личным опытом продиктовано предписание карать женщину за прелюбодеяние лишь в том случае, если ее преступление подтвердят четыре очевидца: «А те, которые бросают обвинение в целомудренных, а потом не приведут четырех свидетелей — ...не принимайте от них свидетельства никогда» (24, 4). Это «откровение» спасло от наказания его любимую жену Айшу, которую обвинили в преступной связи с молодым мусульманином.

Много обличений было в миссионерской, да и в нашей пропагандистской литературе в адрес Мухаммеда по поводу его многоженства. В год смерти у него оставалось девять жен, а всего было 14, не считая рабынь и наложниц. Вряд ли это надо делать главным аргументом в споре с идеологией ислама. Советские ученые подошли к этой проблеме исторически. Староарабские понятия достоинства, политической славы были связаны с количеством жен у правителя. Некоторые браки Мухаммеда были заключены по политическим соображениям — для укрепления личных связей с сильными людьми общины. Известный советский исламовед Е. А. Беляев допускает, «что многоженство Мухаммеда было вызвано его положением правителя большого города — Медины»[6].

Коран содержит множество запретов и обязательных установлений бытового характера, касающихся главным образом пищи, питья, приема гостей и т. д. Перечислить их нет возможности. Почти все они имеют реальные основания. Не совсем ясно, откуда появился запрет свинины — в Аравии вообще свиньи не водятся. Вероятно, это древнесемитский запрет, который вошел в ислам по традиции (относительно запрета свинины у иудеев см.: Библия, книга Левит, гл. 11, ст. 7—8).

В ряде аятов Корана запрещено поклоняться идолам (6, 74; 14, 38) и в связи с этим делать идолов, придавая им облик живого существа. Это послужило поводом для запрета изображения человека и живых существ.

НЕМНОГО ИСТОРИИ, ГЕОГРАФИИ И ЭТНОГРАФИИ

Как уже говорилось, в Коране отразились жизнь, быт и различные представления арабов VII века, уровень их культуры, познаний о мире. Правда, эти сведения не богаты, но без их характеристики рассказ о содержании священной книги мусульман был бы неполным.

У многих народов древнего Востока существовало представление о семи небесах, воздвигнутых рядами. В Коране они тоже есть и, благодаря мощи Аллаха, держатся без опор (13, 2). Упоминаются звезды-путеводители, Солнце и Луна, которые созданы для освещения и счета времени. Земля в представлении арабов—плоскость, а горы созданы для равновесия (78, 6—7; 16, 15; 21, 32). Говорится о двух морях (27, 62) — одном пресном, другом — соленом (25, 55; 35, 13), но неясно, о каких именно. Есть в Коране ряд географических названий: долина Мекки (48, 24), Медина (9, 102; 33, 60) и ее доисламское название — Ясриб, или Йасриб (33, 13). Названы места, где происходили сражения за веру: Бадр (3, 119), Хунайн (9, 25). Рассказано о Каабе, она в Коране называется также «неприкосновенная мечеть» (по-арабски аль-масджид аль-харам), и о святыне в Иерусалиме — она названа «отдаленнейшая мечеть» (по-арабски аль-масджид аль-акса). Упомянуты священные места в Хиджазе — возвышенности Сафа и Мерва, горы Арафат и Синай, долина Тува; упоминается «священная земля» — Палестина, а также Египет, Вавилон.

Многократно говорится об арабах, курейшитах (сура 106 называется «Курайш»), евреях, сабиях (мандеи в Месопотамии), народе саба (сабейцы, жившие на юге — в Йемене) и их правительнице — царице Савской, о византийцах (по-арабски — румы, так названа сура 30), народах тубба, племенах ад и самуд.

Рассказывается в Коране и о некоторых исторических событиях в жизни первых мусульман — о переселении сторонников Мухаммеда из Мекки в

[6] Е. А. Беляев. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965, стр. 115.

Медину — хиджре; о победе над врагами ислама у колодца Бадр — «помог вам Аллах при Бадре» (3, 119), о поражении мусульман у горы Оход — что было «наказанием за робость и ослушание», о «войне окопов», о перемирии между Мединой и Меккой, о некоторых походах отрядов Мухаммеда на соседние племена. В суре 10 (аят 17) говорится о том, что Мухаммед долго жил в Мекке, прежде чем начал свою проповедь («Я ведь целую жизнь провел среди вас до этого...»).

Из Корана можно почерпнуть некоторые достоверные сведения о жизни и быте арабов. Так, до ислама они выражали свое поклонение Каабе свистом и хлопаньем рук (8, 35); наряду с другими монетами в ходу были римские дирхемы; жили они в основном в палатках, одежда их была преимущественно кожаная и шерстяная — ведь они скотоводы; кроме продуктов животноводства, они знали мед, умели делать вино; ловили рыбу, добывали в море жемчуг — в Коране встречается слово «водолаз». Арабы были мореплавателями, были у них конные войска и пехота. Их женщины носили браслеты, ожерелья, одевались в атлас и парчу. Преступников они держали в цепях и оковах, распространенная казнь — побивание камнями...

КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ ПРОПОВЕДИ МУХАММЕДА

Рассказывая о содержании Корана, мы давали по ходу изложения его социально-классовую характеристику. Подводя итоги, следует подчеркнуть еще раз, что по сути своей излагаемая в этой книге религиозная идеология отражает интересы господствующих, эксплуататорских классов. Коран явно защищает интересы имущих классов: «Не простирай своих глаз на то, чем мы наделили некоторые пары их — расцветом жизни здешней» (20, 131). В нем отразилось происходившее среди арабов в первой половине VII века классовое расслоение, классовое неравенство и, разумеется, неравенство экономическое и социальное. «Мы разделили среди них их пропитание в жизни ближней и возвысили одних степенями над другими, чтобы одни из них брали других в услужение» (43, 31). И тут же Аллах утешает тех, кого не наделил благами: «Но все это — только блага здешней жизни, а будущая — у твоего господа для богобоязненных» (43, 34).

В то же время, признавая наличие в обществе богатых и бедных, свободных и рабов, господствующих и подчиненных, Коран выдвигает идею равенства всех мусульман перед Аллахом. Он игнорирует существующее в обществе классовое и имущественное неравенство, разделяя людей лишь на мусульман и неверных.

В исламоведческой литературе в оценке характера идеологии Корана нет единого мнения: одни авторы рассматривают суть его учения как отражение интересов зарождавшегося класса рабовладельцев, другие — феодалов. Тем не менее есть основание признать, что эта книга создавалась в период зарождения рабовладельческих отношений в арабском обществе. Аллах рисуется в нем как неограниченный властелин («рабб» — господин, хозяин), а люди, пророки и ангелы — как его рабы (абд). Е. А. Беляев отмечал, что ислам как новая идеология отразил «существенные изменения в арабском обществе, а именно: имущественное неравенство, рабство и развитие обмена»[7].

В буржуазном исламоведении весьма широко распространена концепция о демократическом, даже социалистическом характере первоначального ислама. Попытки идеализации раннего ислама очень популярны среди современных мусульманских модернистов. Те, кто проводит эту идею, ссылаются на проповедь Мухаммеда в начальный период его деятельности.

В ранних (мекканских) сурах Корана отразилась обстановка начала VII века в Мекке, в особенности торговые и финансовые отношения — область, хорошо известная Мухаммеду. Торговые дела в этих сурах одобряются. Осуждаются и запрещаются ростовщичество (2, 276), обмер и другие махинации (55, 6—8; 83, 1—3). Эти суры содержат подробные наставления о правильном ведении финансовых дел, выдаче, оформлении, возвращении долга в срок и т. п. (2, 282 и др.) Мухаммед-проповедник обличает не только врагов новой религии, препятствующих его деятельности, но и богатых и власть имущих, называя их тиранами («зуллам»), осуждает незаконно приобретенное богатство и славу, выражает сочувствие бедным и нищим, призывает накормить бедняков, вдов, сирот, не отгонять и не обижать их и т. д.

Подобные места в Коране дали основание многим исламоведам (в том числе и некоторым советским в 30-е годы) характеризовать Мухаммеда как идеолога бедных слоев общества. Однако такая оценка была сделана без учета текста Корана во всей его полноте. Отмеченные идеи были связаны с конкретными историческими событиями и политической обстановкой в Мекке.

«Партия» Мухаммеда в Мекке состояла из средних и мелких торговцев, а значительная ее часть — из общественных низов, даже освобожденных рабов. Вокруг него собирались в основном люди, недовольные омейядскими аристократами, правившими в Мекке. Мединцы приняли и признали Мухаммеда и его сторонников во многом потому, что между мекканскими и мединскими властями существовало давнишнее соперничество. Мухаммед собирал вокруг себя людей, недовольных омейядскими богачами, обличал этих богачей, выражая сочувствие бедным и обиженным. Однако после взятия мусульманами Мекки (в 630 г.) и примирения двух родов племени курайш — хашимитов и омейядов — последним было предоставлено привилегированное положение в государстве, и идеи сочувствия бедным и униженным исчезли из проповеди Мухаммеда. В сравнительном анализе сур Корана до и после 630 года ясно видно изменение ее характера.

Таким образом, религиозное учение Корана в своей сущности представляет собой идеологию, призванную оправдать классовое неравенство и зарождавшиеся рабовладельческие отношения в арабском обществе на рубеже VI—VII веков. Это и составляет стержень содержания священной книги мусульман.

---

[7] Е. А. Беляев. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. стр. 127.

НОВОСТИ «ЭМАНСИПАЦИИ»

По распоряжению Министерства внутренних дел Саудовской Аравии в этой стране увольняют весь женский персонал (включая служащих-иностранок) национальных и иностранных производственных компаний и организаций. Отныне женщинам здесь разрешено работать только в женских школах, медицинских учреждениях и благотворительных женских обществах. Примечательно, что это «восстановление мусульманских норм» осуществляется несмотря на острую нехватку в стране рабочих рук. Коренное население Саудовской Аравии почти сплошь неграмотно, в результате чего, как пишут западные газеты, «саудовское общество развивается за счет более миллиона иностранных рабочих».

ДЕНЬГИ С ОШИБКАМИ

В Египте недавно выпущены три новые денежные купюры, и в каждой есть грубые ошибки. На банкноте достоинством в один фунт изображен «великий фараон» Рамзес II, но почему-то утверждается, что это его жена, на банкноте в 100 фунтов фараон-реформатор Тутанхамон назван «Анхамоном», а купюра достоинством в 10 фунтов украшена портретом неизвестной женщины, которую почему-то выдают за фараона Хефрена, облик которого хорошо известен египтянам.

Комментируя невежество официальных лиц, допустивших эти ошибки, газета «Аль-Ахрам» пишет: «Если правда, что внешний облик банкнот той или иной страны свидетельствует об уровне ее цивилизованности и культуры, то в этом случае Египет выглядит далеко не в лучшем свете».

ЕГИПЕТСКАЯ ВЕНДЕТТА

За последние 40 лет, сообщает каирская газета «Аль-Акбар», только в Верхнем Египте более 90 тысяч человек погибли в результате кровной мести — средневекового обычая, который продолжает жить и в наши дни. Печальное лидерство здесь принадлежит городам Сохаг и Асьют, где в среднем каждый день кто-нибудь становится очередной жертвой египетской вендетты.

Одна из причин массовых убийств — в том, что население располагает большим количеством огнестрельного оружия. Только за один месяц в Верхнем Египте его было изъято около 12 тысяч единиц, причем властям не удается установить, по каким каналам оно поступает в страну.

Социологи и юристы отмечают, что этот пережиток средневековья неспроста довольно прочно укоренился именно в южных провинциях Египта. Тут особенно низок уровень культуры и образования, люди живут в нищете.

Совершаемые по законам кровной мести преступления составляют основной процент убийств в стране.

В № 2 нашего журнала за 1979 год была напечатана подборка «Бессмертие по-богословски». В ней шла речь о возникновении и эволюции в христианстве идеи бессмертия души. После этой публикации редакция получила много писем. В некоторых из них содержалась просьба рассказать о возникновении и развитии в различных религиях идеи посмертного воздаяния и возмездия. Выполняем просьбу читателей.

В. МЕЙСТЕР

Осужденные в аду. Комментарий к библейскому тексту. Испания, XII в.

КАК ВОЗНИКЛА ИДЕЯ

ИДЕЯ посмертного воздаяния — одна из главных в современных религиях. Богословы считают, что страх перед загробным наказанием и надежда на потустороннюю награду удерживают людей от безнравственных поступков, способствуют поддержанию в обществе якобы санкционированных верховным владыкой вечных и непреходящих моральных норм. Загробное воздаяние, установленное по воле бога, рассматривается как нравственная узда, удерживающая людей от дурных поступков. Что бы ты ни делал — впереди маячит смерть, а за ней обязательно — «высший» суд, где каждый человек получает по заслугам. В связи с этим огромное значение приобретает в религии смерть. По мнению христианских теологов, трудно даже представить себе, «до каких ужасов греховной мерзости доходили бы люди, если бы оставались бессмертными», если бы бог не «положил предел человеческой жизни в виде смерти, назначив за порогом этой смерти свой суд»[1].

В действительности же представления о загробном воздаянии порождались жестоким угнетением народных масс. Ф. Энгельс вскрыл причины возникновения христианского учения о воздаянии после смерти. Тяжелый классово-социальный гнет, полное бесправие, убеждение, что это положение изменить невозможно, породили идею загробного воздаяния. Поиски спасения от невыносимого социального гнета приняли форму веры в воздаяние за гробом[2].

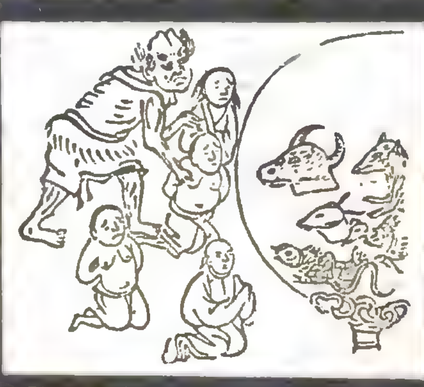
Однако были в истории классового общества и религии, в которых эта идея отсутствует. Нет, например, представления о загробном воздаянии в религиях Вавилона, Ассирии, Финикии, добуддистского Китая, хотя и там существовала классово-эксплуататорская система. Не обнаружена идея загробного воздаяния также в культах Древней Греции и Древнего Рима, за исключением периода разложения рабовладельческого строя.

Дело в том, что на зарождение и эволюцию таких представлений оказывало влияние не просто само существование классового гнета. Нужно было весьма длительное время для того, чтобы народные массы смогли осознать всю безысходность своего угнетенного положения и, не видя иного пути, обратили свои взоры на небо в поисках справедливости и вознаграждения за земные страдания.

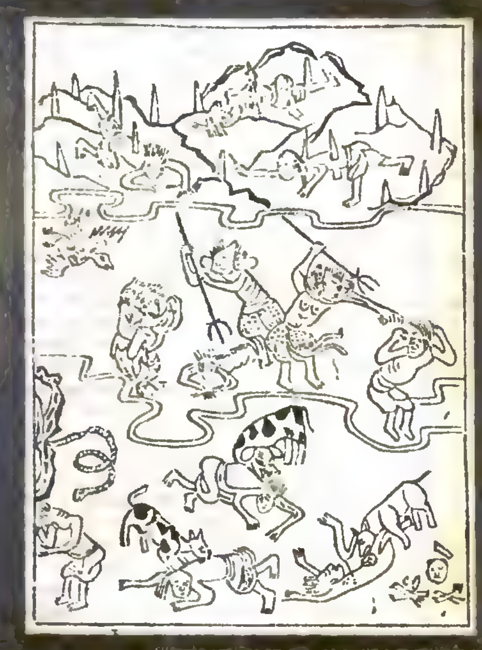
Представления о загробном мире и посмертном воздаянии возникали в различных религиях в разное время. Это связано с тем, что осознание несправедливости и неустранимости социального

Взвешивание душ в царстве Осириса. Древнеегипетское изображение.

Осужденные души видят в зеркале свое перевоплощение. Популярная китайская гравюра.

Буддистский ад. Страдания грешников в десяти отделениях ада. Популярная китайская гравюра.

Ангел передает апостолу Петру душу, удостоившуюся рая. Средневековое алтарное изображение. Испания.

[1] «Журнал Московской патриархии», 1946, № 12, стр. 25.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 483.

ЗАГРОБНОГО ВОЗДАЯНИЯ

Гермес держит на весах героев «Илиады» — Ахилла и Гектора, предопределяя моменты их гибели. Роспись на вазе.

Лестница спасения. Вверху слева — святой Михаил взвешивает души; справа — Христос спасает души праведников, живших до христианства, из ада. Внизу — мучения грешников в аду. Настенное изображение в церкви святых Петра и Павла в Челдоне, Англия, XII в.

гнета возникало у разных народов в ходе их исторического развития и определялось интенсивностью эксплуатации, нараставшей, как известно, постепенно. Чувство бессилия перед гнетом эксплуатации обычно формировалось после многократных неудачных попыток трудящихся свергнуть этот гнет, ослабить эксплуатацию. На это опять-таки требовалось время.

Как же возникла идея загробного воздаяния?

Марксизм утверждает, что «сознание... никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием». Не составляет исключения в этом отношении и религиозное сознание. Маркс и Энгельс, говоря о сущности религии, о материальной основе этой фантастической сущности, утверждали, что ее нужно искать «лишь в материальном мире»[3].

Уже первобытные люди верили, что души усопших продолжают существовать в особом обиталище — мире мертвых, где они в качестве двойников людей ведут жизнь, подобную земной: охотятся, воюют, веселятся, ссорятся и т. д. В те времена люди полагали, что ловкий, удачливый охотник и на том свете обладает лучшей судьбой по сравнению с неумелым и невезучим; что и в загробном мире он, как и на земле, добывает много дичи, а неумелый — голодает. Следовательно, по представлениям человека доклассового общества, люди и в загробной жизни, как и в земной, относительно равны: каждый должен был трудом обеспечивать себе пропитание. Такие представления были типичны для первобытнообщинной формации.

Социальное неравенство, возникшее с образованием классов, нашло свое отражение и в картине потустороннего мира. Особенно ярко социальная направленность заупокойного культа проявилась в Древнем Египте. Там, например, верили, что и на том свете фараон остается фараоном, знатный человек — знатным, крестьянин — крестьянином. При этом, полагали египтяне, трудящиеся и в царстве мертвых должны будут платить налоги, работать на эксплуататоров и т. д.[4].

Иногда в религиях этого периода представления о превосходстве одних людей над другими принимали весьма причудливую форму. Например, у индейцев Мексики и Перу существовало убеждение, что в потустороннем мире знатные превращаются в певчих птиц, а простые люди — в «неблагородных» жуков.

С появлением классов решающим фактором в определении загробной судьбы стал социальный ранг умершего. Однако люди, как и в первобытную эпоху, продолжали верить, что умерший и в потустороннем мире продолжает свою земную деятельность, что посмертная судьба — просто продолжение земной.

Дальнейшее усиление эксплуатации отразилось на формировании представлений, по которым загробное существование — привилегия лишь самых высших кругов господствующего класса или только одного царя. Так, в период 5-й династии Древнего царства в Египте (около 2500 г. до н. э.) «Тексты пирамид», отразившие представления о загробном мире религии этой страны, утверждали: возможностью потусторонней жизни об-

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 25, 146.

[4] См.: Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. М., 1957, т. 3, стр. 360.

ладает лишь фараон. Все прочие египтяне (практически верхушка знати) в получении загробной жизни зависели от его воли.

В эпоху первобытного строя и на первом этапе существования классового общества представления о том, что поступки человека в земной жизни влияют на его посмертную судьбу, еще не сформировались. Первоначально в государственной религии Египта посмертное существование фараонов и их вельмож обеспечивалось не соответствующим образом их жизни, а оплачиваемыми ими дорогостоящими обрядами, которые совершали жрецы.

Дальнейшее развитие классового общества привело к появлению здесь новых представлений. Социальный гнет, постепенно нарастая, становился невыносимым. Вот как описывает положение крестьян одно древнеегипетское литературное произведение: «...Берет червь половину ячменя, гиппопотам съедает остальное. Мыши многочисленны в поле, саранча опускается, скот ест, воробьи воруют. Горе земледельцу!.. Упряжка (волов) подыхает при молотьбе (и при) пахоте. Писец причаливает к берегу. Он записывает урожай. Его помощники с палками... Они (говорят): «Дай, ты, ячмень». Нет (его). Они бьют его... Он связан и брошен в колодец. Он погружен в воду вниз головой, его жена связана перед ним, его дети скручены».

Естественно, что трудящиеся пытались облегчить свое положение. Первые в истории бунты и восстания, до основания потрясавшие древнеегипетское эксплуататорское общество, не приносили облегчения народу. Вот тогда-то — на почве полной безысходности — и возникла идея лучшей судьбы в потустороннем мире. Не случайно литература того времени создала отразивший подобные настроения образ несчастного страдальца: «Смерть стоит сегодня предо мной, как выздоровление перед больным...» Эта мысль возникла в период Среднего царства (около 2050—1700 гг. до н. э.). Религия Египта Древнего царства еще не обещала беднякам загробного воздаяния.

Логика здесь была такова: поскольку реальный мир не удовлетворяет страждущих и угнетенных, стало быть, он — не истинный; подлинный мир находится вне его, в потусторонней сфере. Поэтому и достижение справедливости возможно лишь там, на небе, где каждому воздается по заслугам. Как видим, именно неутоленное желание угнетенных получить компенсацию за земные страдания породило идею потустороннего воздаяния. А затем она получила дальнейшее развитие: мол, раз потустороннее воздаяние — вознаграждение за земные муки, то, следовательно, без земных страданий нельзя получить и небесного блаженства. Так представление о посмертном существовании оказалось связанным с этической стороной религии. Учение о посмертном воздаянии стало призывать угнетенных к покорности, удерживало их от борьбы против угнетателей. Таким образом погашен социальный протест низов, направленный против поработителей: идея загробного воздаяния превратила эксплуатируемых из борцов за свое освобождение в рабов по убеждению. «Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества»[5], — писал К. Маркс. Утешая угнетенных надеждой на загробную награду, религия одновременно запугивала непокорных загробными наказаниями, что оказалось весьма удобным для господствующих классов.

Одним из первых свидетельств зарождения идеи загробного воздаяния в древнеегипетской религии может служить надгробная надпись эпохи 4-й и 5-й династий, гласившая, что усопший «давал хлеб голодному, одеяние нагому» и делал другие добрые дела для того, чтобы ему «было хорошо у великого бога». В эпоху 6-й династии зачатки представлений о посмертном воздаянии проникли уже в погребальный культ фараона. А позднее сформировались взгляды, в соответствии с которыми за нарушение фараоном норм морали, — например за притеснение бедняков, — загробные судьи могли быть немилостивы даже к нему.

Представления о потустороннем воздаянии отразились в литературе того времени. Вот как автор «Рассказа о красноречивом крестьянине» пугает неправедного вельможу: «Ведь умереть придется... Берегись и думай, что наступает вечность... Разве Тот бывает милостив (к злодеям)?.. Не лги... Ведь правда пребывает во век. Она сходит вместе с тем, кто ее держится, в некрополь».

Итак, чем сильнее становился социальный гнет в классово-эксплуататорском обществе, тем больше расширялся круг людей, получавших право на загробное блаженство. Сначала на посмертное существование имел абсолютное право лишь фараон, затем постепенно возникли представления о том, что и высшая знать будет жить за гробом. Наконец (в Среднем царстве) — любой египтянин. При этом первоначальные представления о том, что потусторонняя жизнь обеспечивается дорогостоящими религиозными обрядами, постепенно оттеснялись на задний план верой в возможность ее достижения соблюдением нравственных норм. Благодаря этому бедняки могли рассчитывать на загробную награду себе и на загробное наказание богачей, нарушавших мораль в процессе классовой эксплуатации.

Подобным образом развивалась идея посмертного воздаяния и в классовом обществе Древней Индии. В ее официальной религии — брахманизме она приобрела специфическую форму учения о благоприятном и неблагоприятном посмертном перевоплощении: переселение душ умерших в новорожденных людей, в животных, в растения и т. д. Для благоприятного перевоплощения в людей более высокого социального ранга требовалось соблюдение определенных моральных норм. Нарушение нравственности грозило перевоплощением в лиц более низкого социального ранга или в животных. Высшим блаженством считалось прекращение перевоплощений — слияние души умершего с богом.

Идея загробного воздаяния в брахманизме наслаивалась на противоречащее ей более древнее представление, согласно которому посмертное существование в значительной мере определялось социальным положением умершего. Например, загробная участь членов касты жрецов значительно облегчалась по сравнению с потусторонней жизнью членов низшей касты.

Как видим, несмотря на некоторые особенности, в возникновении и развитии идеи загробного воздаяния и в древнеиндийской и в древнеегипетской религиях срабатывали в общем одни и те же закономерности. К такому же выводу приводит анализ возникновения этой идеи и в других культах.

Резкое обострение классово-социальных противоречий в период гибели рабовладельческого общества обусловило новый этап в эволюции идеи загробного воздаяния, связанный с появлением мировых религий и прежде всего христианства. В отличие от представлений, господствовавших, например, в древнеегипетской религии, в христианском вероучении посмертная судьба с самого начала обусловливалась прежде всего соблюдением религиозной морали. Кроме того, христианство не только не обещало верхам общества каких-либо привилегий в загробном мире, а, наоборот, объявило, что угнетенные получат там награду за то, что страдали, тогда как угнетатели попадут в ад потому, что притесняли бедняков.

Христианское учение о возмездии и воздаянии после смерти в большей степени вселяло надежду на восстановление социальной справедливости в мире мертвых и, следовательно, сильнее утешало угнетенных, чем религия древних египтян.

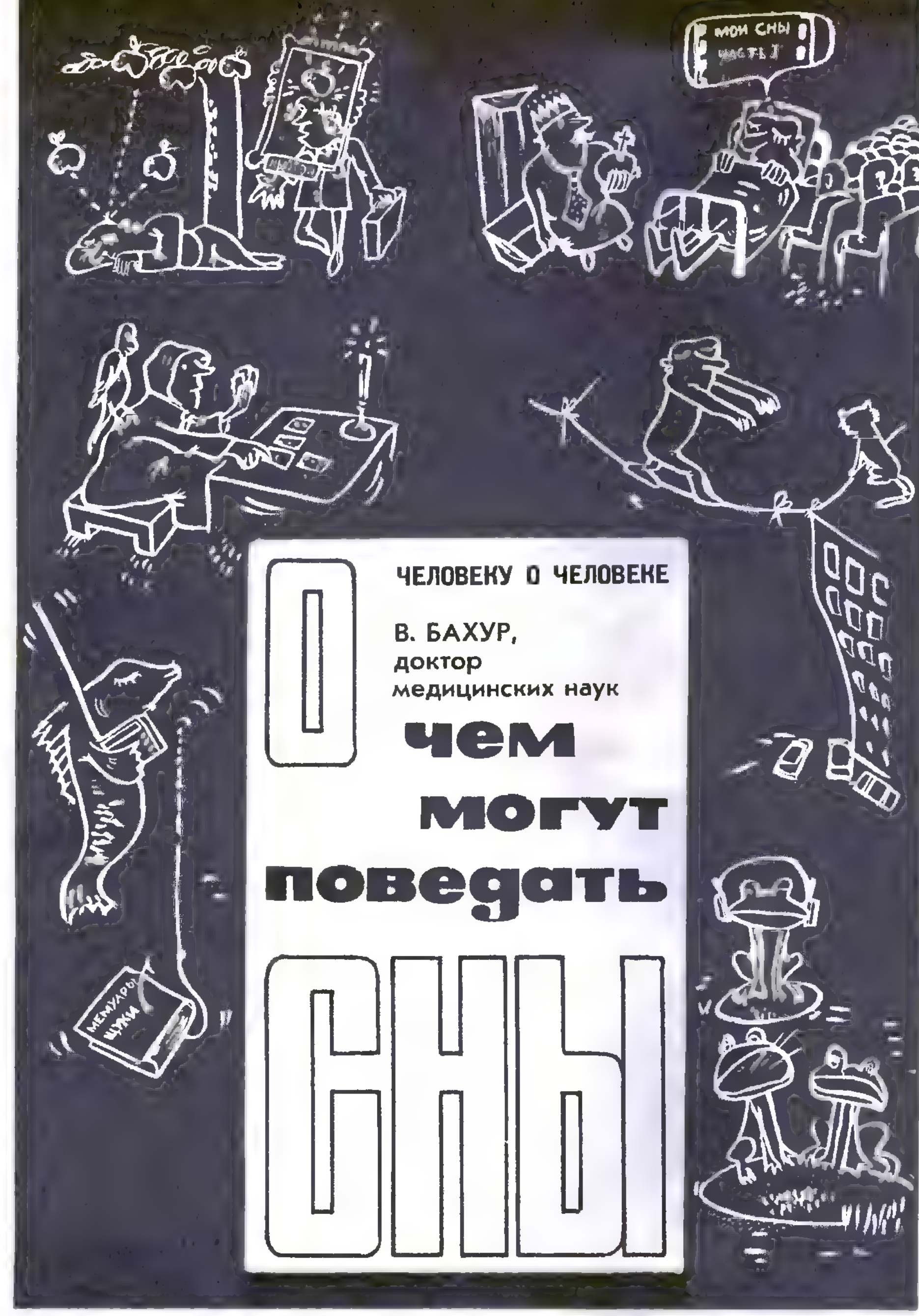
«Продолжение существования души после смерти тела, — писал Ф. Энгельс, — постепенно стало повсеместно общепризнанным в римском мире элементом веры. Точно так же все более и более общепринятой становилась вера в некое воздаяние или кару для умершей души за совершенные на земле поступки. Впрочем с воздаянием дело обстояло довольно неблагонадежно; древнему миру слишком был свойствен стихийный материализм, чтобы не ценить земную жизнь бесконечно выше жизни в царстве теней... Но вот появилось христианство, оно всерьез приняло воздаяние и кару в потустороннем мире, создало небо и ад, и был найден выход, который вел страждущих и обездоленных из нашей земной юдоли в вечный рай»[6].

Несмотря на различия, общие закономерности возникновения и развития идеи загробного воздаяния, так же как и ее социальная функция, сходны и в религиях древности, и в мировых религиях. И здесь и там ее породил классовый гнет, и здесь и там она возникла и развивалась как отражение стихийного протеста народных масс в процессе осознания ими несправедливости и неустранимости социального гнета. И в религиях древности, и в мировых религиях этот протест, преломляясь сквозь призму религиозного сознания, превратился в учение, объективно оправдывавшее эксплуатацию. В ходе эволюции всех этих религий идея посмертного воздаяния ослаблялась (хотя и в неодинаковой степени) представлениями о возможности улучшения загробной участи умерших молитвами, обрядами, пожертвованиями на церковь и т. п.

По существу, идея загробного воздаяния во всех этих религиях различалась лишь степенью своего развития. Причем в ходе эволюции идея эта по степени своей зрелости приближалась к аналогичной идее мировых религий.

г. Саратов

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 415.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 483.

ЧЕЛОВЕКУ О ЧЕЛОВЕКЕ

В. БАХУР,
доктор
медицинских наук

О чем могут поведать сны

Рисунки А. Лебединского.

Отчего это бабушка сегодня такая грустная? После долгих расспросов наконец что-то проясняется: бабушка видела плохой сон, и всю семью, считает она, ожидает большая беда. Вы, конечно, облегченно вздохнули (ведь вам показалось сначала, что она заболела), посмеялись над ее «предсказаниями»: «Спится, бабушка, вот и снится!», и все на этом кончилось... Потом она еще не раз рассказывала о своих «вещих» снах, но в семье все было хорошо. Однако как-то, вскоре после одного из таких неприятных бабушкиных сновидений, приходит телеграмма, извещающая о смерти вашего родственника. И тут-то бабушка «взяла реванш»: «Что я говорила? А вы еще смеялись надо мной! Теперь-то поверите в сны?..»

И вы сами даже начинаете немного сомневаться: может быть, действительно, тут что-то есть? Ведь в прошлом году, когда накануне экзаменов в институт сын видел во сне, что летит в пропасть, бабушка сразу же предрекла: «Провалится!» — И провалился! Или другой случай с дедушкой, когда недели за две до того, как его разбил паралич, у него во сне болела рука...

Все-таки: бывают «вещие сны» или нет? Может ли в сновидениях быть что-то такое, что в последующем осуществилось бы? И если да, то почему это происходит? Что говорит наука о таких «вещих» снах?

Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, следует вначале напомнить о том, как изменились сегодня научные представления о сне и сновидениях. В древности люди думали, что в сновидениях отражаются «похождения» души человека, покинувшей его тело на время сна. Так как душа представлялась основной сущностью человека, а тело — лишь пассивным вместилищем для нее, то считалось, что сновидения — это, собственно, продолжение жизни индивидуума, но лишь в других условиях (следует отметить, что, к сожалению, и сейчас еще можно встретить людей, думающих так же). Но уже в давние времена появились и научные взгляды на сон и сновидения. Еще Аристотель (384—322 гг. до н. э.) считал, что сновидения — это мышление, продолжающееся во время сна, а выдающийся врач древности Гиппократ (460—377 гг. до н. э.) прямо связывал сновидения с работой мозга.

Долго (буквально до последних двух-трех десятилетий) в науке господствовало мнение о сне как о пассивном состоянии мозга — необходимом после дневного утомления отдыхе. А сновидения, свидетельствовавшие о работе мозга, представлялись сигналом к пробуждению, признаком того, что мозг уже отдохнул и «пробует свои силы». В содержании сновидений видели только чисто хаотическое, случайное сцепление фактов и событий, хранящихся в «кладовой памяти». По словам выдающегося физиолога И. М. Сеченова, сновидения представляют собой небывалые комбинации бывалых впечатлений. Такое понимание сновидений, казалось, вполне себя оправдывало. Но были известны и другие наблюдения. Например, некоторые стихи «родились» у Пушкина во время сна, и он среди ночи вскакивал с постели и быстро их записывал. Д. И. Менделеев именно во сне увидел порядок расположения химических элементов, над которым он долго размышлял перед этим. Химик Кекуле замкнутую структуру формулы бензола представил в виде змеи, ухватившей себя за хвост, тоже во время сна. Как же объясняются эти факты? Ведь тут вряд ли скажешь о хаотических, бессмысленных комбинациях?

Над разгадкой «смысла и логики» в сновидениях бились многие ученые, выдвигались интересные гипотезы, создавались теории. Новый качественный скачок в изучении сна и сновидений начался совсем недавно — в 1953 году, когда были опубликованы интересные исследования американских ученых Ю. Азеринского и Н. Клейтмана. Из них стало ясно, что сон — не отдых мозга, а его работа, деятельность, но особым образом перестроенная. (Следует сказать, что подобные наблюдения в экспериментах над кошками были сделаны Л. Р. Цкипуридзе, учеником выдающегося советского физиолога академика И. С. Бериташвили, еще в 1950 году, но его публикации тогда не было придано должного значения.)

Основанием для таких новых выводов послужили результаты электроэнцефалографических исследований, проводившихся во время сна. Известно было и раньше, что при переходе от бодрствования ко сну происходят закономерные изменения в частоте регистрируемых электрических потенциалов мозга: частые колебания (бета- и альфа-ритм) сменяются все более замедленными (сначала — тета-, а затем дельта-ритмом).

Исследования же Азеринского и Клейтмана уточнили: после определенной длительности дельта-сна вдруг происходит скачкообразный переход к новому состоянию: исчезают медленные колебания и появляются быстрые, характерные для состояния бодрствования. При этом

О сне см., например: Л. Латаш. В. Астахова. Таинственный мир сна, 1976. № 10, стр. 31; Н. Демин. Почему мы спим?, 1979, № 8, стр. 26.

регистрируются быстрые движения глаз (эту фазу и назвали «быстрым сном»), происходят движения конечностей, туловища. Создается впечатление, что человек просыпается... Но, нет, это не пробуждение. Оказалось, что в этой фазе разбудить человека даже труднее, чем в фазе «медленного сна», да и тонус мышц у него в это время резко снижен. Из-за таких «противоречивых» явлений фазу «быстрого сна» называют еще парадоксальным сном. И еще одно: если человека разбудить во время «быстрого сна», то он расскажет, что только что видел сон... Цикл «медленный сон» — «быстрый сон» повторяется 4—6 раз за ночь, при этом фаза «медленного сна» резко преобладает в длительности над фазой «быстрого сна» в первые часы, а к утру удлиняется фаза «быстрого сна».

При более тонких исследованиях удалось установить, что во время сна усиливается кровообращение мозга, увеличивается поглощение кислорода нервными клетками. Словом, все говорило о том, что считать сон покоем и отдыхом мозга нельзя. Поэтому сейчас ученые и считают, что сон — это специфическое состояние мозга, особый характер его деятельности, во время которой осуществляются важнейшие процессы: синтез белков и нуклеиновых кислот, необходимых клеткам мозга для их нормальной работы, сортировка многочисленной информации, поступившей за день, ее закрепление и т. п.

Ну а что со сновидениями?

Чтобы выяснить значение фаз сна, ученые стали лишать спящий организм периодов быстрого сна. Когда на электроэнцефалограмме начинали регистрироваться типичные для этой фазы электрические колебания, человека или животное будили. Скоро стало ясно, что если в течение ночи лишать человека быстрого сна, то в следующую ночь большая часть сна будет состоять из этих фаз: организм как бы компенсирует то, что у него отнимали в предыдущую ночь. Если же лишать человека фаз быстрого сна в течение многих ночей, то он становится повышенно возбудимым, у него резко ухудшается течение всех психических процессов. Значит, поняли ученые, эта фаза сна очень нужна мозгу, без нее он не может нормально функционировать.

Но важны ли при этом и сновидения, которые сопровождают эту фазу? Оказалось, что очень важны. Как это было доказано? Дело в том, что сновидения, как потом выяснилось, бывают, хотя и гораздо реже, и в медленном сне. И вот если лишать человека фаз быстрого сна, то начинает возрастать количество сновидений в фазе медленного сна. Этот факт дал возможность предположить, что и сами сновидения играют какую-то важную роль в психической деятельности человека. Эта роль стала понятна благодаря новейшим исследованиям бессознательной, или неосознаваемой психической деятельности. Сон, как оказалось, представляет самые широкие возможности для такой деятельности: во время сна снимается контроль механизмов сознания, а мыслительные процессы могут тем не менее продолжаться. При этом все, что в медленной стадии сна «готовится», «сортируется», «перерабатывается»,— в быстрой фазе сна «выдается» в виде сновидений. Но почему такая «выдача» чаще всего происходит в очень своеобразной, как бы символической форме? Причина заключается в том, что для неосознаваемых форм мышления характерно так называемое образное мышление.

Исследования последних десятилетий выяснили, что образное мышление у человека формируется раньше словесного. Когда же создается речевая система, тогда главным становится речевое мышление, связанное преимущественно с левым полушарием мозга, где у большинства людей (правшей) находятся центры речи. Образное же мышление не исчезает, оно лишь становится подчиненным. У взрослого здорового человека оно связано преимущественно с правым полушарием мозга.

Во время сна образное мышление у человека в значительной мере «раскрепощается». Поэтому переработка какой-то информации во сне может происходить так, что это оформится и будет выдано в сновидении в образной, как бы символической форме. Днем человек думает над какой-то проблемой, пользуясь своим «главным» — речевым мышлением, а ночью процесс мышления может продолжаться уже в образной форме.

Вот так, символизируя собой замкнутую структуру формулы бензола, и явилась Кекуле во сне змея, схватившая себя за хвост! Если юноша, зная о своей недостаточной подготовке, целыми днями думает о возможности провала на экзаменах в институт, то он может увидеть во сне в качестве образного продолжения этих мыслей, как он проваливается в пропасть. И этот сон может стать «вещим», в чем тоже не будет ничего удивительного (подготовился к экзамену ведь плохо!). А если у вас где-то живет близкий родственник уже преклонного возраста и часто болеющий, то невольно (особенно если вы узнали недавно, что состояние его здоровья ухудшилось) приходят в голову мысли о возможной его кончине. Конечно, вы гоните эти мысли, не допускаете их в свое сознание. Но вытесненные «в подполье», они «живут» в подсознательной сфере и могут время от времени проявлять себя в сновидениях, нередко в иносказательной форме: то вам приснилось, что этот родственник куда-то далеко улетает самолетом, то он вдруг на глазах всех родных исчез, как бы испарился.

Значит, сновидение, отражая в образной форме какую-либо реальную ситуацию, какие-либо действительные мысли, выступает в качестве их символа? Значит, в таком случае каждый сон имеет свой особый смысл и правы те, кто, пытаясь разгадать его, советуются со «снотолкователями» или читают сонники?

В старину были популярны различные сонники, в которых излагался «тайный» смысл того или иного сна. Сновидения толковались порой самым нелепым образом. Так, видеть во сне гроб — к свадьбе, гребень — к ссоре, горчицу — к печали, гвоздь — к неудаче, галстук — к проигрышу какого-либо дела, голубей — к семейной радости и т. д. Правда, иногда в основе такого толкования лежала и примитивная символизация, отражавшая жизнь своего времени. Так, видеть во сне царя — значит ожидать награды или радости; пустой сундук — к нищете.

В этих объяснениях, видимо, уже отражалось какое-то элементарное понимание значения образности в измененном во время сна мышлении человека. Но чаще в сонниках толковали сны по отдельным предметам. Сама же символика сна гораздо сложнее. Если попытаться разобраться в логике сна, то необходимо учитывать не столько сон целиком, сколько ход всего мыслительного процесса во время этого сновидения, подробно анализировать предшествующие сновидению события в жизни человека, его мысли, тревоги и заботы. Поэтому расшифровка символики сновидения — весьма сложная задача, ее может решить лишь врач-психотерапевт, владеющий методикой анализа различных сторон психической деятельности человека.

Следует подчеркнуть, что говорить только о символическом смысле сновидений нельзя, вывод, что сновидения всегда имеют символическое значение и быстрый сон как бы специально был «создан» для сновидений, будет не верен. Тщательное изучение фазы быстрого сна показало, что он имеет множество различных функциональных значений. Сновидения же — лишь один из феноменов, характерных для быстрого сна. В этой связи интересно отметить, что фазы быстрого сна наиболее продолжительны у младенцев. Какие же сны они видят?

Ленинградский биолог И. Г. Карманова недавно провела тщательное сравнительное изучение сна у различных представителей животного мира — рыб, лягушек, ящериц, птиц, крыс. Оказалось, что уже у рыб можно наблюдать такие явления, которые можно считать как бы прототипом будущего быстрого сна птиц и млекопитающих. У рыб, конечно, нет сна в той форме, которая характерна для нас с вами. У них просто бывают особые состояния покоя, сопровождающиеся замедлением сердечного ритма, частоты дыхания, изменением тонуса мышц. Такое состояние И. Г. Карманова назвала первичным сном. И вот, как выяснилось, периодически на электроэнцефалограмме у рыб, находящихся в состоянии первичного сна, вдруг появляются групповые разряды быстрых колебаний, возникают движения хвоста, глаз. Все это очень напоминает стадию быстрого сна у птиц и млекопитающих. Но неужели рыбы в это время видят сны?

Смену быстрого и медленного сна теперь начинают связывать с явлениями ритмичного изменения активности мозга, формировавшимися в процессе эволюции очень давно. Ученые предположили, что периодическое повышение возбудимости спящего мозга — это отражение древнейшего сторожевого рефлекса, столь важного для существования животного: в период сна следует время от времени убедиться, что вокруг «все спокойно» и ничего не угрожает твоей жизни.

В период повышенной активности мозга при быстром сне включаются и начинают действовать нервные механизмы, связанные с процессами мышления и памяти. Из ее «кладовых» извлекаются и совсем «молодые», и очень «старые» записи, они комбинируются, переплетаются с размышлениями и чувствами, которые вас занимали в последнее время, — так формируется сновидение. Какими будут мыслительные процессы во время сна, что в них займет главное, доминирующее положение, зависит от

того, чем занят, о чем думает бодрствующий человек. Так, у творческой личности, мысли которой связаны с работой над какой-то проблемой, эта проблема будет «разрабатываться» и во сне и проявляться в сновидениях в прямой или образной форме.

Если же у человека в определенный период времени нет таких главных, доминирующих идей, которые определяли бы собой все течение его мыслительной деятельности, захватывали бы его целиком, то и сновидения у него могут иметь очень мало внутреннего смысла и действительно состоять из чисто случайно комбинирующихся комплексов, извлекаемых из памяти.

Могут быть сновидения, хотя и лишенные символики, о которой шла речь, но тоже в какой-то степени словно бы «вещие», предсказывающие заболевание. Как это может происходить? Дело в том, что мозг в период сна не совсем отключен от восприятия тех или иных внешних раздражителей. Особенно это характерно опять-таки для периода быстрого сна. Мозг в это время часто избирательно воспринимает поступающую информацию. Вспомним, например, как спящая мать, не реагирующая на грохот трамваев, немедленно проснется при малейшем беспокойстве малыша.

Мозг спящего человека может воспринимать и малозначительную информацию, а затем своеобразно ее перерабатывать. Вот один из интересных примеров: на ухо спящему англичанину ученый произносил одно и то же слово — «Роберт». И что же? Оказалось, что спящий начинал видеть во сне, будто он смотрит фильм о кроликах (по-английски имя Роберт и название этого животного звучат похоже). Подобным же образом шум за окном может трансформироваться в сновидениях в шум водопада или артиллерийскую канонаду (особенно если это касается бывшего военного). В жарко натопленной комнате может присниться сочинский пляж...

Много подобных сновидений, содержание которых было вызвано различными раздражителями во время сна, систематизировал советский исследователь В. Н. Касаткин, опубликовавший в 1972 году книгу «Теория сновидений». В этой работе он детально расшифровывает сновидения с точки зрения условнорефлекторного характера появления в них тех или иных зрительных образов.

Подобными же механизмами можно объяснить возникновение многих «вещих» снов. Известно, что импульсы со стороны внутренних органов пробиваются в наше сознание только тогда, когда достигают определенной интенсивности. Обычно же мы не воспринимаем ни сокращений сердца, ни работы желудка. Но о том, что эти неощутимые импульсы тем не менее поступают в мозг, говорят опыты, в частности проведенные советским исследователем Г. В. Гершуни.

Во время сна, когда порог для таких раздражений может снижаться, уже незначительно возросшие импульсы могут проникать в психическую сферу и сказываться на формировании сновидений. Так, если у человека только начинается заболевание какого-то органа, он в обычных условиях может этих изменений еще не ощущать. А в период сна поток болезненных раздражений проникает в подсознательную сферу и может проявиться в том или ином сновидении. Так и было, видимо, в случае с дедушкой, о котором мы говорили в начале статьи: хотя процесс ухудшения кровоснабжения определенной зоны мозга вследствие атеросклеротического поражения сосудов уже начался, эти небольшие изменения до поры до времени не доходили до сознания больного и лишь во время сна проявлялись в сновидении — ему снилось, что болит рука... Так за какое-то время до паралича он увидел «вещий» сон!

Как видим, сновидения могут иметь самое разнообразное происхождение и внутренний смысл. Иногда в них прямо и явственно, без «цензуры» сознания, проявляются те или иные устремления человека; в других случаях они выступают в образной — как бы символической — форме. Бывает и так, что содержание снов зависит от различных внешних и внутренних раздражителей. И, наконец, они могут представлять собой действительно самые «небывалые комбинации бывалых впечатлений».

Необходимость же сновидений объясняется тем, что они, представляя собой как бы продолжение психической деятельности в особых условиях, играют важную роль в механизмах так называемой психологической защиты. Благодаря тому, что в сновидениях переработка поступающей, а также хранящейся в подсознании информации происходит вне условий «цензуры» сознания и в особой образной форме, это способствует «примирению» противоречивых устремлений человека, разрешению конфликтов между ними. Поэтому-то нередко человек, который весь день был напряжен, крайне взволнован, встревожен той или иной ситуацией, представляющейся ему неразрешимой, утром после ночного сна, сопровождавшегося яркими, кажущимися бессмысленными сновидениями, просыпается успокоенным — вся ситуация кажется ему уже не такой безысходной, даже вполне разрешимой. Поистине, утро вечера мудренее...

А бывают ли сновидения у животных? Каждый, у кого была собака и кто наблюдал за ее поведением, не раз, наверное, видел, как она во время сна вдруг начинала вилять хвостом, перебирала лапами, повизгивала. Вероятно, в это время она видела свой примитивный сон, состоящий из простых зрительных образов. А вот что касается возможности такого же рода психических феноменов не у высших млекопитающих, то у них быстрый сон или его подобие вряд ли сопровождается сновидениями.

ЗЕМНЫЕ КОРНИ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО

СКОЛЬКО МОГИЛ ГИЗБИБИ?

Есть в Институте истории имени Ш. Батырова Академии наук Туркменской ССР сектор древней и средневековой археологии, которым руководит кандидат исторических наук Еген АТАГАРРЫЕВ. Наш специальный корреспондент В. Зыбковец попросил ученого рассказать, как используются данные археологии в атеистическом воспитании населения.

Археологические знания, как и вообще объективные, реальные знания, содержат в себе большой атеистический заряд. Но археология обладает тут и некоторыми специфическими качествами. Главные из них — возможность заглянуть в прошлое и наглядность результатов исследований. Археологические материалы как бы говорят: «Посмотрите, как жили наши далекие предки, вот в каких богов они верили. Или, обратите внимание: в то время люди еще не верили ни в каких богов!» Такая ретроспектива позволяет лучше понять настоящее, точнее оценить будущее. Боги приходят и уходят, а люди живут, трудятся, познают окружающий мир, избавляются от сверхъестественных представлений о нем.

Туркмения богата археологическими памятниками, здесь издавна селились люди, тут проходили многие народы. Оставшиеся от них материальные следы планомерно исследуются уже почти 50 лет. Экспедиции работают в оазисах и на давно заброшенных землях былого орошения, в безводной степи и в приамударьинских тугаях, в горных долинах Копетдага и среди сыпучих песков Каракумов. Обнаружены и исследованы сотни памятников, среди которых немало исключительно ценных и интересных, оригинальных, уникальных.

Туркменские археологи открыли, например, в Прикаспии стоянки палеолитического человека, жившего здесь еще

в дорелигиозную эпоху, детально изучили культуру самых древних в СССР земледельцев джайтунских племен, населявших в VI—V тысячелетиях до нашей эры предгорья Копетдага, показали культурные связи народов, обитавших на территории Южного Туркменистана в эпоху энеолита и бронзы, с современными им народами Ирана, Афганистана, Пакистана и Индии, получили неопровержимые свидетельства существования местной письменности, одной из древнейших в мире.

Много дали ученым раскопки средневекового Мисриана — крупнейшего города Мисрианского оазиса, известного в то время как область племени дахов — Дахистан. Развалины этого города расположены в 90 километрах к северу от города Кизыл-Атрек и занимают площадь около 200 гектаров. Венгерский ученый А. Вамбери, более ста лет назад путешествовавший по этим местам переодевшись в дервиша, упоминает в своих записках о руинах Мисриана.

Раскопки этого древнего города показали, что он был одним из крупнейших торгово-ремесленных и культурных центров Туркменистана. Под лопатой и ножом археолога ожили немые свидетельства былого могущества города и рассказали пытливому уму исследователя о жизни и труде наших далеких предков. Были расчищены и изучены богато изукрашенные мечети, обширные помещения караван-сарая. Приблизительные подсчеты свидетельствуют о том, что в таких гостиницах города могли проживать около 250 приезжих.

Богатый материал об обитателях Мисриана был получен при изучении его жилых кварталов и пригорода. Нам удалось проследить за развитием тут строительной техники и архитектуры, выяснить культурные и экономические связи города, обнаружить замечательные образцы средневековых ремесел.

Все эти материалы, как и результаты исследований других археологических памятников, мы используем в идеологической работе, в воспитании трудящихся, не забываем при этом и атеистического аспекта. Ведь, действительно, любые памятники древности свидетельствуют в первую очередь о земных заботах людей — о развитии культуры и искусства, уровне технической вооруженности и технической умелости, о духовной жизни, в которой религиозные верования и традиции занимали значительное, но далеко не главное место. Это общеизвестно, и я не стал бы уделять этому вопросу внимание, если бы мне не приходилось встречаться с фактами, иллюстрирующими живучесть религиозных пережитков. Нередко, например, у нас можно встретить памятники старины, почитающиеся как святые места, окруженные легендами.

Легенды, как известно, — вид народного творчества, и они обычно не представляют для материалистического мировоззрения никакой опасности. Но на нестойких в мировоззренческом отношении людей они могут влиять отрицательно. Как только ревнители религии начинают распространять о каком-либо древнем памятнике мистические подробности об исцелениях, чудесах и т. п., в среде таких людей возрождаются суеверия, появляется стремление совершить паломничество к святому месту.

Одним из таких святых мест считается среди верующих мавзолей Абу-Сейида, здание превосходной архитектуры, относящееся к XI веку и расположенное на территории Каахкинского района. Здесь некогда стоял город Мейхене, о котором упоминается во многих средневековых источниках. Во времена сельджуков, в XI веке, тут жил довольно просвещенный горожанин Абу-Сейид. Городская правящая верхушка, особенно властитель Чагрыл-бек нередко обращались к нему за советом. О чем спрашивали его «хозяева» города? Об этом тоже сохранились записи в древних источниках: с Абу-Сейидом советовались о захвате и переделе чужих земель, о грабительских набегах, о введении новых налогов. Очевидно, он был верным служителем властей предержащих, поэтому после его смерти над его могилой возвели роскошный мавзолей. Это сооружение как архитектурный памятник находится под охраной государства, но к нему порой приходят приверженцы ислама, дабы попросить у святого исцеления и помощи в делах.

Подобное происходит и у мавзолея крупного сановника Абу-Фази-Саргагта, умершего в первой четверти XI века. И его тоже объявили святым, якобы способным исцелять болезни. К его могиле, точнее к мавзолею, где он будто бы похоронен, и сегодня приходят верующие люди. Однако за последнее время число паломников значительно сократилось, так как коллектив педагогов и учащихся школы города Серахса, невдалеке от которого расположено это святое место, называемое Сарагт-баба, ведут активную работу по разоблачению этого суеверия: организуют экскурсии, рассказывают историю действительной жизни похороненного здесь человека.

Неподалеку от развалин мечети средневекового города Анау, что в нескольких километрах от Ашхабада, сравнительно недавно «родилось» новое святое место — могила Гизбиби. Хранитель этой могилы — меджеур рассказывает всем приходящим сюда такую удивительную историю: как-то приснился ему сон, будто подошла к нему красивая женщина, назвавшаяся Гизбиби, и сказала: «Эй, меджеур, огороди мою могилу, чтобы прохожие не топтали ее!» Оборотистый делец достиг своего: к огороженной им могиле стали идти паломницы в надежде исцелиться от бесплодия. А он получает от этого теперь значительные доходы. Откуда же знать несчастным женщинам, страдающим болезнью, что подобные могилы Гизбиби есть во многих местах Средней Азии...

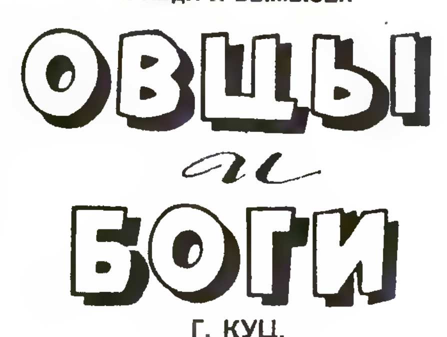
Так же во многих местах существует и святая могила Мялик Аджара, о котором тоже распространяют религиозную легенду. Он будто бы жил в VII веке, когда на территорию современного Туркменистана вторглись арабы. И принял ислам. Вскоре он стал таким ревностным проповедником вновь обретенной религии, что даже убил отца, отказавшегося принять новую веру. Легенда рисует Аджара великаном, человеком необычайной силы. Однажды он был ранен и вынужден был покинуть поле битвы. Чтобы запутать преследующих его врагов, он стал засыпать свой след песком, набранным в полу халата. В результате из этого песка образовался вал, тянущийся почти на сто километров.

И действительно, такой вал существует — между железнодорожной станцией Баба-Дурмаз и селением Душак. Этот факт служит для ревнителей религии неопровержимым доказательством святости Мялик Аджара. Однако археологи, исследовав этот вал, выяснили, что он очень древнего происхождения, гораздо древнее, чем легендарный святой. Под песком оказались остатки глинобитной стены, сооруженной еще за 400 лет до нашествия арабов. Эта стена высотой в несколько метров служила защитой местного земледельческого населения от набегов кочевников. Со временем она разрушилась и ее засыпали песчаные барханы.

Можно еще приводить примеры исторической правды о других памятниках старины, считающихся святыми местами. Научные их исследования показывают: богатые мавзолеи и пышные мазары чаще всего возводились над могилами крупных феодалов и священнослужителей. В исторических документах, дошедших до нас, эти люди характеризуются как жестокие эксплуататоры трудящихся, безжалостные завоеватели, пролившие немало крови трудового народа.

Если бы паломники знали правду о людях, которым они поклоняются, от которых ждут чуда, то дороги, ведущие ко многим святым местам, давно бы засыпало текучим песком.

«БОЖЕСТВЕННЫЕ» ЖИВОТНЫЕ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

ОВЦЫ и БОГИ

Г. КУЦ,
кандидат
сельскохозяйственных наук

ОВЦА — одно из древнейших животных, одомашненных человеком. Установить точно прямого предка овцы трудно, поэтому, вероятно, правы и те, кто считают ее родоначальником дикого муфлона, и те, кто видят в ней результат продолжительного скрещивания многих диких видов родственных животных. Овцеводство распространено почти во всех странах мира.

Это животное всегда было самым многочисленным в одомашненном стаде человека.

Не удивительно поэтому, что овцы, как и другие домашние животные, обожествлялись людьми. Однако корни этого почитания лежат еще глубже во времени и связаны с одной из древнейших форм религиозного миропонимания — с первобытным тотемизмом, верой в то, будто существуют сверхъестественные связи между человеком и теми или иными животными, растениями.

Исторические источники — письменные и вещественные — сохранили нам свидетельства почитания овцы почти всеми древними народами. Так, в Древнем Египте овца числилась среди других священных животных — богу Амону в Фивах посвящали барана. В каждом из храмов Амона содержалось животное, которое, по понятиям древних египтян, было носителем его души. В Древней Греции покровитель скотоводства Гермес — сын Зевса и плеяды Майи — изображался обычно с ягненком на плечах. Здесь можно вспомнить еще и греческого Пана, и славянского Велеса (Волоса), и древнеримского Фавна...

В честь Фавна в Древнем Риме устраивались празднества — луперкалии (Лупер — одно из прозвищ Фавна). На таких празднествах приносили в жертву скот, затем из шкур козлов и коз вырезали ремни, и жрецы, обегая вокруг Палатинского холма, наносили этими ремнями удары встречным. Женщины умышленно подставляли себя под такие удары, веря, что этим можно избавиться от бесплодия.

В религиозном пантеоне осетин наряду с Уациллой — покровителем земледелия и скотоводства, Авсати — покровителем охотников существовало специальное божество — покровитель овец Фальвар. У черкесов он назывался Емиш.

Немалая роль принадлежала в древнем мире овце в различного рода жертвоприношениях. Так, для храма бога Ану в Вавилоне ежедневно требовалось 50 баранов, два быка, теленок, четыре кабана, восемь ягнят, много птицы и большое количество хлеба.

Довольно подробно описывается ритуал жертвоприношения в Библии: «...Если жертва всесожжения его... из мелкого скота, из овец, или из коз, пусть принесет ее мужеского пола, без порока... и заколет ее пред господом на северной стороне жертвенника, и сыны Аароновы, священники, покропят кровью ее на жертвенник со всех сторон; и рассекут ее на части, отделив голову ее и тук ее, и разложит их священник на дровах, которые на огне, на жертвеннике, а внутренности и ноги вымоет водою, и принесет священник все и сожжет на жертвеннике: это всесожжение, жертва, благоухание, приятное господу» (книга Левит, гл. 1, ст. 10—13). А вот что нужно было жертвовать: «Двух агнцев однолетних... каждый день постоянно... одного агнца приноси поутру, а другого агнца приноси вечером... Это — всесожжение постоянное в роды ваши пред дверями скинии собрания пред господом, где буду открываться вам, чтобы говорить с тобою» (книга Исход, гл. 29, ст. 38, 39, 42). Подсчитано, что всего в год древним иудеям полагалось приносить в жертву 1093 ягненка, 113 быков, 37 баранов, 32 козла, 5500 килограммов муки, 2100 литров вина и столько же масла.

М. Врубель. Пан (фрагмент).

Уместно здесь вспомнить о древнееврейском празднике пасхе. Он отмечался ранней весной, когда плодится скот. Чтобы умилостивить духов — губителей скота, устраивалось празднество, на котором резали ягнят, кровью их обрызгивали шатры, а мясо поедали. Кстати, ягненка сжигали, веря, что через огонь «бог-предок» — ягненок — возрождается к жизни. Позднее и христиане стали есть под видом хлеба и вина, подвергшимся в церкви магическому превращению, тело и кровь своего бога. Священник, приготавливающий причастие, говорит: «Жрется агнец божи» (приносится в жертву бог-ягненок).

Христианская святая троица изображалась в виде бога-отца — благообразного старца, на плече которого сидит голубь — бог-дух, а на коленях — ягненок, принесенный в жертву ради спасения человечества. Агнец символизировал бога-сына Иисуса Христа.

В странах, где распространен ислам, широко отмечается праздник жертвоприношения курбан-байрам, связанный с легендой о пророке Ибрагиме, который якобы хотел принести в жертву богу своего сына Исмаила. Но милосердный Аллах спас жизнь сыну пророка — послал ангела с барашком — он и был принесен в жертву. В память об этом событии каждый правоверный мусульманин обязан принести жертву (курбан) — зарезать овцу, корову или верблюда.

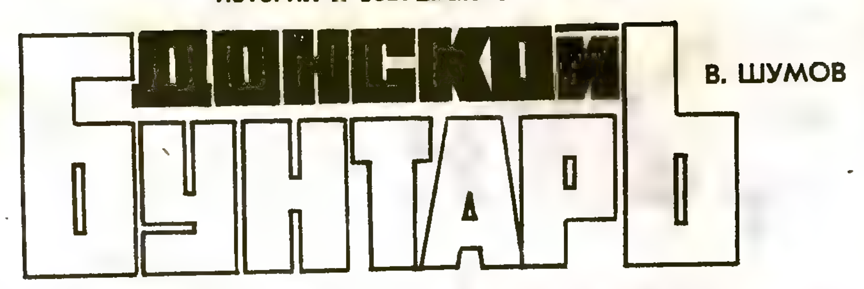
У многих народов существовали магические заклинания, связанные с овцой. В Древнем Вавилоне, например, глазные болезни лечили следующим заклинанием: «Из черной шерсти, из белой шерсти с этой стороны ты спрядешь; 7 и 7 узлов ты завяжешь; заговор ты прочтешь; узел из черной шерсти ты привяжешь на больной глаз; узел из белой шерсти ты привяжешь на здоровый глаз».

Овца заняла почетное место не только на земле, но и на небе. Среди большого количества созвездий есть и созвездие Овен. Это — одно из так называемых «зодиакальных» созвездий, с которыми астрология связывает земные судьбы людей.

Упоминается овца и в различных календарях. Во многих странах Азии наряду с обычным петосчислением существует традиционный лунный календарь. А в Китае многие печатные издания выходят с двойной датой: по григорианскому календарю и по 60-летнему циклическому календарю, где восьмой период, имеющий знак «вэй», называется еще и периодом овцы. Например, годом овцы считался 1979 год. Восточные астрологи, составители гороскопов, утверждают, что люди, рожденные в год овцы, отличаются тонким вкусом и пытливым умом.

Однако сегодня все меньше остается на земле мест, где видят в овце божество. Это неприхотливое, быстро размножающееся, добродушное животное играет существенную роль в хозяйственной деятельности человека и не связано, разумеется, ни с какими сверхъестественными силами.

Белгород

ДОНСКОЙ БУНТАРЬ

В. ШУМОВ

ЗАИНТЕРЕСОВАВШИСЬ своей родословной, писатель А. С. Серафимович в набросках автобиографии упомянул о прадеде Евлампии Никифоровиче Кательникове, человеке необычной судьбы.

Евлампий Кательников родился в начале 70-х годов XVIII века. Отец его, Никифор Ермолаевич, был станичным писарем в Верхне-Курмоярской станице «из казачьего войска Донского детей», то есть принадлежал к немногочисленной в то время донской интеллигенции. В 19 лет Евлампий женился на писарской дочери Прасковье Венидиктовой.

Поступив на воинскую службу, Евлампий Кательников прошел чины хорунжего и сотника и в 1800 году был произведен в есаулы. Спустя четыре года, во время службы на границе с Австрией, он был отдан под суд «за пропуск через границу товаров» контрабандного происхождения. Так говорилось в официальном обвинении, на основании которого его разжаловали в рядовые. Но Кательников не считал себя в чем-либо виновным. Вероятно, главную роль сыграло то, что молодой офицер имел дерзкий и независимый характер, не желал подлаживаться к начальству. Отстаивая свою правоту, он добрался до Петербурга, пытался обратиться лично к царю. Но Александр I не пожелал его выслушать и повелел вернуть его на Дон, запретив куда-либо выезжать.

Когда началась Отечественная война русского народа с наполеоновскими полчищами, Евлампий Кательников добровольно пошел на службу рядовым. Казачьи полки под командованием войскового атамана М. И. Платова вписали немало славных страниц в историю Отечественной войны. Они участвовали в изгнании захватчиков из России, вместе с другими русскими войсками вступили во Францию. Кательников получил несколько наград и чин офицера.

Участие в Отечественной войне стало для него периодом духовного возмужания. В короткий срок казачий офицер, едва умевший читать и писать, самостоятельно овладел французским, немецким и польским языками, начал глубоко изучать историю, географию, физику. А главное — внимательно вглядывался в окружающую жизнь, размышлял, сравнивал увиденное в европейских странах с русской действительностью. Энергичного и любознательного офицера заметил М. И. Платов и взял к себе «за дежурного штаб-офицера и письмоводителем».

Осенью 1814 года Платов послал его с донесением к главнокомандующему русской армией Барклаю-де-Толли, который оставил Кательникова писарем при своем штабе в Варшаве. К тому времени, занявшись литературным творчеством, Кательников написал большое стихотворное произведение — «Отрывок занятий на малом досуге донского казака Евлампия Кательникова».

При главной квартире командования русской армии была походная типография, созданная по инициативе профессоров Дерптского университета А. С. Кайсарова и Ф. Э. Рамбаха. Возглавлявший типографию А. С. Кайсаров считал, что во время войны «типография послужит иногда больше, нежели несколько батарей». После победы над Наполеоном дел у нее было мало. Отчасти этим можно объяснить издание далеко не совершенных стихов Кательникова.

В своей книжке он пытался изложить славную историю своих земляков, начиная с покорения Сибири Ермаком до участия донцов в присоединении Кавказа к России. Автор был далек от прославления власть имущих. Он продолжал искать ответы на острые вопросы жизни, которые волновали и других прогрессивно настроенных офицеров, в том числе — и будущих декабристов. Но, в отличие от них, Кательников избрал другой путь — религиозного бунтарства, с проявлением которого можно было нередко встретиться на Дону.

Анализируя социальную сущность религиозных утопий, В. И. Ленин писал: «Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма, — а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России» *.

Вернувшись в 1815 году в станицу Верхне-Курмоярскую, Кательников создал общину духоборческого толка (сами они называли себя духоносцами) и написал два произведения богословского содержания, излагая в них свои религиозные воззрения и подвергая суровому осуждению официальных церковных деятелей, их образ жизни. Особенно резко критиковал он влиятельного тогда архимандрита Фотия.

«Еретическое» учение Кательникова стало известно властям. Над головой религиозного отступника сгущались тучи. Однако, словно не замечая этого, он с увлечением продолжал заниматься своими изысканиями. Он собрал обширную библиотеку, всем своим шестерым детям дал хорошее образование. Его дочь Прасковья стала поэтессой, писала стихи для детей.

Много занимался Е. Н. Кательников изучением истории родного края и в 1818 году написал брошюру «Историческое сведение о Верхне-Курмоярской станице», изданную в Новочеркасске. Позже эта работа была перепечатана в газете «Донские войсковые ведомости» (1860 г.) и в одном из выпусков «Чтения в императорском обществе истории древностей Российских» за 1863 год. В 1886 году областной войска Донского статистический комитет издал ее отдельной брошюрой с предисловием историка и краеведа И. П. Попова. Фактически это была первая научная работа, правдиво освещавшая быт донского казачества. Она появилась в то время, когда малочисленная местная интеллигенция делала первые попытки осознать прошлое родного края.

По мнению Кательникова, «весь вообще донской казачий род есть российский природный». Об этом он писал в первой главе своего исследования «Происхождение донских казаков». Автор живо повествовал о взаимоотношениях казаков с соседними народами, об участии донских казаков в войнах.

Журнал «Исторический вестник» (1887 г.) писал, что эта книга «имеет большой интерес».

Но все эти оценки прозвучат через много лет после смерти автора, а в 1818 году — год выхода этой работы в свет — Кательников находился под арестом и подвергался усиленным допросам. Не выдержав их, он отрекся от своих религиозных сочинений, признал их «ложным учением» и пообещал: «буду сын святые и православные церкви и веры истинной и послушный».

Однако обещания своего донской бунтарь не сдержал. Он продолжал публично поносить церковных деятелей. Доставалось от него и светским властям, и даже могущественному графу Аракчееву, который, по словам Катель-

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 228.

никова, проповедовал одно, а делал совсем другое — «противное совести человеческой».

Свидетельства о злоключениях Кательникова оставил раскольничий священник из города Балты Феодосий Левицкий, много походивший по Руси в «поисках истины». В 1826 году он побывал в Петербурге, затем посетил Каневский монастырь, где услыхал о печальной судьбе Кательникова. Записки Левицкого опубликовал в 1880 году журнал «Русская старина».

Евлампия Кательникова привезли в Петербург и отдали «на испытание, а паче на увещание бывшему тогда Юрьевского монастыря архимандриту Фотию». Тот поручил заняться бунтарем своему ученику иеромонаху Аполлосу, который после двухнедельных бесед признал его правоту. Это переполошило церковников, и они устроили суд не только над Кательниковым, но и над Аполлосом. Левицкий так описывал это судилище: «Несколько архиереев, архимандритов и прочих сановников слушали их объяснение, но как они горячо и с ревностью обличали действительные пороки и многое развращение вообще христиан, а наиболее духовного чина — так что даже Аракчеева, по явнейшим злобным действиям, выставляли прямо как зверя или антихриста, а архимандрита Фотия, по соблазнительнейшим поступкам его к крайнему превозношению, за лживого пророка, то и были они от сего собора без пощады осуждены».

Аполлоса осудили на строгое заключение, а Кательникова продержали в Шлиссельбургской крепости с августа 1825 года по март 1826 года. Затем его отправили в Архангельск, а оттуда — в Соловецкий монастырь, который с конца XVI века был местом заключения церковных отступников и «государственных преступников».

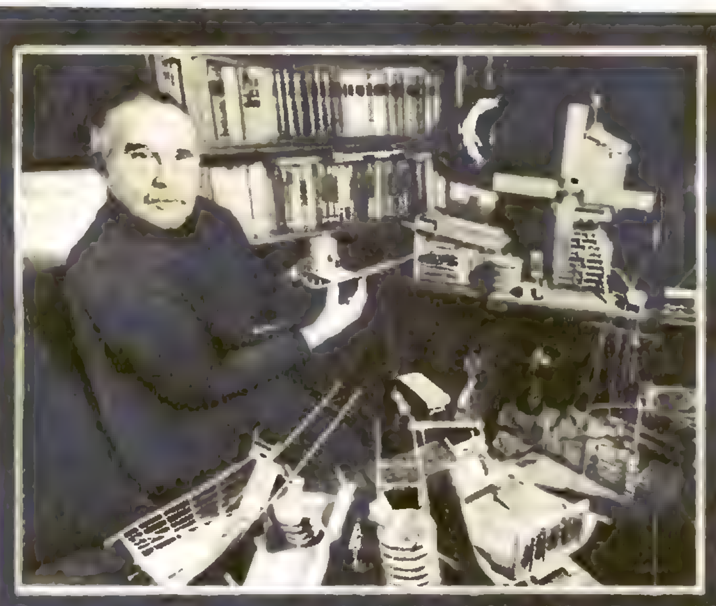
В верхнем этаже острога было 16, в нижнем — 11 камер. Но самыми страшными были так называемые земляные тюрьмы — ямы в полтора-два метра глубиной, обложенные кирпичом. Туда опускали закованного в кандалы арестанта. Режим был очень суров, питание — хлеб и вода. За нарушение правил узников подвергали наказаниям — били на «лобном месте» батогами и розгами или сажали на цепь. В 1835 году, не выдержав издевательств, один узник убил солдата-стражника. Была назначена ревизия, которую производил жандармский подполковник Озерецковский. Даже он нашел положение заключенных крайне тяжелым и отмечал в своем докладе, что «многие арестанты несут наказания, весьма превышающие меру вины их». И в таких условиях узники проводили по несколько десятков лет.

Все эти круги тюремного ада прошел и Евлампий Кательников. Однако сломить его дух не удалось. Сохранилось донесение тюремного начальства в Петербург, из которого следовало, что «есаул Кательников только по наружности кажется набожным, но эту набожность прикрывает лицемерием, в церковь ходит редко; не признавая себя, однако, принадлежащим к ереси ...считает себя умнее всех».

Е. Н. Кательников умер в марте 1854 года и был похоронен без церковного обряда за монастырской стеной. В глухую пору царской реакции он не примирился с ложью и лицемерием в церковной и светской среде, поднял голос протеста, погиб, но остался верен своим убеждениям. Таков был прадед А. Серафимовича, и писатель имел все основания им гордиться.

г. Каменск
Ростовской области

Миниатюры Михаила Кузнецова

Сделанная М. И. Кузнецовым действующая модель ветряной мельницы из села Захаровское Вологодской области демонстрируется в музее-заповеднике «Коломенское».

Удивительные вещи можно увидеть в этой квартире. На стеллажах — крохотные сани, миниатюрная ветряная мельница, затейливые деревенские домики, прялки, бороны, сохи и другие предметы уже ушедшего от нас сегодня крестьянского быта. Многие из них даже не знакомы современному человеку. Все это сделал Михаил Ильич Кузнецов.

Уроженец архангельской деревни, он в детстве занимался крестьянским трудом. Затем окончил институт, строил заводы, домны, но с родными местами связи не терял. Приезжая в деревню, радовался изменениям, росту и расцвету колхозного села. Но очень хотелось ему сохранить для будущего уходящие приметы жизни крестьянина, который при помощи нехитрого инструмента делал из дерева удивительно красивые и удобные вещи.

И вот, выйдя на пенсию, Михаил Ильич решил воскресить позабытое из материальной культуры северной деревни. Он стал делать миниатюрные модели крестьянской утвари и построек. Хотя многие его работы умещаются на ладони, они в мельчайших деталях воспроизводят подлинные вещи. Причем они действующие и сделаны из тех же пород дерева, что и настоящие.

Эти буквально ювелирные работы дают нам представление о жизни и труде русского крестьянина в прошлом, когда землю обрабатывали сохой, пряли при лучине, по праздникам качались на деревянных качелях, ездили в расписных санях, возили лес на дровнях. Часть своих изделий мастер передал историко-краеведческому музею подмосковного города Зеленограда. И они теперь служат как бы вещественным посредником между духовным миром современного человека и духовным миром его предков.

Фотохроника ТАСС

ПЕРВОЕ УБИЙСТВО

Ганс МАЙБАУМ

● В главной редакции восточной литературы издательства «Наука» готовится к публикации перевод книги известного журналиста-международника из ГДР Ганса Майбаума «Сирия — перекресток народов», вышедшей в Лейпциге в 1976 году (второе издание — 1979 г.).

Книга Г. Майбаума, прожившего около восьми лет на Ближнем Востоке, — своеобразный экскурс в историю и рассказ о настоящем Сирии, об исторических и политических судьбах народов, которые на протяжении веков жили и живут в этой части Ближнего Востока. Автор ведет читателя в древнейшие города мира — Дамаск и Иерусалим, в Пальмиру и Баальбек, в Иерихон, Аммон и Бейрут, в царство финикиян, к номадам Сирийской пустыни, к рабочим современных фабрик, даже в гарем паши...

Многочисленные встречи и беседы с людьми различных социальных слоев — крестьянами, ремесленниками, торговцами, рабочими, педагогами — позволили Г. Майбауму не только узнать, увидеть, но и понять и объективно оценить достижения Сирии на пути прогрессивных преобразований, показать ее еще нерешенные проблемы.

Редакция намерена опубликовать несколько фрагментов из книги Г. Майбаума. Предлагаем читателю первый из них.

Энергичные бюро путешествий доставляют туристов, интересующихся историей возникновения рода человеческого, из Багдада в Эль-Курну, к тому месту, где Тигр сливается с Евфратом. Здесь был рай — по крайней мере, в этом клянутся служащие бюро путешествий и бургомистр небольшого местечка, — где Еве удалось соблазнить Адама.

Но наша история — не об Адаме и Еве и не об их грехопадении. Нас занимают последствия, которые оно повлекло за собой — важные для рода человеческого вообще и для нашей истории в частности. Ведь если бы этого не произошло, то все старания, усилия и искусство, которые создатель проявил при сотворении Адама и — надо признаться — Евы также, были бы потрачены напрасно. И ему в дальнейшем пришлось бы сотворять самому каждого человека в отдельности, а это, несомненно, очень скоро наскучило бы ему. Таким образом, род человеческий избавил его по крайней мере от этой работы: сотворенный однажды, он дальше размножался сам!

«Адам познал Еву, жену свою, — перевел сдержанно Мартин Лютер, — и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от господа. И еще родила брата его, Авеля. И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец». После того как оба выросли, они, как сообщает Библия, поссорились — по-видимому, из-за того, что господь неодинаково оценил их труд. Каин почувствовал себя обойденным. «И сказал Каин Авелю, брату своему: пойдем в поле. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (книга Бытие, гл. 4, ст. 1, 2, 8).

И тут начинается наша история...

Согласно арабскому преданию, в основу которого легли, как правило, христианские и еврейские легенды, это первое в истории человечества преступление совершилось неподалеку от вершины горы Кассьюн, вокруг которой раскинулся город Дамаск. Шекспир тоже, по-видимому, знал об этом. В первой части «Генриха VI» Винчестер говорит Глостеру:

Ты отойди, не двинусь ни на шаг.
Здесь твой Дамаск, будь Каином проклятым,
Коль хочешь, брата Авеля убей.

Причина, побудившая совершить это кровавое преступление, излагается в Библии не очень понятно, зато в арабском варианте она представлена вполне конкретно: здесь, конечно, замешана женщина! Оба, Каин и Авель, любили свою сестру — в Библии о ней не упоминается. Оба хотели на ней жениться. Вероятно, Авель, который был моложе, имел больше шансов. Вот почему его убил Каин. Стало быть, ревность послужила мотивом самого древнего убийства!

...Узкая тропинка проходит по каменистой осыпи. Четверть часа, и я у цели — на месте преступления! Стена примитивной каменной кладки поднимается передо мной. Арабский географ Ибн Баттута, в свое время больше других путешествовавший по свету, упоминает о ней в своих путевых заметках уже в середине XIV века. Маргат ад Дам — грот крови, так называют его арабы. Стена окружает старую мечеть. Грот уходит глубоко в скалы. Трудный подъем стоил того. Не из-за древних пещер и выемочных камер, в которых услужливый сторож показывает мне капли крови, имеющие якобы отношение к ужасному преступлению, происшедшему несколько тысяч лет тому назад. Подняться стоило из-за удивительно красивого вида, открывающегося отсюда на Дамаск. Незабываемое зрелище!

Сирийцы уверяют, что их столица — самый древний город на земле. Дамаск действительно относится к древнейшим из существующих в мире постоянно населенных мест. Его название встречается уже в египетских текстах 18-й династии (примерно в 1500 г. до н. э.) и на ассирийских плитах.

Арабский вариант легенды об убийстве Авеля рассказывает, что Каин, не зная, как поступить с мертвецом, водрузил своего брата на плечи и носил его так 40 лет — данные времени, разумеется, значительно колеблются, — пока не увидел, как с неба упали два ворона и стали бороться. Один из них убил другого и зарыл его. Увиденное Каин воспринял как перст божий: он выкопал яму, положил в нее Авеля и засыпал землей. Это место первого захоронения также можно посетить. Арабы его чтят...

Я уезжаю из Дамаска по дороге, ведущей на Бейрут, в сопровождении Ахмеда Коша, молодого сирийского учителя. Наша машина обгоняет поезд. Сегодня пятница, у мусульман — праздничный день. Тысячи жителей столицы используют выходной, чтобы выехать на высокогорное плато Зебдани. Хотя ореховые деревья у железнодорожной насыпи, а часто и скалы, сквозь которые проложена дорога, находятся в опасной близости, сотни молодых людей висят на наружных стенках вагонов, стоят на подножках, выступающих наружу, крепко держась за открытые окна. Никто не пытается воспрепятствовать такому легкомыслию.

Сначала я думал, что переполнены вагоны. Ничего подобного! Ахмед указывает на пустые купе. Только потому, что

Верующие считают, что в этих местах — у слияния рек Тигр и Евфрат находились библейские райские сады. Рекламный щит на арабском и английском языках и старое дерево напоминают путнику об этом.

это волнует, что это опаснее и уж, конечно, веселее, молодые люди стоят снаружи. Они машут нам, смеясь, и, как только поезд равняется с абрикосовой рощей, оттягиваются особенно сильно, чтобы сорвать с веток несколько плодов. Некоторые спрыгивают на повороте, потому что отсюда им ближе добираться в свою деревню. Ну, что с ними может случиться! Все ведь в руках Аллаха. А если что и случится, они все равно, несмотря на все предосторожности, не смогли бы тому воспрепятствовать. «И в несчастье проявляется воля Аллаха», — цитирует Ахмед из своего словаря пословиц.

Дорога проходит через живописные деревни и наконец приводит нас к деревне Сук вади Барада. Отвесные голые скалы окружают долину. На одной из гор поднимается — издалека видно — белый купол над мавзолеем: могила Авеля. Там, над долиной, он, как утверждает легенда, обрел покой. Путь к вершине трудный. Мы рады, когда наконец добираемся до цели. И здесь тоже — простая каменная стена, образующая два небольших помещения, под куполом — могила длиной в шесть метров и шириной в метр. Она плотно покрыта ковриками и платками, зелеными, желтыми и красными.

Мы недолго остаемся единственными посетителями. Останавливается автомобиль с иорданским номером. Поразительно, сколько арабов может уместиться в одной машине. Я насчитываю семь взрослых, выползающих из нее, как из волшебного кулька. Ватагу ребятишек пересчитать не могу. Посетители привезли с собой новые платки и кладут их на могилу, один вешает на стену метровую свечу. Женщина подводит больного ребенка, отрывает кусок материи от его рубашки и привязывает к железной решетке, где висит уже много таких лоскутков. Ахмед объясняет, что мать таким образом надеется вернуть здоровье ребенку.

— Ну, теперь ты понимаешь, какие проблемы нам нужно еще осилить! — добавляет он с негодованием.

Я успокаиваю его: в индустриальной ФРГ тоже есть знахари и гадалки, их услугами пользуются даже видные политические деятели. Он кивает:

— Да, это верно, все зависит от социального устройства общества.

Позднее он мне объяснит, что это место — могила Авеля — в далеком прошлом, в античное время, называлось Абле. Здесь была столица римской тетрархии Авилине, упоминаемой в Евангелии от Луки. Стало быть, связь легенды об Авеле с этим местом основывается на смешении имен.

Но заблуждения очень живучи. В конце концов, эта легенда говорит о событиях начала истории человечества и о чудесах. Что в сравнении с ними значат для людей воспоминания о римлянах всего лишь двухтысячелетней давности? Руины этого периода в некоторых частях Сирии можно встретить в каждой деревне. Римские колонны используются там в качестве подпорок для жилищ и хлевов. Коринфская капитель в Европе — украшение музея, а здесь служит старикам скамейкой перед домом. Ну что ж, удовлетворимся тем, что мы побывали на могиле Авеля!..

Даже сознавая опасность вызвать гнев моих сирийских друзей, я в интересах правды должен сказать: есть места еще более древние, чем Дамаск. Например, Иерихон, оазис неподалеку от того места, где Иордан впадает в Мертвое море.

Как Дамаск живет от реки Барада, так и Иерихон питается водой Айнес-Султан — источника Султана. Его именем арабы называют холм севернее города Телль эс-Султан. Уже в начале нашего века он привлек внимание археологов и считается еще и сейчас одним из важнейших археологических памятников.

Между 1907 и 1908 годами немецко-австрийская экспедиция под руководством профессора Эрнста Селлина и Карла Ватцингера натолкнулась во время раскопок на две параллельно идущие крепостные стены из высушенного на солнце кирпича. Археологи определили, что построены они между 1800 и 1600 годами до нашей эры. Понятно, что их быстро связали с теми, которые, по сообщениям Библии, разрушали при осаде Иерихона иудейские племена мощными звуками труб.

Во время раскопок археологи натолкнулись на слои строительного мусора, которые для науки были еще интереснее, чем находки, якобы подтверждавшие сообщения Библии. Но первая мировая война приостановила дальнейшие исследования. Прошло больше 20 лет, пока британская экспедиция под руководством профессора Джона Гарстинга продолжила раскопки, но вскоре они снова были прерваны из-за трудного политического положения. И только после второй мировой войны, в 1953 году, британскому археологическому отряду во главе с доктором мисс К. М. Кенион удалось сделать сенсационное открытие, решительно изменившее наши представления об истории человечества в этом районе. Исследователи пробирались сквозь 40 культурных слоев и обнаружили поселение новокаменного периода с громадными постройками.

Вероятно, их соорудили собиратели растений и охотники. Мощные каменные стены с оборонительными башнями высотой в 10 метров окружали территорию примерно в 10 моргенов*, на которой в круглых, похожих на палатки, домах жили примерно 2000 человек. С помощью новейших научных методов было установлено, что самые древние стены этого города относятся к VIII тысячелетию, то есть их возраст примерно 10 тысяч лет. Таким образом историки получили представление о технических возможностях, которыми располагало тогда человечество.

Между прочим, одного не нашла мисс Кенион — черепков, обычно самого надежного источника археологических оценок. Жители круглых домов еще не знали гончарного искусства. Поэтому ученые говорят об этом периоде как о предкерамическом неолите.

Иерихон расположен западнее реки Иордан. Территория его с июня 1967 года оккупирована Израилем. Когда я собирался в поездку в мае того года, я не предполагал, что Иорданская впадина станет ареной борьбы, что мирную ее тишину разорвут гранаты и стоны умирающих...

Путешественник покидает Амман, столицу Иордании, по хорошей дороге. Машина пересекает безрадостную, голую, покрытую кратерами местность, напоминающую лунную поверхность, и приближается к Иордану. Только на расстоянии нескольких метров от реки — справа и слева по берегам пробивается оживляющая ландшафт зелень. Сразу же за мостом короля Хуссейна боковая дорога ведет к озеру, которое с седых времен называется Мертвым морем. Я решил переночевать в современном отеле. Кто же может устоять перед соблазном отдохнуть в этом знаменитом месте, где все в превосходной степени? Это самая низкая точка на земной поверхности. Озеро самое соленое на земле: в одном литре воды содержится 200 граммов соли (для сравнения можно напомнить, что в Средиземном море ее 35 граммов, в прибрежной части Балтийского моря — примерно 2—4 грамма на литр воды). И оно самое известное — по легендам Ветхого завета.

Море питают Иордан и несколько небольших речек, а оттока оно не имеет. Однако притока воды недостаточно для того, чтобы возместить испарение. В этом секрет столь большого и постоянно увеличивающегося содержания соли, что в свою очередь исключает возможность всякой жизни в водоеме. Рыбы, попавшие в озеро с быстрым течением воды Иордана, погибают в течение одной минуты.

Несколько километров пути от озера-моря — и мы въезжаем в город. Транспарант, натянутый поперек улицы, приветствует: «Добро пожаловать в Иерихон!» Более резкий контраст, чем между серо-коричневой, почти лишенной растительности каменистой местностью и сочно-зеленым оазисом едва ли можно представить. Высокие пальмы растут по обе стороны дороги. Мы проезжаем несколько фешенебельных вилл. Цветущие кустарники и деревья украшают сады. Красным и золотым отливают финиковые кусты. Перед современным зданием кино стоит большая группа молодых людей. Примерно километрах в двух за городом мы у цели. Проволочный забор огораживает территорию раскопок. Разумеется, путь в далекие тысячелетия не бесплатен — покупаю билет...

И вот я хожу по земле древнего Иерихона. Можно легко различить вал с вырубленным в скале рвом в девять метров шириной и три — глубиной. Полностью откопана башня. Сажусь на краю рва и болтаю ногами над пропастью. Хромой сторож садится рядом со мной, когда я предлагаю ему сигарету. Он немного говорит по-английски: был солдатом в Арабском легионе, а ногу ему прострелили в 1949 году, во время первой арабо-израильской войны. Словно угадав мои мысли, он показывает на мощные крепостные сооружения, которые говорят о том, что жители древних поселений тоже не чувствовали себя в безопасности. Во время раскопок были найдены даже останки убитых, рассказывает он мне; поселение было завоевано, вероятно, в VII тысячелетии — так думают археологи. «Война и снова война, уже десять тысяч лет назад!» — горестно говорит сторож и стучит костылем по своей деревянной ноге. Мы оба не подозреваем, что в этот момент уже полным ходом идет подготовка Израиля к нападению на соседние арабские государства и через какие-нибудь три недели она принесет новые страдания в долину Иордана...

Перевела с немецкого Т. РАЙСКАЯ

*Морген — немецкая земельная мера, 0,25 гектара.

Дневник викарного епископа

Клаус ШТИЛЛЕР

22.7.

Праздник святой Марии Магдалины. Неожиданно приехала Анна-Мария. Подробный отчет о контактах с д-ром Фрошем. Абсолютно на нашей стороне! Просто он отказывается сейчас играть роль инквизитора, который носится вокруг, собирая хоть какие-нибудь улики. С чисто медицинской точки зрения здравому смыслу противоречит сама попытка восстановить в памяти после полного обновления клеток мозга события 25-летней давности. Да еще возвести это в ранг серьезного свидетельского показания. Ничего нет более естественного и заслуживающего доверия, чем сегодняшние утверждения многих обвиняемых, принимавших участие в военных событиях: «Не могу вспомнить». Да и у него лично о тех ужасающих днях осталось весьма смутное воспоминание. А прежде всего, часто не знаешь: сам ли пережил то или иное событие, увидел ли в кино, или вычитал в книге или газете.

Он, Фрош, просто удивлен феноменальной памятью епископа (т. е. моей памятью). И, конечно же, полагает Фрош, все было бы гораздо проще, если бы я заявил: «Ничего не помню!»

Во всяком случае, у Анны-Марии, которую я считаю умнейшей женщиной среди католичек нашего епископства, сложилось впечатление, что дело уже закончено, неважно, что последует еще. А лично я не могу отделаться от чувства, что Фрош по собственному опыту знает слишком хорошо, что означает приказ о чрезвычайном положении. И потом: как принимать решения, которые исключительно неприятны исполнителям.

После обеда... Еще никогда не видел Анну-Марию такой возмущенной. Она требует тщательного «просвечивания» политического прошлого всех тех борзописцев, которые теперь корчат из себя совесть мира. С покрасневшим от гнева лицом она заявила: «Лейтенант Аугштейн, к примеру, сидел на таком теплом местечке, где можно было сочинять стихи о русской зиме! И если они немедленно не прекратят в своих газетенках нападки на нашего епископа, господина кардинала и церковь, то не будет выхода и придется основательно заняться этими писаками и их человеческим и политическим прошлым. Каждым в отдельности!»

Также и Анна-Мария считает, что подобная журналистика может произрастать и процветать лишь на обильном дерьме. И вообще на участие в таком разговоре право имеет лишь наше поколение. «И у нас есть право, — говорит Анна-Мария, — на таких пастырей, которым знакомы тяготы того ужасающего времени и наша потребность в совести. Наше поколение не возвеличивает войну и не преуменьшает ее мерзости. И мы уже сыты по горло той однобокостью, с которой немецкая пресса освещает военные события. Наши мужья, отцы, братья и друзья прошли сквозь ад войны, и порой «смерть за Отечество» была зверским убийством наших парней партизанами и солдатами, которые не придерживались правил ведения войны».

Анна-Мария, возможно, изложит по моей просьбе эти мысли и для широкой общественности (это будет первое ее письмо читателя за всю жизнь). Сначала мы шли под жарким июльским солнцем мимо зреющих посевов, а потом присели отдохнуть под тенистым сводом гигантской липы. Разговор коснулся религиозной темы (целомудрие и воздержание), и я признался, что с на-

Продолжение. Начало см. в № 9.

Рисунок А. Бисти.

чала травли против меня не дотронулся до сладкого, и все во имя божьей матери. А так как страсть к лакомству давно уже здорово мне досаждала (это один из главных моих недостатков), то тем значительнее для меня эта жертва. Анна-Мария сказала, улыбнувшись: «Рассматривай это как наказание!»

Пришлось, когда мы вот так сидели под деревом, многократно взывать про себя к святому духу, чтобы он освободил меня от искушения непристойных мыслей.

Вечером... После отъезда Анны-Марии сделал кое-какие закупки в деревне. Когда я спускался по дороге к дому, заметил фотографа, который делал вид, будто интересуется архитектурой домов и красотами горного ландшафта. Нужно быть полным кретином, чтобы сразу не распознать в нем репортера.

После ужина тот же человек стоял уже перед дверью дома. Хотя я условился с кардиналом не высказываться о тогдашнем бедствии, я все же вынужден был теперь как-то отреагировать. А так как молодой человек не вызывал антипатии, то, стоя на пороге, я ответил на полдюжины его вопросов. Магнитофон я заметил лишь тогда, когда наш разговор уже подходил к концу. Вот так все время попадаешься на удочку...

23.7.

Среди бывших камрадов тоже имеются иуды!

Так, денщик моего тогдашнего адъютанта Хейдкампа, некий Мартини, якобы припоминает, что в свое время я прямо-таки с нетерпением ждал, как бы мне «прикончить» соответствующее число жителей деревни. Все другие офицеры, утверждает этот Мартини, в принципе не одобряли экзекуцию. Несколько дней после нее я был якобы «недосягаем». И меня упрекали: «И как ты только мог пойти на такое перед самым концом?» Этот Мартини, очевидно, забыл, что именно я всегда заступался за ненадежных людей его породы. Среди моих подчиненных не было случаев ни мародерства, ни изнасилований. Разумеется, бандитские нападения я осуждаю и по сей день. К настоящему времени ответственный за все происшедшее генерал Янсен приказал долго жить. А исполнители приказа о смертной казни сваливают всю вину на меня. «Люди уже выдохлись окончательно, — говорит Мартини. — Они только нажали на курок. Но они не возразили бы, если бы капитан приказал отпустить заложников».

Лейтенанту Эрхарту, кажется, мои терзания незнакомы. Он действует по совету д-ра Фроша: полное выпадение памяти. Он, руководивший тогда экзекуцией и исполнявший приказ о расстреле, вообще никогда со мной не встречался. При этом у него проскользнуло признание об участии в расстрелах банд в Югославии. Правда, это могло ему и присниться. Ведь снятся же нам иногда гнусные преступления. Между прочим, после войны Эрхарт тоже сначала изучал теологию (но, видно, только из страха перед предстоящей денацификацией. Потому что, как только небо прояснилось, он тут же переквалифицировался в учителя).

24.7.

Анна-Мария организовала для церковной газеты интервью с обер-прокурором Фрошем. Он объясняет, почему приостановлено расследование, а продолжение его маловероятно.

Некоторые из принципиальных положений обер-прокурора: в качестве крайней меры во время войны дозволен расстрел заложников. В оккупированных районах необходимо поддерживать покой и порядок. А в данном случае всему предшествовало такое поведение населения, которое противоречит международному праву (бандитское нападение!). Подобные расстрелы заложников можно рассматривать определенным образом как коллективное наказание, которое карает за нарушение международных прав, умерщвление подобных виновных лиц максимум есть убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего душевного волнения. И все обвинение, стало быть, как максимум могло бы звучать: «Пособничество в убийстве, совершенном в состоянии внезапно возникшего душевного волнения». Но подобное правонарушение неподсудно по давности.

Фрош заявляет, что вообще не надо было возбуждать никакого дела. Ибо нет состава преступления — не доказано, что отбор заложников и последовавший за этим расстрел, как таковые, были противозаконны. Для решения вопроса о возбуждении дела достаточно было бы установить, что речь здесь не шла о приказе из низменных побуждений. Вывод: погашено за давностью. Единственный изъян тот, что в таком случае с уголовно-правовой точки зрения остается открытым вопрос вины.

25.7.

Сон... Мартини, под видом репортера, проникает в ризницу. Я ускользаю в алтарь, но внезапно оказываюсь в ванной. Когда я указываю ему на дверь, он вытаскивает из-под кожаной куртки свой личный солдатский знак. На нем выбито: «Лейбштандарт Адольф Гитлер». И тут я ему выкладываю: «Вы что, уже успели забыть, как я защищал вас от многочисленных членов партии в части?! А теперь вы вдруг без оглядки попираете конституцию!» Мартини: «Приказ есть приказ!» Я хочу ему сказать, что не выжидал случая, чтобы уничтожать людей, а он уже нацелил на меня пистолет. В последнюю секунду вспоминаю о своем священном перстне епископа, осторожно навожу его на Мартини и своими освященными пальцами, будто пистолетом, целюсь ему в голову. С улицы доносится звук фанфар, переходящий в вой сирены...

Проснувшись, слышу мычание коровы из хлева.

Итальянский коммунист и депутат парламента Чезаре выдвинул в Италии против меня обвинение: «Массовое убийство». Хочет добиться моей выдачи. Тем не менее я все же смею надеяться, что римская курия энергично выступит против.

26.7.

Итальянская юстиция вроде бы начала предварительное расследование. Синьора Чезаре и его друзей поддерживают многие. Итальянцы обвиняют меня даже в «кровавой бойне». Это дело в Италии не может быть прекращено за давностью.

Мне нечего возразить, по существу, против серьезной и честной проверки обстоятельств тогдашнего бедствия. И хотя требовать подобного расследования сам я, разумеется, не стану, но не стану и препятствовать ему. Физически я в какой-то мере бодр, а вот нервы на пределе. Хотя высадка на Луну удалась, интерес к моему «делу» тем не менее не остывает.

Тот, кто сейчас вновь и вновь требует моей немедленной отставки, должен себе отчетливо представить, что добивается как раз противоположного! Еще никогда за все время моей духовной карьеры я не получал столь много знаков искренней привязанности, как за последние недели. Простой человек твердо знает, что справедливо, а что — нет. Я получил уже около 700 посланий, личных писем и т. д. Все они единодушны в оценке той роли, которую сыграла в моем деле определенная пресса. К этому добавляются заявления, высказывания и свидетельства солидарности со стороны различных организаций и союзов, а также лиц, занимающих в обществе высокое положение. И не в последнюю очередь от бывших камрадов, которые в данном случае могут лучше судить о вопросах совести, чем те, кто никогда не был солдатом.

В начале травли, развернутой против меня, я еще раз как следует попытал свою совесть и сам поставил перед собой вопрос о немедленной отставке. Попутно замечу, что, по существу, я никогда не стремился к моему нынешнему положению и более высоким постам в церкви. За семь с половиной лет моей службы секретарем епископа я имел возможность настолько хорошо ознакомиться изнутри со всеми тяготами, нуждами и заботами, связанными с исполнением обязанностей епископа, что каждому, кто стремится к такому посту, посоветовал бы тоже побыть сначала таким секретарем — хлопот у него выше головы. И от этой моей должности, и от всех моих постов, а также от моего епископского сана я ведь подумывал отказаться задолго до того, как мне это стали настоятельно рекомендовать умные советчики, причем из лагеря католиков тоже. Но мои руководители (и в первую очередь кардинал) нашли, что будет правильнее подождать окончания этой политической дискуссии, затеянной эмоционально подогретой «общественностью». Я подчинился этому желанию моих наставников.

27.7.

Воскресенье. Местный священник попросил меня помочь ему сегодня отслужить торжественную мессу. Предложение принял с радостью — хочу снова получить возможность прочесть проповедь. Я говорил об уверенных в своей правоте фарисеях, которые рядятся под кротких ягнят, будучи хищными волками. Среди верующих господствовала мертвая тишина. Конечно же, я не упустил возможности добавить кое-что к своей проповеди. «Не будем испытывать сладострастие от зла!» (Испытывать сладострастие в двойном смысле: с одной стороны, от копания в мнимых позорных делах ближнего; с другой стороны, буквально — от осквернения собственного тела.)

Под клиросом, разумеется, стояли две фигуры, делавшие вид, будто они ужасно набожны. Но вели себя как типичные протестанты. При Ecce Agnus они слишком поздно стали на колени. А при Ite Missa невпопад перекрестились. Не

успел я снять ризу, как один из двоих уже стучал в дверь ризницы. Я лишь сказал: «Исчезните! Иначе схлопочете по шее!» Затем поднялся на колокольню, чтобы посмотреть, как господа будут удаляться.

Теперь так много говорят о несчастных жертвах. Но единственная жертва — оставшийся в живых епископ! У меня требуют ответа за подвергшихся наказанию 17 заложников. Стоит кому-либо замолвить за меня доброе слово, и ему придется сносить самые невероятные оскорбления. Хотят, чтобы я наконец высказал свое отношение к обвинениям в мой адрес. Словно мой духовный отец уже не сказал все самое необходимое.

Довольно печально, что из Ватикана раздаются голоса, похожие на голоса из Кремля. В то время как «Правда» обвиняет меня в участии в «бандитских налетах на советской земле», архиепископ Паоло Чезеттини, к примеру, дает интервью, в котором требует мою голову. Папа лишь одним своим уверенным и решающим словом мог бы пресечь всю эту враждебную церкви возню.

Когда я спустился с колокольни, внизу меня ждала большая радость. Перед домом моих родственников стоял мерседес кардинала. Кардинала я нашел в доме за бокалом вина. Мне сразу стало ясно: время моего уединения истекло. Спустя час мы уже были в дороге. По пути я узнал важную новость: сверхторопливый Кнепфле ушел (по совету кардинала) в отставку. И закадычный друг Кнепфле, председатель католического союза молодежи нашей земли Пауль Беккенбауэр последовал его примеру.

28.7.

Д-р Фрош допросил Эрхарта! Анна-Мария, сообщившая мне это, сказала, что несколько дней тому назад Фрош намекнул ей: допрос преследует только тактические цели. У Фроша должно быть оправдание перед прессой — мол, допрос Эрхарта «не дал никаких новых поводов для возбуждения дела против епископа (меня)».

Эрхарт, еще несколько дней назад безапелляционно утверждавший, что ему не знакомо даже мое имя, теперь говорит без умолку. Перед обер-прокурором он пытается сейчас свалить на меня всю ответственность за кровавую бойню, устроенную его подразделением (над чем я могу лишь посмеяться). Мне следовало бы оставить его одного в той сложной ситуации. Тогда бы я уберег его, в ту пору зеленого лейтенанта, от столь тяжкого бремени.

Вечером... Нахожусь в новом убежище на окраине города. Анна-Мария и ее муж сами предложили мне свой летний домик: «Пока это все не кончится и снова не наступит покой». Здесь немного одиноко и почти по-монашески скромно, но довольно уютно.

Словно сегодня у меня день рождения: кто-то позаботился (канцелярия? Анна-Мария? кардинал?), чтобы в мою комнату поставили корзину с ветчиной, колбасами, франконским вином и пивом. Не забыли даже о подогревателе для пива! Кроме того, в моем распоряжении переносной телевизор. Стало быть, я не совсем отрезан от мира.

Просматривая последнюю почту, нахожу в высшей степени справедливое письмо от пяти бывших камрадов по кампании в России. Повторное свидетельство моей образцовой человечности при обращении с русским гражданским населением: «...Он не делал никакой тайны из своих антинацистских взглядов. Это обстоятельство дважды чуть не привело его на скамью подсудимых, потому что свои взгляды он выражал не только в узком кругу, но и неоднократно перед всем подразделением. Он был в прямом смысле слова христианином не на словах, а на деле, что выражалось не только в человечности при командовании ротой, но и в его обращении с русским гражданским населением и зачастую в нелегких заботах о военнопленных.

Совершенно исключено, чтобы человек столь высоких моральных качеств мог так измениться в своих взглядах и поведении, как это явствует из последнего сообщения. Если капитан Д. и отдал упомянутый приказ, то, по-нашему мнению, отнюдь не по собственной инициативе, а лишь под сильным давлением сверху и по причине действительно крайней необходимости в таком приказе.

Мы не в состоянии понять, как общественность может верно судить о человеке, не зная его самого и тех обстоятельств. Мы чувствуем настоятельную потребность сказать все это из элементарного чувства справедливости и точного знания личности капитана Д. перед лицом искажающих факты тенденциозных корреспонденций».

Другое послание («Союз мужских католических обществ земли») поднимает вопрос о том, как ведет себя человек в условиях экстремальных, в обстановке чрезвычайного положения, введенного приказом. Умный намек на мою особую ответственность за подчиненное подразделение — например, за спасение вверенных мне людей, а также за сохранение важной техники.

29.7.

Братскую заботу обо мне проявляет совет епархии, как бы разделяя со мною мою тяжкую ношу. Его аргументация сводится к трем моментам: все упреки против меня необоснованны; решение о назначении меня епископом не должно пересматриваться; желательно объективное изложение «дела» и в прессе.

Летний домик я назвал «приют для умственных упражнений». Одиночество дает мне наконец достаточно досуга, чтобы набросать конспект выступления на пресс-конференции, которой все прямо-таки требуют. Важнейшими представляются мне следующие аргументы: кто желает судить о том, что произошло, должен ответить на один вопрос: а сколько ему, собственно, лет? Ибо те, кто 25 лет назад еще лежал в пеленках или бегал в коротких штанишках, не имеют права открывать рта. Необходимо также принципиально различать, кто фронтовик, а кто так называемая «тыловая крыса», или точнее — симулянт. Из людей моего поколения обсуждать происшествие могут лишь те, кто знает, что такое рукопашный бой, — те, кто непосредственно был на фронте.

Эти люди — миллионы немецких мужчин — в большинстве случаев шли на войну не по собственной воле и в целом не несут ответственности за действия во время войны, никакой политической ориентации у них тогда не было. В конечном счете они были не более чем инструмент в руках ответственных лиц, отдававших приказы. Рядовой солдат не был подготовлен к бандитизму партизан. Не открытый бой, а убийство из-за угла — вот что подкарауливало честного солдата, который воевал по старым мужским законам. Страх перед партизанами! Это — не бой, а лишь боязливое выжидание. Кто выстрелит первым, тот и победил.

И если сегодня прославляют партизан типа Че Гевары, то можно сказать: этот драконов посев партизанщины ведет к прямому возмездию расстрелом заложников. Брать заложников было запрещено международным правом лишь в 1947 году. Каждый такой расстрел воспринимался нами как хотя и жестокая мера, но вместе с тем вполне допустимое возмездие. Не только потому, что осуществлялся он согласно приказу командования и оно в конечном счете должно было нести ответственность, — нет! — а и исходя из естественного чувства справедливости. Вероломные нападения партизан и тайная поддержка их населением вызывали чувство глубочайшего возмущения наших воинов.

Потрясающий трагизм тех дней в том, что при этом проливалась и невинная кровь.

30.7.

Перед обедом меня приехали проведать Анна-Мария и Альфред с их детьми. Пока Альфред возился с ними на лужайке, Анна-Мария сообщила мне последние новости.

Опять высшие похвалы в адрес обер-прокурора Фроша. Возобновление следствия проводится лишь ради формы. О «новых свидетельствах» он говорит только для прессы, а сам собирается прекратить расследование, так как считает, что нет никаких новых сведений. Фрош, по всей видимости, относится к расстрелу заложников положительно, а приказ командира дивизии считает естественным. Дальнейшая передача этого приказа для него уже не имеет значения. Всякий нормальный человек действовал бы так же, как поступил тогда нынешний епископ. Военное положение есть именно право войны. Законность в этот период совсем иная. Ведь, как известно, даже к самим юристам, которые сегодня выносят приговоры, не следует подходить с точки зрения того, какой суд они должны были чинить тогда. Сложнейшие обстоятельства военного времени, которые могли привести к подобному бедствию, в большинстве случаев — просто рок. И это уже твоя личная беда, если ты попал под пули противника.

На ходатайство из центра итальянской провинции А. о моей выдаче Анна-Мария через нашего римского адвоката хочет ответить письменно, в самой резкой форме. Между прочим, еще никогда в истории Италии не обращались столь бесцеремонно и злобно с высоким церковным сановником. Только до наручников не дошло!..

Анна-Мария собирается в пятницу сама поехать в А., чтобы поставить на место тамошнего верховного прокурора. Она объединит деловую поездку с короткими каникулами, причем думает прихватить все свое семейство.

После обеда... Отъезд Анны-Марии и Альфреда. Продолжаю мои наброски

для возможной пресс-конференции: считал тогда, что солдату каждое гражданское лицо представлялось потенциальным партизаном. А из того, что никто из солдат моей части не стремился попасть в карательную команду, нельзя делать вывод, что кто-либо из них сомневался в законности расстрела заложников. И если в данном конкретном случае жертвами бандитского нападения пали четверо немецких солдат, то не только о них надо нам помнить. Таких жертв было гораздо больше, и это свидетельствует о смертельной опасности, которой подвергались все солдаты, и ответственность за них несли офицеры.

Опыт показывал нам: после предупреждающего расстрела заложников данный участок боевых действий мгновенно успокаивался и как бы сам собой очищался от партизан.

То, что я многократно, но безуспешно пытался «гуманизировать» приказ командира дивизии, и то обстоятельство, что мне удалось смягчить первоначальную жестокость приказа, доказывает, что я сделал все от меня зависящее. Остальное было вынужденной обороной и крайней необходимостью. Молодые люди, которые всего этого не пережили сами, и представить себе не могут, что означали для нас тогда авторитет командования, приказ, исполнение, долг и проч. проч. (достаточно посмотреть в старых газетах, как, например, церковь 25 лет тому назад относилась к проблеме отказа от исполнения воинского долга). Тем более непонятно, как Аугштейн, который сам был офицером, воевал в России, делает сегодня вид, будто не ведает, что тогда значило нести полную ответственность за вверенных тебе людей.

31.7.

В полдень приехал кардинал. Машину шофер оставил поодаль и к моему «приюту для умственных упражнений» гость прогулялся пешком. Усевшись на складных стульчиках перед этим бывшим сараем для кроликов, мы распили бутылку вина «Штейнбах» 1959 года.

По неофициальным сведениям, Ватикан весьма недоволен тем, что кардинал не поинтересовался до назначения епископом фактами, препятствующими моему посвящению. Папой римским, говорят, овладел святой гнев. И прежде всего потому, что пресса шельмует отдельные положения декрета о возведении в сан. («Нет у нас более святой и величественной задачи, чем в каждом конкретном случае назначать настоящих пастырей. Ты представляешься нам, любимый сын, с твоими талантами сердца и ума, особенно пригодным занять этот пост».) Насколько смешны эти слухи, сказал кардинал, видно уже из того, что папа, после того как ему стали известны обвинения в мой адрес, якобы несколько раз воскликнул: «Мадонна, мадонна!», — то есть упомянул имя матери божьей всуе.

Я попросил моего духовного отца об отпущении грехов. Обычно в беседах с кардиналом я никогда ничего не скрываю, говорю даже о самых интимных вопросах совести. Такие признания уже можно рассматривать как покаяние в грехах, что, разумеется, допускает современная трактовка исповеди. Уже после я вспомнил, что забыл исповедоваться в нецеломудренных мыслях, которые недавно, во время прогулки по полям с Анной-Марией никак не выходили у меня из головы.

Кардинал предупредил меня, что я должен буду побеседовать с одним тележурналистом. Дело в том, что на пресс-конференции всегда задают слишком много вопросов, а предварительная запись телевизионной беседы дает возможность исправить те или иные моменты.

1.8.

Встал очень рано, чтобы успеть пройти несколько километров до ближайшей приходской церкви — прием причастия. После литургии купил на завтрак свежие булочки. Вот так — в мирской одежде, да еще в очках от солнца меня никто не узнает. В какой-то газете прочитал, что Эрхарт отстранен от должности директора средней школы — «до выяснения выдвинутых против него обвинений». Не могу, разумеется, испытывать к нему, еще несколько дней назад отрицавшему всякое знакомство со мной, никакого сочувствия. В конце концов, это ведь он со своими людьми расстреливал заложников. Но голову-то требуют не его. И прежде всего итальянцы. Они, с их врожденной склонностью к театральным эффектам, хотят видеть, как будет повергнут епископ и как он поднимется после нокаута.

В Италии меня представляет знаменитость среди римских адвокатов Романо Туника. Завтра Анна-Мария отправится вместе с ним в А., чтобы преподать урок тамошнему обер-прокурору.

Ночью... Два часа назад закончились предварительные переговоры с неким господином Фишем с телевидения. Очень хорошо, что они проходили в присутствии кардинала. Во-первых, репортер должен был вести себя респектабельно. Во-вторых, мой духовный отец «выторговал» для меня право цензуры телевизионной беседы. Мы сидели в саду в северной части города, хорошо защищенные от взглядов любопытных и скрытых телекамер высокими каменными стенами. Завтра после обеда в этом же саду — телевизионная запись. У кардинала, к сожалению, важные и срочные дела. Вероятно, меня будет сопровождать коллега Девиус.

2.8.

До рассвета — отпущение грехов. Пожалуй, это лучшая духовная подготовка к такой решающей битве. Несколько позже за 1000 километров отсюда мой итальянский адвокат Туника, сопровождаемый Анной-Марией, должен будет внести в расследование некоторые поправки. Синьор Туника и Анна-Мария хотят разъяснить в Абруццах, что у партизан на совести четверо солдат, а не один.

Вечером... После обеда я с соблюдением строжайших мер предосторожности встретился с господином Фишем и его съемочной группой. Мы не намеревались устраивать какие-либо церемонии, а собирались сразу начать разговор. Однако какой-то подозрительный звук насторожил меня, и я незаметно оглядел сад. И правильно сделал. За кустом крыжовника притаился репортер с телекамерой наготове. Я прореагировал не сразу, дал ему возможность поплясать на одном месте. С одной стороны, чтобы продемонстрировать съемочной группе, кто здесь задает тон, с другой, чтобы показать этому парню, просто из принципа, где раки зимуют: «Кто вам дал право лезть сюда со своей вонючей камерой? Если сейчас же не испаритесь, — я вам лично отслужу персональную панихиду!» Если бы этот парень тотчас не убрался, я бы потерял самообладание. Мое решительное выступление произвело впечатление на людей с телевидения, а кроме того, имело тот эффект, что Фиш с самого начала задавал свои вопросы довольно учтиво. Девиус не произнес ни слова.

Интервью предоставило мне давно ожидаемую возможность высказаться наконец по существу. Хотя Фиш вел себя исключительно осторожно, все же на «арене борьбы» он появился, основательно подготовившись. Более того, он заготовил дюжину самых каверзных вопросов-уловок. Поначалу попытался затянуть мне петлю на шее, заговорив о моем затянувшемся отшельничестве. Я нанес встречный удар, затронув его журналистскую честь. Разговор сразу же приобрел определенную остроту. Однако мне было важнее перейти к более принципиальным вещам и прочесть господину Фишу лекцию об ответственности офицера. «Лишь тот, кто, будучи офицером, ответственным офицером, ответственным прежде всего за жизнь доверенных ему людей, хоть однажды находился в таком критическом положении, на передовой линии, когда воевать практически приходилось на два фронта, тот, по моему мнению, сможет верно оценить эту ситуацию».

Вообще мне было важно опровергнуть какую-бы то ни было моральную виновность — юридическую ведь разъяснили уже другие, более компетентные люди. Вместе с тем я подчеркнул, что чувство абсолютной невиновности не может освободить меня от определенного морального бремени.

В дальнейшем Фиш пытался наклеить на меня ярлык карьериста. Кратко и ясно я дал понять, что скрывать мне здесь абсолютно нечего. «Я не стремился к сану епископа, да и вообще к высоким должностям в церкви. Когда я был посвящен в сан священника, то целых четыре года прослужил незаметно в пригородной общине. Моим желанием было получить приход. И тут я был призван в секретари кардинала, а когда он умер, мне пришлось приводить в порядок дом и дела для его преемника. Это было тем более важно, что спустя три недели после смерти кардинала умер главный викарий (я недвусмысленно дал понять Фишу, что период моего секретарства у архиепископа, конечно же, не был сахаром). И все же, чтобы стало до конца ясно, почему я и потом сохранил должность секретаря, пришлось настоятельно подчеркнуть: новый кардинал не отпустил меня. К тому же известно, что он сверх того назначил меня своим главным викарием. И чтобы не допускать больше никаких сомнений, я сказал Фишу: «С этого момента целых шесть с половиной лет я принимал непосредственное участие во всех делах и заботах, связанных с должностью епископа. Бремя это тяжелое, и судить о нем может лишь тот, кто с ним знаком».

Фиш все больше терял свой изначальный запал. Он согласился с тем, что не честолюбие привело меня к сану епископа. И все же ему не терпе-

лось узнать, ради чего я сегодня, в столь сложной ситуации стремлюсь и далее тащить на себе этот тяжелый груз. Я указал (к величайшему его удивлению), что давно отказался бы от этого поста, если бы мои наставники (с их гораздо более компетентной оценкой общественных процессов) не решили именно тут, наконец, показать зубы прессе.

Я также заметил, что сопротивлялся моему назначению на оба поста: «Когда кардинал назначил меня главным викарием, я тоже возражал. Кардинал повторил свое назначение. Я противился этому желанию кардинала и просил его назначить меня священником в приход. Кардинал не пошел на это, а повторил свое назначение, напомнив мне по-отечески строго о моем долге послушания. Так я был назначен главным викарием. Что побудило кардинала предложить меня в епископы, в конечном счете может знать лишь бог. Но и тогда я тоже отказывался от выдвижения меня на этот пост и просил кардинала выдвинуть на него простого, благонадежного, деревенского священника. И это тоже было отклонено. Лишь после того, как все возможности предотвратить мое назначение епископом были исчерпаны, я положился на судьбу и вступил в должность. Я знаю, что люди думают об этом по-разному. Но при нынешнем плюрализме, который всеми одобряется и восхваляется, я оставлю за собой право следовать при решении сложных вопросов моему внутреннему убеждению».

После этих моих слов господин Фиш явно сник в своем шезлонге. Он лишь робко поинтересовался: «Послушание, стало быть, вы не подвергаете сомнению до такой степени, как это делают в определенных кругах?» Я ответил кратко: «Именно это я и имел в виду!» Фиш, теперь уже совершенно сбитый с толку: «Здесь я вас верно цитирую?» Я — лаконично: «Да!»

3.8.

Анна-Мария звонила из Италии: вчерашняя встреча с прокурором прошла без трений. Она пообещала ему срочно переслать документальные доказательства, в основном результаты расследования нашего обер-прокурора.

И в Италии уже не могут не считаться с тем фактом, что с немецкой стороны имелось четыре жертвы. Но какие выводы из этого делают итальянцы? Они торгуются, словно речь идет о помидорах или чесноке. Так, одна итальянская газета утверждает, что из четверых (как известно, погибших в результате бандитского террора) немецких солдат двое были расстреляны своими. Вполнеочевидно: эта лживая выдумка с душком; впрочем, она, что называется, гол в свои ворота. Если бы кто-то из наших на самом деле воспротивился приказу командования и за это был расстрелян, то сразу бы стало ясно, чем грозило тогда неповиновение солдатскому долгу. Правда, в ту пору вряд ли кто пошел бы на такую крайность. Тем самым я, конечно, признаю, что каждый в своей жизни однажды упустил случай совершить героический поступок.

4.8.

Спал беспокойно. Никак не мог дождаться своего телевизионного выступления. В 20 часов прибыл кардинал, чтобы вместе послушать передачу. Он не совсем уверен, что тактически было умно так массированно нападать на прессу, ни в малейшей степени, разумеется, не сомневаясь в правильности моих аргументов.

«Целиться надо было в первую очередь, — сказал кардинал, — в господина Аугштейна. Ибо, в конечном счете, это ведь он вытащил все на поверхность. Возможно, следовало бы внимательнее изучить деятельность этого офицера во время кампании в России. Вовсе не исключено, что для прессы это была бы кость пожирнее, чем в твоем случае. Пытался кто-нибудь повнимательнее рассмотреть военное прошлое этого моралиста?»

Кардинал нашел совершенно верным мое указание на то, что господин Аугштейн завладел сведениями обо мне недозволенными способами.

5.8.

Широкий отклик в прессе на мое телевизионное интервью.

Определенные журналисты ожидали увидеть робкого, обескураженного епископа, у которого с губ сходят только признания в раскаянии, а сейчас удивляются воинствующему слуге господа. Снова подтвердилось простое правило: нападение — лучшая защита. Едва я осмелился претендовать (еще бы!) для себя лично на основное право свободы в демократическом государстве — право на собственное мнение, как тут же на меня набросилась злобная свора безбожных писак. Ну что ж, я доволен, что высказал чистую правду. Ударили капитана, чтобы попасть в немецкого солдата и того времени, и наших дней, и вообще всех немцев, которые одобряют солдатский порядок. Ударили епископа, чтобы попасть в церковь, и прежде всего в самого неудобного для них ее представителя — в нашего кардинала.

Мнение Себастьяна Хаффнера:

Партизанская война, разумеется, противоречит международному праву. Ведь именно поэтому партизаны не пользуются защитой Гаагской конференции и Женевской конвенции: вооруженное гражданское лицо, попадающее в руки одетого в форму противника, — «партизан» или «вольный стрелок» — может быть расстрелян без особых церемоний. Но только это! Отбор заложников в качестве профилактики против нападения партизан точно так же противоречит международному праву, как и сами эти нападения. А то, что сделал Д. — и что делалось во многих сотнях подобных случаев, — был даже не расстрел заложников, которых заранее предупредили, а дикая бойня. Именно бойня из мести, следовательно, выражаясь языком немецкого уголовного кодекса, убийство из низких побуждений. Почти невозможно понять тот факт, что эта массовая коллективная месть без разбора по отношению к невинным, учиненная немецкой армией, можно сказать, по традиции, снова и снова рассматривалась как само собой разумеющееся право и что это странное представление о праве и сегодня еще прочно сидит в головах многих немцев. Такое представление вскрывает глубокую пропасть между немцами и западным миром, к которому они хотят принадлежать...

6.8.

Смогу ли я нынче поехать к моим дорогим землякам? Данный вопрос занимал меня в прошедшие недели ежедневно. Если я и теперь отменю свое первоначальное решение не присутствовать на нашей ежегодной встрече (по причинам более глубокого принципиального характера), то в этом немалую роль сыграла падкая на сенсации пресса. Ибо, в конце концов, она преследовала меня повсюду, и наглые репортеры даже разыскивали державшееся в тайне место моего отпуска. И пусть никто теперь не питает дерзкой надежды на продолжение моего затворничества, предпринятого поначалу исключительно из честных побуждений. Заранее предвкушаю, с каким восторгом отслужу в прекрасную погоду походную мессу на свежем воздухе (с проповедью), а после обеда приму как почетный гость участие в процессии, восседая в празднично украшенной карете. Желание мое снова наконец оказаться среди простых и самоотверженных земляков сильнее, чем когда-либо.

7.8.

До сих пор Ватикан вел себя довольно сдержанно. Из этого, разумеется, никто не мог сделать вывода о принципиальном отсутствии интереса у Рима к гнусной кампании прессы против нас. От кардинала я знаю, насколько бурным был все это время обмен мнениями между святым престолом и главой нашей епархии. Не зря ведь кардинал чуть ли не каждый день ведет долгие телефонные переговоры с римской курией, сообщающей папе в его летнюю резиденцию обо всех событиях. По возвращении из Кастельгандольфо он, вероятно, примет нашего кардинала, чтобы получить информацию из первых рук. Этого только не хватало!..

Какой-то совершенно не знакомый мне австриец пишет обо мне пьесу для театра. В вечерней газете прочитал, что он хочет «смонтировать» из «материалов и домыслов» «немецкую декорацию». Еще один, кому не дают покоя лавры господина Хоххута[1]. Все они, как поганки в лесу, лезут на поверхность. И кто только положит конец этой возне?

9.8.

Очевидно, чтобы подготовиться к беседе с нашим кардиналом, папа попросил прислать ему досье о моем «деле». Оно было доставлено из епископской конгрегации. Поговаривают, что папа уединился на целый день в своем кабинете в Кастельгандольфо, чтобы изучить документы.

После обеда поехал в горы, где меня уже дожидались земляки. Как только машина приблизилась к окраине, нас остановил стихийно организованный комитет по приему. Выразив в нескольких словах благодарность, мы поехали к центру. Там по такому случаю была выстроена певческая группа, приветствовавшая нас торжественным каноном. Все, как в старые времена. В маленькой импровизированной речи я, конечно, не преминул упомянуть о недоброй травле последних недель. Здесь меня понимает каждый. Мужской певческий союз с благодарностью ответил мне

[1] Рольф Хоххут — современный западногерманский драматург и публицист, прославившийся своими разоблачительными выступлениями.

«Песней наемника». В тысячах походов она вырывалась из хриплых глоток. Сразу же по окончании — подобающая случаю трапеза в «Белой лошади».

10.8.

Солнечный день! Программа началась чуть свет ставшим уже традицией призывом к пробуждению. Через час по улицам потянулось шествие — до празднично украшенной площади, где позади пивной палатки был установлен украшенный цветами алтарь для походной мессы (конечно, большая палатка до и во время службы оставалась закрытой, чтобы с самого начала исключить возможные помехи).

Наконец-то у меня появилась давно и страстно желаемая возможность высказать все, что накопилось в душе за последнее время. Я призывал всех участников праздника народного костюма целиком и полностью довериться божьей матери, покровительнице наших предков и нашей родины. «Нет проку от того, что мы просто сложим руки на коленях. Под широкой мантией Марии места достаточно для всех. Кратчайший путь к Христу, как всегда, ведет через Марию. Кто целиком доверится мадонне, может полностью принадлежать Иисусу». Далее я призвал слушателей противостоять проискам дьявола. «Прежде всего это относится к тому, чтобы вы везде выступали как активные христиане и не принимали бы спокойно все, что вам предлагают определенные иллюстрированные журналы и бульварные газетки, радио, телевидение и кино. Ибо дьявол сегодня интригует так же, как и прежде». Затем я предостерег от опасностей нравственного и духовного разложения нашего народа. «Гражданам следует четко помнить о своих правах и защищать их. Все больше и больше втаптывается в грязь не только мораль, сомневаются даже в божественности Христа». Мою проповедь заключил настоятельный призыв выступать за веру отцов, чтобы спасти традицию и культуру.

После богослужения меня окружили группы счастливых людей, чтобы поблагодарить за «прекрасные слова». Мое предложение поговорить за пивом и сосисками пало на благодатную почву.

В полдень, как и в прежние годы, был в гостях у семьи Пфистерер, своих дальних родственников. Афра, умная, чуткая хозяйка дома, наготовила гору всяких вкусных вещей, среди них мое любимое блюдо — пирожки с абрикосовым джемом. К сожалению, пришлось пожертвовать обычным послеобеденным сном. Зато все компенсировали земляки: на этот «Праздник народного костюма и национальных традиций» прибыли зрители из близких и далеких мест. Восседая в качестве почетного гостя в открытом экипаже, я проехал мимо многолюдной толпы...

10.8.

Возвратился в свой «приют для умственных упражнений».

Некий господин Вильзунген, какой-то референт церковной канцелярии евангелической церкви Германии, внес свою лепту в раздоры с католиками. Лучше бы следил за тем, чтобы на евангелических церковных съездах по заслугам получали свое богохульники в их собственных рядах. Слишком много от нас требуют. И это в то время, когда определенная группа среди католиков с чрезмерным усердием полощет свое грязное белье в чужом колодце. Неважно, кто это — наш ли теолог морали Мюндель, прямо-таки рвущийся подорвать устои нашей церкви, или кардинал курии Кавальери, поставляющий своими заявлениями и опровержениями новые припасы для итальянской кухни сплетен. Травля продолжается...

11.8.

Папа так и не вызывал к себе нашего кардинала. Возможно, ожидаемая доверительная беседа произойдет лишь осенью, к концу синода епископов в Риме.

Два дня назад кардинал ненадолго заезжал в столицу земли, чтобы сделать небольшое заявление для «Оссерваторе Романо»[2]. Тотчас в новой злобной статье, исходящей от Аугштейна, можно было прочесть, что кардиналу «пришлось» прервать свой отпуск, чтобы вылететь в Рим. Чистая выдумка!

Вечером... Короткое телевизионное интервью с кардиналом. Всю ответственность он берет на себя. Несомненно, он прав: юридический вопрос о степени вины в этом бедствии — абсолютно второстепенный. Церковь была, есть и будет церковью грешников. Я лично сделал тогда все от меня зависящее. Об этом и шла речь. Сделать последнее? Такой возможности у меня не оказалось.

Громы и молнии мечет против меня так называемый католический писатель Генрих Бёлль (миллионные тиражи в России!). Откуда, собственно говоря, у этого падшего христианина взялось такое право тыкать указательным пальцем ex cathedra[3] по вопросам веры и морали. Словно какой-нибудь антипапа...

Репортер. Вы полагаете, он может служить примером, несмотря ни на что?

Кардинал. Примером в том смысле, что все мы — грешники и лишь те, кто свои грехи искупил, становился примером. Мы ведь прекрасно помним тех, кому по службе и христианской миссии предъявлялись слишком высокие требования. Призвали Петра, призвали Павла. И всегда призывали людей, слабых и ограниченных именно в своих возможностях. Здесь, по моему мнению, такой же случай. И он не вызывает сомнений.

Репортер. Я думаю, что своим решением вы до некоторой степени привели в замешательство вашу паству, и не только вашу. Не согласитесь ли вы со мной, что это дело сегодня стало скорее вашим делом? Предвидели ли вы «дело кардинала»?

Кардинал. Это действительно так. Ведь уже в первом своем заявлении я сразу же взял на себя всю ответственность. Но и вы должны со мной согласиться: это дело представлялось общественности тенденциозно и факты намеренно искажались. Признаюсь честно, я такого не ожидал. Не ожидал ничего подобного, если уж говорить об этом случае, ни для моего собрата епископа, ни для церкви.

12.8.

Приехала Анна-Мария, привезла из канцелярии последнюю статью в «Оссерваторе». Я тотчас прервал завтрак — надо иметь ясность.

Первое впечатление при беглом знакомстве: сбалансировано по-ватикански. Тонкое чутье в оценке моего нынешнего положения. Суровые слова по поводу сенсационных скандальных уловок королей прессы. Никакого смакования подробностей тогдашнего несчастья. Критика сомнительных методов определенной прессы. «Скандальное стремление к сенсациям, распространенное в Германии, не меньше, чем в других местах. При этом жадно набрасываются на любую возможность выставить епископа как «военного преступника», и все это используется отнюдь не в религиозных целях». Основная мысль, которую я особенно хотел бы подчеркнуть. В жертву приносятся в «конечном счете существенные ценности справедливости и любви».

После обеда подверг статью более подробному изучению. При этом нашел, к моему сожалению, особенно во второй части, целую уйму подвохов. Против того, что не стоит беспокоиться о решениях светских судов, возразить нечего. Однако тут еще бабушка надвое сказала, как лучше сформулировать (можно читать и между строк):

«Поэтому представляется уместным избегать всего, что так или иначе рассматривается как вмешательство в компетентные действия светской юрисдикции. Конечно, это не означает, что «дело» может полностью быть решено или объяснено с помощью «решения о прекращении» или «возобновлении расследования» с последующим осуждением или оправданием. Драмы, подобные этой, включают в себя элементы, которые ускользают от оценки светских судей, потому что они, как это звучит в каноническом словоупотреблении, относятся к «forum internum»[4].

Здесь и есть подвох № 1: не без причины пишут о том, что главное — выяснить, стал ли епископ кардинала (стоит обратить внимание на странное выражение «епископ кардинала», почему все время впутывают сюда кардинала?) сегодня духовно и морально «новым человеком» независимо от того, какое у него прошлое... Что они этим хотели сказать? Неужели и ватиканские круги уже сомневаются в принципе послушания?

Подвох № 2: газета описывает процедуру назначения. И вдруг смена тона: неожиданно появляется «гнусное деяние». Апогей достигается следующим предложением: «Военное прошлое экс-капитана вермахта, надеемся, все же со счетов не сбрасывается». А в качестве маленького успокоительного пластыря — отдаленное понимание тяжелых времен, когда происходили трагические эпизоды: «Трагический эпизод, о котором теперь стало известно, произошел далеко от Германии и в смутное время всеобщей неразберихи».

Но это еще сравнительно безобидное предложение для перехода к подвоху № 3: крайне хитроумно комментатор принимается за «местные церковные авторитеты». По-немецки: нашему кардиналу приходится снова терпеть убытки. В конце концов, ведь известно, что у него после Ватиканского собора есть масса врагов в Риме. И все оттого,

---

[2] Ежедневная газета, официальный орган римской курии.

[3] С кафедры (лат.).

[4] Внутренний суд (лат): в данном случае — церковный.

что часть курии по недоразумению причисляет его к так называемым «прогрессивным». «Его (то есть мое) непосредственное начальство (под коим подразумевать можно только кардинала), которое знало священника, полагало, что нет необходимости менять положительное мнение, которое оно о нем составило, и, следовательно, можно поддерживать его выдвижение и при этом обойти обстоятельства, которые оно рассматривало погашенными долгой и достойной похвалы службой священника. Подобная оценка духовного и морального начала заслуживает по меньшей мере уважения».

И в этом же примере кардинал, между прочим, всю ответственность за мое назначение берет на себя. Столько мужества едва ли найдется у кого-либо из кардиналов курии. Я всегда говорил, что наш кардинал, родись он итальянцем, давно бы уже сидел в папском кресле.

13.8.

Искусственное раздувание моего «дела» продолжается. Вот уже и польский режиссер желает сделать антинемецкий подстрекательский фильм с моей персоной в качестве главной фигуры.

14.8.

Наконец-то! Анна-Мария намекнула мне пару дней назад. Сегодня это было официально подтверждено. Решение о прекращении дела от 1968 года было законно! Дальнейшее расследование не прибавило ничего нового. Обер-прокурор Фрош считает прежнее решение о прекращении дела целиком и полностью законным!

«Такого рода репрессии не проистекают из каких-либо побудительных причин. Поэтому они могут рассматриваться в крайнем случае как убийство, совершенное в состоянии внезапного душевного расстройства... Преследование подобного преступления, совершенного в 1944 году, таким образом, прекращается за давностью».

15.8.

Рано утром приехали на «фольксвагене» Анна-Мария, ее муж и дети. Совместная поездка на Христово воскресенье в Диллинген. Богослужение в капелле около автострады Адельсрид. Хотя портрет мой обошел все газеты, в мирской одежде и темных очках никто меня не узнает. В отеле «Три мавра», в близлежащем местечке Лауинген, — изысканный обед.

17.8.

Теперь и Филипп Блайберг предстанет перед судом божьим! Он, пожалуй, рассчитывал, что со своими взятыми напрокат сердцами сможет перехитрить господа бога. Что остается, так это так же проходящая слава Барнарда, который пересаживает сердца.

Международной прессе трудно, очевидно, сразу выпустить против меня весь запал; теперь уже и из греческой православной церкви мне задним числом советуют сменить епископский жезл на монашескую рясу. Невероятно!

Окончание следует

Перевел с немецкого
Г. КАГАН

СПЕШИТЬ ЛИ ДЕЛАТЬ ДОБРО ?..

Нина ДЕНИСОВА

„Спешите делать добро»,— призывают афиши на репертуарных досках возле театра «Современник». «Спешите делать добро», — многократно повторяют этот призыв обклеенные теми же афишами рекламные щиты в городе.

Согласимся, нужна смелость, чтобы вынести в название спектакля столь императивную моральную очевидность. Не грешит ли она обещанием пресноватой театральной дидактики? И не слишком ли поспешно тычет она нас в грядущий воспитательный урок, который, если уж на то пошло, мы предпочли бы, наверное, извлечь из спектакля сами?

Правда, это — «Современник», и это — М. Рощин. Что уже само по себе способно развеять у нынешнего зрителя любые опасения и гарантировать его беспроигрышный интерес. К тому же, помнится, и Рощин и «Современник», не раз ставивший его пьесы, не боялись и прежде назидательных нравственных сюжетов. А при обсуждении таких, например, захватывающих моральных тем, пользующихся неизменным спросом у современной театральной публики, как «что такое любовь?» или «чем отличается интеллигент от мещанина?», отнюдь не сторонились публицистического пафоса. И даже порой откровенной проповеднической ноты.

И это не отвращало от них публику. Скорее, напротив. Значит, жива еще в нашей публике потребность в нравственных проповедях, раз она так мирно уживается с потребностью в драматической зрелищности. Видно, живучи причины, по которым даже нравственные очевидности звучат порою для современного зрителя как будоражащий призыв и откровение.

Но, право, прежние названия — «Старый новый год», например, или «Валентин и Валентина», «Эшелон» или «Ремонт» — звучали все же у Рощина поспокойнее, чем это настойчивое «Спешите...». Итак, что же нас ждет теперь и почему нужно торопиться? В безотлагательности каких добрых дел столь настойчиво, с самого порога спешат уверить нас драматург и театр?

Собственно, в самом спектакле, в разыгрываемой на сцене жизненной истории, спешить — как это очень быстро обнаруживается — вроде бы уж некуда. Потому что доброе дело состоялось, если можно так выразиться, еще до начала спектакля. Оно совершено главным героем пьесы — мягким, добрым, интеллигентным московским инженером с такой же мягкой фамилией — Мякишев, которого отлично играет И. Кваша — опять-таки в соответствующей (и свойственной ему) мягкой, чуть порывистой манере милого чудаковатого добряка-интеллигента.

Сцены из спектакля театра «Современник» «Спешите делать добро».

Совершил это доброе дело Мякишев, будучи в командировке, и суть его поступка передана в официальном милицейском протоколе, составленном на месте происшествия: «...Девушка пятнадцати лет Солнцева Ольга... совершила попытку покончить жизнь. Как-то: бросилась под поезд... Остановлена без повреждения вмешательством составителя вагонов... и командированного пассажира Мякишева В. А.... При беседе Солнцева О. с плачем показала: мать и отчим не дают учиться, пьют, применяют насильственные меры, изгнали из дому. На станцию прибыла в поисках трудоустройства. Осталась невредима. Побеседовав, отпущена с выразившим возмущение инженером Мякишевым В. А., а также обещавшим помочь и посетить родителей Солнцевой О. на предмет бесчеловечного обращения...»

Но Мякишев не поехал к родителям и не повез туда Олю. Он сделал иначе — взял ее с собой в Москву. Появление инженера в столичной квартире с Олей в качестве приятного сюрприза для домашних — это есть начало и пьесы, и ее нравственного конфликта, так как именно этот поступок становится не только сюжетной завязкой пьесы, но и ее главной дискуссионной темой, на обсуждении которой построен, в сущности, весь спектакль. Ибо у Мякишева тотчас же появляется и оппонент-антагонист, его старый друг Горелов, роль которого словно специально написана для В. Гафта, того Гафта, который умеет быть столь убедительно и едко ироничным. Горелов не только не восхищается добродетельным поступком Мякишева, но просто, можно сказать, глумится над ним. «Теперь, ба-буш-ка,— издевательски поясняет он соседке,— где плохо живут, будут его посылать, Мякишева. Приехал, забрал всех, и порядок! Аль-тру-изм! Спешите делать добро, господа!..»

С другой стороны, есть у Мякишева и активный союзник — его свояченица Аня, связанная давними, но, что называется, «неоформленными» отношениями с Гореловым. Внося в этот спор друзей личный горький подтекст, она энергично упрекает Горелова в том, что он не то что человека не спасет, но даже мяукающему под его дверью котенку молока не вынесет. Горелов этого не отрицает, парируя, однако, в ответ, что одного, мол, спасать нельзя: или всех, или никого, а всех не спасешь...

Словом, дискуссия разгорается по всем правилам затронутой проблематики. В ход идут, как видим, даже теоретические аргументы. И вот сидя с Мякишевым за ресторанным столиком, Горелов-Гафт начинает исподволь апеллировать уже и к самому Достоевскому, задавая своему приятелю вопрос в стиле знаменитых героев: «Как ты мог? Как осмелился?» Зачуханный бестолковый официант, который все только носится вокруг них и, выматывая нервы, мычит что-то нечленораздельное, дает ему повод вспомнить и знаменитую заповедь: «Возлюби ближнего, аки себя»,— с тем чтобы ехидно предложить Мякишеву возлюбить заодно и официанта. Даже и Христос здесь поминается — в порядке иронической иллюстрации все к той же гореловской убежденности, что добро делать накладно, да и желающих мало: «Один попробовал — один — его две тысячи лет забыть не могут...»

На чьей же стороне в этом споре автор?

Разумеется, не на стороне Горелова. Хотя, кажется, от его понимания не укрыта и та особенность обсуждаемой проблематики, что отрицание добра, самопожертвования, любви к ближнему от века заключало в себе куда больше соблазнов для ума и представляло куда больше возможностей для интеллектуального блеска, остроумия и эффектного эпатажа, чем утверждение добра.

Но ведь и непосредственная правда жизни, обращенная к доброте, сочувствию, поддержке другого, состраданию, тоже существует. Притом независимо от любых теоретических посягательств на нее, даже вопреки им. Потому что сама жизнь возможна лишь при условии человеческой связи, а не взаимоистребления, и какой же есть еще иной источник, рождающий и поддерживающий ее? Вот и Мякишев, возражая Горелову, бормочет беспомощно: «Как иначе-то? Зачем иначе?» И это вроде бы беспомощное бормотание на самом деле неопровержимо.

Позиция автора и театра достаточно отчетливо воплощена и в самой разности личностного облика Горелова и Мякишева. Той разности, которая являет собою закономерное производное от разности их исходных жизненных принципов. Мякишев открыт, добр, доверчив, отзывчив, у него хорошая семья, где все дружат, брат, о котором он печется, работа, которую он любит и на которой выкладывается всерьез. И вокруг него — всегда люди, живая жизнь. А Горелов? Он даже и жениться-то на Ане не может, хотя по-своему любит ее. Ему, возможно, и кажется, что в честной сосредоточенности на себе, в отгороженности от чужих судеб жить куда легче. А главное — спокойнее, ибо мало ли что может получиться, если начнешь вмешиваться в разного рода хлопотные и сложные ситуации. Но только много ли радости в таком спокойствии и такой отгороженности!

Словом, акценты расставлены, симпатии и антипатии обозначены, и нам остается, кажется, только дождаться конца спектакля, чтобы увидеть посрамление ядовитого неверия Горелова-Гафта и порадоваться за милого Мякишева-Квашу. Но не тут-то было. «Это добро добром не кончится», — мрачно пророчествует скептик Горелов, осуждая своего приятеля. И верно — добро добром не кончается. Мякишеву не удается сохранить Олю в своем доме, более того — кончается и дружеское благополучие, царившее до этого в его семье. Жена Мякишева Зоя (А. Покровская), поначалу столь безропотно принявшая неожиданное водворение в доме молоденькой провинциалки, начинает вдруг ревновать Мякишева к Оле, срываться, кричать на всех. И вот после одного такого Зоиного срыва Оля вдруг исчезает, в поисках ее убегает из дому 12-летний сын Мякишевых, а бодрый призыв, начертанный на афишах, начинает вдруг в какой-то момент звучать уже чуть ли не иронически. Действительно: стоило ли Мякишеву так спешить делать это добро, если последствия его оборачиваются для него столь плачевно?

А для Оли?..

Оля Соленцова, назвавшаяся в момент составления милицейского протокола Солнцевой, — характер, написанный в пьесе бегло, почти пунктирно. В какой-то мере это можно отнести к авторским просчетам, хотя, с другой стороны, просчет этот отчасти и оправдан общим замыслом пьесы. Оля в ней — всего лишь страдательное лицо, жертва доброго поступка Мякишевых, горький итог которого ей и предстояло подвести своим финальным исчезновением.

В театре Оля — центральный образ, эмоциональный нерв спектакля. М. Неелова так играет оттаивание этой девочки, при первом своем появлении перед зрителем похожей на негибкую куклу с застывшим от пережитого страха лицом и негнущимися руками и ногами; так проживает на сцене превращение ее в домашнюю веселую щебетунью, а потом горькое смятение, предваряющее исчезновение ее из дома Мякишевых, что все споры и обсуждения, которые ведутся в пьесе вокруг поступка Мякишева, все, даже самые «теоретические» словесные баталии, которые вспыхивают между оппонентами на эту тему, приобретают вдруг какой-то совсем обычный, отнюдь не умозрительный характер, какую-то беспокойную, жалящую остроту и неотложность. Потому что зритель уже не может воспринимать их «вообще», в отвлечении от этой реально существующей девочки, вне их прямого и немедленного наложения на реальную судьбу этой уже раненной жизнью доброй и преданной души, доверившейся людям, которые взяли ее к себе, восхищающейся ими, боготворящей своего спасителя. «Он мне как бог»,— наивно и горячо говорит она всеведущей соседке Симе в ответ на ее «трезвые» предположения, что Оля просто влюблена в Мякишева.

М. Рощин написал драму, а театр сыграл ее почти на грани трагедии. Девочка уже однажды совершила попытку уйти из жизни — к чему приведет ее это новое, еще более горькое потрясение? К окончательному разочарованию в людях? К еще одной отчаянной попытке покончить с ними всякие счеты? Или, может быть, к душевному надлому и покорному смирению перед злом, к безропотному упованию лишь на некую высшую, незримую справедливость?..

Так, вопреки извечной зрительской жажде счастливого конца и как бы в нарушение всей логики расставленных в пьесе симпатий и антипатий, итог спектакля оборачивается почти катастрофой, а прозрачная символика имен его главных персонажей приобретает новый, печальный оттенок. Ибо если Горелов и горит в синем адском пламени авторского нравственного осуждения, то зато ведь и в мягкой доброте Мякишева обнаруживается что-то ненадежное, расплывающееся, податливое, как хлебный мякиш, а начальные солнечные блики в судьбе переименовавшей себя Оли Солнцевой сменяются совсем не сладкими слезами вернувшейся в свое прежнее имя Оли Соленцовой. И получается, таким образом, что последнее слово остается все-таки вроде бы именно за Гореловым — за тем самым, прямо скажем, «неположительным» Гореловым, который так упрямо настаивал, что спешить делать добро вовсе не следует...

Но только и вправду ли оно остается за ним, это последнее слово? Вот ведь и в чеховском «Дяде Ване» профессор Серебряков, никчемный педант, всю жизнь занимавшийся никому не нужным делом и терроризировавший прекрасных людей, произносит фразу, которую часто цитируют совсем не иронически, как бы начисто игнорируя героя, ее произнесшего: «Дело надо делать, господа». Что ж, оно и правильно — дело действительно надо делать. И эта истина не перестанет быть истиной от того, что изрекает ее человек, сам не способный ни к какому делу. Напротив, этим она лишь еще раз подтверждает свою безусловную истинность, ибо такие люди, как Серебряков, только тем и могут придать какую-то видимость убедительности своему паразитизму, что укрывают его за безусловными истинами, играя на них и нещадно их эксплуатируя.

Так и эгоцентрист Горелов всеми своими сомнениями и мрачными пророчествами говорит ведь, в сущности, только то, с чем и в самом деле трудно не согласиться и о чем, собственно, и идет речь в спектакле: «Умейте делать добро». И что из того, что за верным этим лозунгом он всего лишь укрывает жизненное бессилие человека, лишенного способности к непосредственному доброму движению сердца, к безоглядности и даже, может быть, опрометчивости доброго поступка? Это уже его собственная беда (и вина), а то, что добро надо действительно уметь делать,— разве можно с этим спорить? Потому что и в самом деле ведь это очень еще мало — просто подчиниться импульсу доброго начала в себе и совершить какой-то однократный добрый поступок. Всякий поступок, в том числе и самый добрый,— вовсе ведь не один только первый, импульсивный шаг, а целое действование, в которое включена и способность к ответственности за этот поступок, и умение потом, когда дело уже сделано, не отказаться от него, не предать себя и других...

Вот этого-то и не смогли, не сумели добрые и хорошие Мякишевы. Не получилось. И обстоятельства оказались не очень благоприятными, и собственная натура помешала. Недаром Зоя признается Горелову, что ей трудно преодолеть себя в отношении Оли — и храпит она, и пахнет не так, как ее ребенок... Как тут с собой справишься, как смиришься с этим чужим неделикатным вмешательством в твою жизнь?..

Похоже, правда, что в какой-то момент автор сам начинает пугаться этой несостоятельности своих положительных героев, обескураженный слишком явной их виной в случившемся. И он поспешно начинает вводить в пьесу разного рода оправдательные мотивы и обстоятельства. Так появляются в пьесе и старухи-сплетницы, «товарищески» обсуждающие «эксплуатацию» семьей Мякишевых дарового Олиного труда, и инспектор по делам несовершеннолетних Филаретова (прекрасно сыгранная И. Каташевой), убеждающая Зою, что необходимо бдительно следить за отношениями Оли и Мякишева, и коллега Мякишева Усачев (Г. Коваленко), которому поручено «разобраться» с этим «делом», так как получен «сигнал».

Но «Современник» несколько иначе, чем автор, укомплектовал в спектакле эти силы, умерив внешнее вмешательство в частную жизнь героев. И правильно сделал. Потому что как ни существенны могли бы быть в данном случае социальные обстоятельства конфликта, все же перекладывать на них такую меру ответственности за случившееся было бы неверно. И, кстати, не обнаруживает ли это обстоятельство еще раз именно то, что не понятые общественностью положительные герои сами не очень-то отличаются способностью понимания — и себя и других?

Взять, к примеру, хотя бы ту же Филаретову, которая вызывает у Мякишева столь бурное негодование,— разве не требует и она по отношению к себе хотя бы какого-то минимума человеческого понимания? Ведь и ее судьба не слишком избаловала: и мужское вероломство пришлось пережить — муж изменил с соседкой, и род занятий — постоянное столкновение с негативными сторонами жизни — все это не способствовало особому прекраснодушию. А тут девочка — не прописанная, не удочеренная, в школу не устроенная (так и не удосужились сделать это Мякишевы), — как тут не обеспокоиться? Да и невольный «следователь» Усачев, который со своим-то ребенком никак справиться не может, — легко ли уразуметь ему, что кто-то может добровольно повесить себе на шею и еще одного, чужого?..

Конечно, они и ужасны, и неправы, и бестактны. Но только почему же их неправота и непонимание так разрушительно действуют на положительных героев? Зоя беснуется от беспочвенной ревности, обижает Олю, Мякишев безмолвно страдает, пытается как-то всех примирить, сгладить острые углы, но чем, кроме великодушного предложения пожить на его жилплощади, реально помогает он Оле? Вот и брату, который в горе (у него умирает дочь), Мякишев, уже после исчезновения Оли, опять предлагает все то же — пожить у него. Совсем не сообразуясь при этом с состоянием своей издерганной, измученной случившимся жены, которая недаром в ответ говорит ему, что в таком случае уйдет из дому и она...

Нет, как ни оправдывай Мякишевых, а главная вина все-таки на них самих— это их собственная капитуляция, их человеческая несостоятельность в сложившейся ситуации. Не следует ведь забывать, что порою безответственность и слабость, проявляемые добрыми людьми, оборачиваются куда более тяжелыми последствиями, чем равнодушие Гореловых. Перед сочувствием и добротой человек безоружен, к ним он обращен самыми незащищенными сторонами своей души, потому-то здесь он более всего и уязвим. Именно тут он может пережить самое горькое свое разочарование в жизни, даже настоящую душевную катастрофу.

Так что же в итоге? И в самом деле не спешить, что ли, делать добро? Погодить, подумать, взвесить, а там, может, и отказаться? Оно же, добро это, и вправду, как видим, обременительно...

Ну конечно же, нет — совсем не так! Спешите делать добро — никакой двусмысленности или иронического смысла в этом призыве нет и не может быть. Только спешите делать именно **добро**, а не жалкие и слабые его подобия. Но — спешите! Потому что и в самом деле — как же иначе? Да и зачем — иначе?..

ДОБРЫЙ ПРИМЕР

В. ПРЯХИН,
кандидат исторических наук

НЕДАВНО в Будапеште вышел сборник статей и выступлений члена Политбюро ЦК ВСРП Дьёрдя Ацела с 1977 по 1979 год. Его автор ряд лет руководит различными участками науки, культуры и образования. В Венгрии и за ее пределами он известен как искусный полемист, мастер публицистического слова.

Актуальные вопросы мировой политики, борьба мировоззрений, искусство, художественное творчество, наука и идеология, исторические традиции и формирование человека нового типа — таков неполный перечень тем, затронутых в новой книге Д. Ацела. В их освещении он тесно увязывает историческое прошлое с задачами конкретной политической борьбы в наши дни. Будь то опыт Венгерской Советской республики 1919 года, либо анализ причин поражения правительства Народного фронта в Чили в 1973 году, или любая другая тема — всякий раз автор рассматривает ее с позиций коммунистической убежденности, марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма. Красной нитью через книгу проходит тема советско-венгерской дружбы, тесной связи, объединяющей страны социалистического содружества. Так, отвечая на заданный одним французским журналистом вопрос о значении СССР и его роли в мировой политике, Д. Ацел спрашивает: «Во что бы это обошлось миру, если бы сейчас не было, не существовало Советского Союза? Сколько было бы таких стран, как Чили? Где были бы независимые страны Азии, Африки, Латинской Америки? А разве можно было бы вписать в хронику европейского континента наиболее длительный за всю его историю 34-летний период мирного развития?»

Интернационализм — не абстрактное понятие, а руководство в повседневной борьбе и работе. Вновь и вновь возвращаясь к ленинскому положению о том, что рабочее движение — интернационалистическое по самой своей сути, автор подчеркивает, что в наше время — когда «в течение нескольких минут можно узнать на одном континенте о событиях, происходящих на другом», когда для ставшего более тесным мира все более характерно взаимодействие событий — обмен опытом между странами реального социализма и только нащупывающими этот путь государствами социалистической ориентации приобретает исключительно важное значение. Эти молодые государства нуждаются в опыте и поддержке во всех областях общественной жизни — политической, военной, экономической и т. д. Немаловажное значение в таком плане имеет обмен опытом идеологической работы и культурного строительства.

Новая культура, формирующаяся в ряде стран социалистической ориентации, пишет Д. Ацел, прежде всего должна отвечать двум требованиям. Она «должна дать новую жизнь культурным ценностям прошлого» и «широко открыть окна во внешний мир универсальной культуре».

Пути, ведущие к достижению этих целей, автор иллюстрирует на примере социалистического строительства в Венгрии. Он предупреждает об опасности двух основных ошибок, могущих затормозить это развитие: одна из них — фетишизация наследия прошлого, чреватая замыканием в себе и культурным самообкрадыванием, отрицанием всего, что не носит характера древнего, национального; вторая — игнорирование этого культурного наследия.

Кстати, эта оценка была высказана Д. Ацелом в конце 1977 года в Луанде на учредительном съезде МПЛА — Партии труда и являла собой конкретное проявление солидарности с борьбой ангольских патриотов.

В области идеологии одним из наиболее опасных противников ангольских марксистов-ленинцев, равно как и их единомышленников в других странах Африки, говорил он тогда, является концепция так называемого негритюда, представляющего собой не что иное, как попытку ответить на белый расизм расизмом черным. Ненависть, накопившаяся в течение столетий колониального ига по отношению к поработителям, нередко принимает в среде наиболее отсталых масс африканского населения уродливые проявления и формы. Именно на этом строят свои политические расчеты идеологи негритюда.

Критика Д. Ацелом с трибуны съезда МПЛА теории и практики негритюда, толкающего широкие массы народов черного континента назад к архаическим традициям, родовому укладу и религиозным пережиткам, имеет тем более важное значение, что она подкреплена богатым историческим опытом венгерских коммунистов, накопленным в борьбе с национализмом и клерикализмом, за создание благоприятных предпосылок формирования новой социалистической культуры.

Буржуазная пропаганда как в прошлом, так и теперь систематически прибегает к домыслам о том, будто успехи в распространении социалистической культуры в Венгрии были достигнуты посредством «ущемления» прав человека, в том числе свободы совести. В интервью корреспонденту «Франс нувель» Жаку де Бони Д. Ацел убедительно опровергает эти домыслы. «Когда четверть века тому назад,— заметил он с иронией,— мы приступили к национализации системы образования, западные газеты подняли большую шумиху, а ведь сделано было лишь то, что во Франции произошло еще в начале столетия».

Отвергая в принципе всякого рода «плюрализм» как в политике, так и в идеологии, ВСРП и народное государство обеспечивают полное равенство всех членов общества в гражданских правах и свободе совести. «В общественной практике ВНР нет места какой-либо дискриминации, нет какого-либо противопоставления верующих неверующим,— говорится в книге Д. Ацела.— Каждый беспартийный гражданин, независимо от того, верующий он или нет, может занимать любой пост в соответствии со своими способностями. Единственный критерий — добросовестный труд, верность народу и обществу».

В этой связи уместно будет вспомнить, что довоенная Венгрия не без оснований считалась одним из наиболее прочных в Европе оплотов обскурантизма самого различного толка. Большая часть ее населения находилась под воздействием католицизма, сильны были позиции протестантской церкви, которой покровительствовал регент Хорти, значительное распространение среди евреев имел также иудаизм.

В первые послевоенные годы клерикальная реакция оказала серьезное сопротивление процессу демократических преобразований. Особой непримиримостью к народно-демократическому строю в эти годы характеризовалась позиция католического духовенства во главе с кардиналом Миндсенти. Оно решительно воспротивилось проведению аграрной реформы, в особенности конфискации и разделу между крестьянами обширных монастырских земель. Не менее реакционную позицию заняли клерикалы и при обсуждении закона о расторжении брака. Главное же, чего добивались Миндсенти и сплотившиеся вокруг него реакционеры в рясах,— это возвращение политической власти в руки прежних хозяев. Сам Миндсенти активно ратовал за образование в Центральной Европе «федеративного королевства Венгрии и Австрии под эгидой Отто фон Габсбурга, к которому, возможно, примкнут и другие католические государства, в первую очередь Бавария». С этой целью Миндсенти активно использовал широкие международные связи венгерской католической церкви, прежде всего в США, куда он выезжал в 1947 году. Во время контрреволюционного мятежа (1956 г.) этот кардинал открыто потребовал возвращения церкви ее феодальных землевладений, чем в определенной степени способствовал саморазоблачению путчистов.

Но венгерские коммунисты одержали решительную победу над клерикальной и иной реакцией. В наши дни продолжается процесс перехода трудящихся на материалистические мировоззренческие позиции, широким слоям верующих гарантирована свобода совести, а представители различных вероисповеданий вносят свой вклад в построение развитого социалистического общества в рамках движения Отечественного народного фронта.

Не менее значительны достижения трудящихся ВНР в других областях культурной жизни. Например, в прошлом с весенних полевых работ — а они в Венгрии начинаются в первых числах марта — вплоть до поздней осени школьные занятия, даже в начальных классах, на селе практически прекращались. Ныне в ВНР только в восьмилетней школе учатся 1,1 миллиона детей — 98,8 процента их общей численности в возрасте от 6 до 13 лет. Постоянно растет число театров, кинотеатров, домов культуры и сельских клубов. Осуществлению культурной революции в большой степени способствовала радиофикация страны и широкое распространение телевидения.

Как отмечается в книге Д. Ацела, число телевизоров на 1000 жителей ВНР уже к 1973 году достигло 211, что лишь немногим меньше, чем в такой развитой капиталистической стране, как Франция. Что же касается литературы, то по числу книжных названий, издаваемых на душу населения, Венгрия обогнала не только страны Западной Европы, но и США.

Сегодня в Венгрии на каждом шагу видны большие успехи, достигнутые в области культурного строительства. И они, безусловно, служат добрым примером для народов тех стран, которые только приступают к формированию новой культуры, освобождаясь от тяжелого наследия прошлого.

СИМВОЛ ВЕСНЫ

Обычно в марте вся Болгария разукрашена мартеницами — различными фигурками из переплетенных шелковых и хлопчатобумажных ниток. Они обязательно делаются парными и соединяются между собой крученой нитью бело-красного цвета. С древних времен дошла до наших дней такая легенда:

...Сестра болгарского царя Крума (IX в.) жила в Бессарабии. Однажды приснился ей плохой сои: будто с братом ее должно случиться что-то неладное. Решила она предупредить Крума о возможном несчастье и послала ему письмо, привязав его к лапке ласточки белой шелковой ниточкой. Во время долгого путешествия крылатый почтальон поранил лапку, и ниточка с одного края обагрилась кровью. Царь очень обрадовался весточке от сестры. Отвязав ниточку, он спрятал ее на груди и не расставался с ней. Крум верил, что она, как талисман, охранит его от всяких бед и опасностей. Произошло это в начале марта, когда ласточки возвращаются из далеких стран. С тех пор каждой весной в марте все болгары украшают свою одежду мартеницами.

Обычай этот сохранился до наших дней. Уже в феврале мартеницы, маленькие весенние сувеинры, — самый ходовой товар по всей стране. Только промышленным способом, не считая кустарных мастерских, их выпускается сейчас до миллиона штук в год. Множество кружков прикладного искусства при школах, дворцах пионеров, художественных мастерских весь февраль мастерят эти милые талисманы. Подсчитано, что в среднем на каждого болгарина приходится по 5—6 мартениц. Многие из них как посланцы от друзей и родных отправляются по всему миру с весенним приветом.

По традиции, 1 марта болгары от мала до велика обмениваются мартеиицами, желая при этом друг другу здоровья, благополучия и успехов. Их прикалывают к платью, к отвороту пиджака, надевают на руку, привязывают к букетику цветов, приклеивают к открыткам, посылая в другие города и страны.

Белый цвет символизирует чистоту помыслов, моральные достоинства человека и мир; красный — цвет солнца, здоровья и плодородия. Некоторые говорят. что белый цвет — это молоко, красный — кровь, а все вместе — здоровье. Ведь с давних пор о здоровом человеке принято говорить: кровь с молоком. Недаром когда-то мартеницы считались своего рода амулетом, приносящим хороший урожай и защищающим от зла и несчастья. Раньше ими украшали даже плодовые деревья и домашний скот — чтоб урожай был хороший, а скотина не болела.

Приколов или привязав к чему-нибудь мартеницу, ее не снимают до появления первых ласточек или аистов. Затем, по традиции, привязывают к веточке первого распустившегося дерева, чаще всего яблони, или же обвязывают ею розу, загадывая желание.

Сейчас, конечно, мартеницы утратили свое древнее ритуальиое значение. Нередко, особенно в больших городах, их дарят даже незнакомому человеку. Это роднит людей и делает их добрее друг к другу. Зачастую мартеницы помогают выразить сокровенные чувства, признаться в любви.

Современные мартеницы делаются не только в виде традиционных шариков, кисточек, фигурок из шелка, хлопка или шерсти красно-белого цвета, но и выпускаются в виде фигурок птиц, животных и т. п. Некоторые из них — настоящие произведеиия искусства.

Эти мартеницы сделаиы в кружке этнографии и фольклора при Центральном дворце пионеров имени Георгия Димитрова в Софии.

Фото Лоты Михайловой, «София-пресс».

ПРАЗДНИК ДУХА

Василе БЭРАН

«Откуда ты сейчас?» — спросили меня, и я ответил, что приехал из долины Прута, где состоялся праздник, продолжавшийся несколько дней. Назывались эти незабываемые дни «Фестиваль юмора». Исходя из названия, можно было подумать, что, участвуя в нем, мы только и делали, что смеялись и развлекались. Разумеется, подобное мнение вполне законно — хотя бы по той причине, что «Фестиваль юмора», который не рождал бы веселья и не разглаживал бы морщин на лбах, должен был бы с самого начала искать себе другое название. Но было в этом веселье что-то глубокое и будоражащее. Оно побуждало к размышлениям, звало к отдаленному свету прошлого и грядущего.

Все, что имело там место, — встречи или спектакли, выставки живописи или книги — все, что проходило там, начиналось с фразы: «Мы находимся в Васлуе, древнем и славном крае нашей родины».

Мероприятия фестиваля отличал высокий дух ответственности, тем более что город, в котором они развертывались, будучи полностью обновленным, отразил свою историю в музее, ставшем ныне знаменитым. Музее, который мы назвали «Книга Васлуя» — книга, подводящая нас ступень за ступенью к нынешним временам и как бы разом открывающая свои страницы окружающему миру с его современной архитектурой, домами и крепостями, над которыми возвышается статуя Пенеша Куркана на здании Дворца на центральной площади города.

Там, на площади, был, по существу, и центр фестиваля. Я говорю «центр», потому что мероприятия развертывались почти во всех местностях уезда. Результаты этого фестиваля, пятого по счету, поистине впечатляющи, ибо цели его — как и других средств, относящихся к духовной сфере, — связаны с важнейшим требованием воспитательного процесса: совершенствованием отношений между людьми, с формированием нового человека. Литературные встречи, спектакли, выставки, салоны книг, исполненные огромной эмоциональной силы, — ибо искусство всегда связано с эмоциями, — были результатом стимулирования творческой мысли и труда, воспитания трудящихся в духе социалистической этики и справедливости, возвышенных чувств.

Воспитывать, обличая дурные нравы, пороки, большие и маленькие недостатки и устарелые взгляды, предлагая людям самим отвергать, искоренять пережитки прошлого, тормозящие проявления заключающегося в нас прекрасного стремления к счастью, — такова одна из благороднейших миссий каждого васлуйского фестиваля.

Участие в нем было массовым. Остановимся на нескольких основных мероприятиях, отметив прежде всего тот факт, что на протяжении восьми дней показывались спектакли профессиональных театров. Восемь дней — восемь театров из различных местностей страны. Различные пьесы, различные режиссерские видения и своеобразные сценические средства. Восемь театров, посвятивших многочисленной и исключительно восприимчивой публике по одному спектаклю. Среди них были пьесы Теодора Мазилу «Сонное приключение» и «Эти лицемерные сумасшедшие», Алексея Арбузова «Поздняя серенада», давняя и всемирно известная «Женитьба» Гоголя, постоянно юная поэма-комедия Караджале «В дни карнавала», «Колумбово яйцо» Аурела Баранги, «Воздействие гамма-лучей на бледно-желтые ноготки» Пауля Зиндела и пьеса Димитру Соломона «Сцены из жизни одного невежды».

Затем в уездном музее открылась книжная ярмарка, на которой директора издательств познакомили присутствующих с новинками года, подобными последним осенним плодам на этих плодородных землях. А на ярмарке народного искусства, в зале под названием «Модерн», посетители любовались предметами высокой художественной ценности, созданными народными мастерами различных уголков страны. В зале «Арта» была организована выставка карикатур. В большом фойе Дома культуры развернулась выставка фотографий на юмористические темы, а в малом фойе — выставка портретов-шаржей Александру Кленчу. Другая выставка под названием «Сатира и юмор в румынской литературе», проходившая в холле уездной библиотеки, представила книги, периодические издания, рукописи, фотографии, письма, иллюстрации и грампластинки.

Итак, не осталось ни одного уголка в культурных и художественных учреждениях города, а иногда и уезда, которые не были бы использованы в эти памятные дни фестиваля. В кинотеатрах были организованы Дни комедийного фильма.

Одной из интереснейших черт фестиваля было тесное переплетение профессионального и самодеятельного искусства. На конкурсе литературного творчества, например, на который было прислано свыше трехсот работ — одноактные пьесы, юморески, басни, эпиграммы и т. д., — лавров были удостоены непрофессиональные авторы. Однако самым обширным мероприятием фестиваля этого года, как и предыдущих лет, стал исполнительский конкурс одноактных комедий, сыгранных художественными бригадами и группами, а также отдельными исполнителями. В нем приняло участие свыше шестисот самодеятельных артистов. Их игру в Доме культуры Васлуя четыре дня смотрели десятки тысяч людей.

После торжественного спектакля, данного лауреатами этого конкурса, был устроен карнавал, сам по себе ставший смотром художественных сил и вылившийся в большой народный праздник. Маски, танцы, традиционные или новые темы — все вызывало интерес, привлекало и волновало, давало ощущение, что ты находишься на подлинном празднике, за огромным круглым столом, где нет места холодным сердцам и мелким мыслям, где все приглашенные преисполнены душевной щедрости, умеют радоваться жизни, труду, хорошо чувствуют себя среди своих ближних, уверенно смотрят в завтрашний день.

Этот карнавал был подобен журчанию речек, вливающихся в большую реку и море. Слушая и наблюдая его, я думал о том, что васлуйцев, связавших имя своего города со столькими славными деяниями в прошлом и с выдающимися достижениями нашего социалистического настоящего, следует еще раз поздравить за организацию этого праздника в светлые дни урожаев на земле родины.

Один из сатирических рисунков, представленных на «Фестиваль юмора». Художник Попа Корнел «Без слов».

Сокращенная перепечатка из журнала «Румынские горизонты», 1979, № 3.

Город Хюэ. Восточный фасад дворцового павильона, восстановленный после воссоединения страны вьетнамскими специалистами-реставраторами. Фото ЮНЕСКО.

ВОЗРОЖДАЯСЬ ИЗ РУИН

Треть века над древней вьетнамской землей полыхал пожар войны. Сначала ее вели японские милитаристы, оккупировавшие в 1941 году тогдашний французский Индокитай, а начиная с 1945 года — французские колонизаторы, пытавшиеся снова прибрать к рукам свои бывшие владения. В 1954 году их навсегда выдворили из страны. Однако передышка была недолгой. Созданный империалистами в Южном Вьетнаме марионеточный режим сорвал в нарушение Женевских соглашений 1954 года дело воссоединения страны. С помощью американцев он развернул необъявленную войну против ДРВ и сил освобождения Южного Вьетнама, перешедшую в 1964—1965 годах в открытую американскую агрессию. Лишь в 1975 году — после поражения военщины США и последовавшего за этим крушения сайгонского режима — многострадальная страна наконец воссоединилась и получила возможность приступить к залечиванию своих многочисленных ран.

И хотя первоочередной задачей победившего народа было восстановление разрушенного хозяйства, осуществление социалистических преобразований в освобожденной южной части страны и подготовка новых кадров, однако уже с первых дней воссоединения Коммунистическая партия и правительство Социалистической Республики Вьетнам стали предпринимать шаги к спасению бесценных сокровищ национальной культуры, годами находившихся в зоне военных действий.

Крупнейший из этих памятников прошлого — древняя столица страны Хюэ (по-вьетнамски «мир», «согласие»). Почти полтора столетия (1802—1945 гг.) этот город был резиденцией императорской династии Нгуенов. Его историческое ядро — окруженный крепостной стеной старый, так называемый «императорский» город представляет собой ценнейший образец старинной вьетнамской архитектуры. Однако здания эти были большей частью сильно повреждены. Так, от императорского дворца остался только фундамент, в развалинах лежали дворцовый храм, библиотека, музей, а также погребальный комплекс, состоящий из гробниц и храмов.

Уже в первом мирном 1976 году декретом президента СРВ были выделены средства на реставрацию некоторых уцелевших архитектурных сооружений Хюэ, находившихся в аварийном состоянии. А сейчас разработана долгосрочная программа восстановления древней столицы. Только в первые пять лет ее реализации (1981—1986 гг.) будет реставрировано 15 архитектурных памятников и две гробницы. Часть расходов по проведению этих работ взяла на себя ЮНЕСКО, обратившаяся ко всем государствам — членам этой организации — принять участие в возрождении древней столицы Вьетнама.

Намечено к середине 80-х годов превратить Хюэ в город-музей, крупнейший памятник культуры прошлого. В некоторых из восстановленных зданий будут проводиться музыкальные и театральные фестивали, выставки, разместятся научные библиотеки, а сам древний город станет центром отдыха и туризма международного значения.

БУРЖУАЗНЫЕ КОНСТИТУЦИИ И СВОБОДА СОВЕСТИ

В. ФУРОВ,
кандидат исторических наук

Начиная с первого номера 1978 года наш журнал систематически публикует статьи о свободе совести. В них рассказывалось о ленинских принципах свободы совести и их осуществлении в нашей стране, о становлении советского законодательства о культах, о связи свободы совести с общими вопросами социалистической демократии, разоблачалась фальсификация буржуазной пропагандой положения религии, церкви и верующих в нашей стране и в странах социалистического содружества, а также ее попытки использовать религию в современной идеологической борьбе.

Продолжая этот цикл, журнал предлагает вниманию читателей статью заместителя председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. Г. Фурова, в которой анализируются буржуазные конституции и законы, интерпретирующие проблемы свободы совести в капиталистических странах.

Буржуазные модели свободы совести

«Формы буржуазных государств, — отмечал В. И. Ленин, — чрезвычайно разнообразны»[1]. Естественно, что разнообразны также конституционные нормы и законы, определяющие правовое положение церкви, отношение государства к религии, к свободе совести. Конституции обычно содержат специальные статьи, а иногда и целые разделы или главы, обусловливающие взаимосвязь государства и церкви, место религии в обществе. При этом правовые нормы отражают как соотношение классовых сил в стране, так и фактическое положение церкви в момент принятия конституции.

Советские исследователи государственно-церковных отношений различают, с точки зрения правового положения церкви в обществе, три категории буржуазных государств: государства, где есть государственная, официальная или господствующая церковь; государства, которые ограничиваются признанием формального равенства церквей, без отделения церкви от государства; государства, в которых церковь формально отделена от государства.

Такая классификация не случайна. С одной стороны, она говорит о том, что буржуазные государства по-разному относятся к церкви. С другой же — все их объединяет и нечто общее, а именно — их тесная связь с религией, с церковью, освящающей власть господствующего меньшинства, — а стало быть, и ограниченность, односторонность буржуазных конституций. «Буржуазная «свобода совести», — отмечал К. Маркс в «Критике Готской программы», — не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам **религиозной свободы совести...»**[2]

В XX веке общей социальной закономерностью стала секуляризация. На это указывают исследования, проводимые в буржуазных странах, документы религиозных организаций, выводы ученых Запада. Например, английские правоведы Дж. Харвей и К. Худ в книге «Британское государство» приводят такие данные: от 25 до 30 процентов населения посещают церковные службы лишь в особо торжественных случаях, 45—50 процентов относятся к религии безразлично, а 10—15 процентов — вообще активные противники религии.

Число верующих в США, по данным Национального совета церквей, составляет всего 62,4 процента населения. В типичном рабочем приходе в ФРГ, сообщает Мюнхенская народная миссия, только от 3 до 5 процентов рабочих посещают мессу по воскресеньям. Многие буржуазные исследователи религиозности отмечают не только количественные, но и качественные показатели прогрессирующей секуляризации: например, фиксируют размывание и угасание религиозности в массах верующих, индифферентное отношение к религии и культовым действиям, а вместе с тем и растущее безверие.

Однако секуляризация — этот закономерный и необратимый процесс — не находит отражения в конституционных актах и законодательствах большинства буржуазных стран. Чтобы в этом убедиться, познакомимся с каждой из трех буржуазных моделей свободы совести.

Модель первая: государственная церковь.

К категории стран с государственной церковью относилась, например, дореволюционная Россия.

В России того времени не было конституции, но государственно-правовые акты обязывали всех подданных Российской империи исповедовать какую-либо религию. Внеисповедное состояние запрещалось. «Первенствующей и господствующей» религией было провозглашено православие. Его учреждения составляли часть государственного аппарата, а само оно по сравнению с другими конфессиями пользовалось большими привилегиями. Остальные религии и церкви были разделены на две категории: терпимые и гонимые. Приверженцы последних преследовались и подвергались различным репрессиям.

Однако отсутствие свободы совести распространялось и на православных. Можно сказать, что их религиозная совесть насиловалась даже больше, чем «иноверцев». Те могли, например, поменять веру и стать православными, а православный не имел права перейти в другое вероисповедание. Особенно преследовали атеистов. Распространение атеистических взглядов запрещалось категорически. Несоблюдение церковных обрядов влекло за собой установление полицейского надзора как за «политически неблагонадежными». В Уложении о наказаниях имелись статьи, карающие за преступления против веры вплоть до ссылки на каторжные работы.

Англиканская церковь (официальное название «Церковь Англии») тоже имеет статут государственной. Здесь «государство и церковь, — как отмечал Ф. Энгельс,— совершенно слиты и нераздельны»[3]. Эта парламентарная монархия не имеет единого конституционного акта, положение церкви в стране определяется рядом парламентских законов и соглашений между церковью и государством. Важнейший из них — «Акт о супрематии» (о верховенстве), принятый в 1534 году. Согласно ему, главой англиканской церкви является король (с 1952 г. — королева Елизавета II), назначающий епископов. А вакантные места в приходах зачастую замещаются по указанию «покровителей» церкви частными лицами из привилегированных слоев общества. От всех священнослужителей при посвящении в сан требуется клятва верности королю. Система назначения должностных лиц на ключевые посты церковной иерархии — наиболее сильный рычаг воздействия на политику англиканской церкви.

Находясь в полной зависимости от государства, Церковь Англии является как бы идеологическим отделом правительства, поэтому ее роль служанки буржуазного строя проявляется здесь в незавуалированном виде. Все церковные документы, в том числе и решения генерального синода англиканской церкви, прежде чем приобрести силу законов, должны быть утверждены парламентом и одобрены королем. Фактически вся власть в государственной церкви сосредоточена в руках буржуазных парламентариев, которые могут даже и не быть приверженцами англиканства. Таким образом, правящие классы воздействуют не только на деятельность церкви, но и на ее идеологию. Ей не дано самостоятельно решать даже такие сугубо внутренние вопросы, как частные изменения в сфере культа.

В сущности Церковью Англии правит собственность и в прямом и в переносном смысле. Королева имеет в своей собственности 800 приходов (в Англии они переходят по наследству, а также продаются и покупаются). Она распре-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 35.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 30.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр 630.

делила их между разными ведомствами: премьер-министру — 160, министру внутренних дел — 40, лорду — председателю кабинета министров — 600 приходов.

Все это значительно снижает репутацию англиканской церкви. А «чем более ничтожной становится репутация церкви, тем тяжелее и ощутимее становится ее гнет»[4]. И действительно, в стране неангликане (католики, методисты, квакеры, баптисты и т. д.) находятся в униженном положении. Правда, дискриминация по отношению к ним осуществляется по-английски — внешне благопристойно, но факт остается фактом: в Англии нет равноправия церквей. Так, оба архиепископа англиканской церкви — кентерберийский и йоркский — и 23 епископа являются членами палаты лордов, но ни один епископ и руководитель других конфессий подобных привилегий не имеет. Священнослужители-англикане могут быть избраны в палату общин парламента, служители других культов такого права лишены. Бракосочетания, оформленные священниками англиканской церкви, имеют юридическую силу. Браки, совершенные священнослужителями других церквей и сект, должны быть зарегистрированы также в гражданском порядке.

«Англия, конечно, демократическая страна, — отмечал Ф. Энгельс в 1844 году, — но демократическая в том же смысле, как и Россия...»[5] Русское самодержавие, как известно, используя господствующую религию, разжигало национальную рознь, натравливало народности друг на друга, культивировало антисемитизм, пыталось при помощи православной церкви сильнее ущемить другие религии. Разжигая религиозную вражду, реакционная буржуазия, указывал В. И. Ленин, преследовала цель «отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов»[6], которые призваны решать трудящиеся.

Разжиганием религиозной вражды заняты сегодня и правящие круги Англии. Достаточно вспомнить события в Ольстере. Правительство проводит здесь политику террора и репрессий по отношению к католическому меньшинству, использует для этого полицию, тюрьмы, армию, а англиканская церковь подливает масло в огонь.

Бывает, что приверженность к англиканской церкви иногда помогает безработному найти работу. А если он неверующий, то рискует ее вообще не найти. Газета «Дейли мейл» сообщала, что один из кандидатов консервативной партии на выборах в парламент опасался, как бы кто-нибудь не узнал о его принадлежности к Британской ассоциации гуманистов — организации свободомыслящих. «Если узнает руководство партии, — заявил он, — мое имя сразу вычеркнут из списков кандидатов».

Откровенно союзнические отношения между государством и церковью существуют и в некоторых других капиталистических странах. Вот выдержки из буржуазных конституций. «Евангелическая лютеранская церковь, — говорится в статье 4 конституции Дании, утвержденной в 1953 году, — является национальной датской церковью и содержится государством». Возглавляет церковь здесь, как и в Англии, королева.

«Господствующей в Греции религией является религия восточноправославной церкви Христовой», — гласит статья 1 конституции Греции 1952 года. И хотя далее сказано, что «все другие известные религии свободны, и их обряды совершаются... под покровительством закона», тут же идет следующая формулировка: «Прозелитизм и всякое выступление против господствующей религии воспрещаются». Характерно, что прозелитизм, как его интерпретируют законы этой страны, запрещен только для граждан, желающих выйти из господствующей элладской церкви. Обращение в православие приверженцев других религий государством одобряется.

В настоящее время признание привилегированного положения какой-либо конфессии (вероисповедания) содержится в конституциях 43 государств мира. Римско-католическая церковь, например, господствует в 14 государствах Европы и Латинской Америки; евангелическо-лютеранская религия — кроме Дании — государственная религия Исландии, Норвегии, Швеции. В странах Ближнего и Среднего Востока государственной религией является ислам, о чем говорят даже официальные названия некоторых из них: Исламская Республика Пакистан, Исламская Республика Иран.

В конституциях и обычном законодательстве некоторых стран привилегированная религия (церковь) именуется не государственной, а «национальной» (Дания, Португалия, Колумбия), «официальной» (Норвегия, Ирак), «религией народа» (Мавритания, Панама). Но терминологические различия, разумеется, не меняют существа сложившихся издавна между церковью и государством отношений, при которых государство и вместе с ним господствующая церковь защищают интересы правящих классов.

Так, в Израиле господствующая религия — иудаизм. В республике нет единой конституции, вместо нее действуют принимаемые кнессетом (парламентом) законодательные акты, многие из которых носят расистский, шовинистический характер. В результате десятки тысяч арабов лишены гражданских прав. Политика дискриминации проводится и в отношении евреев: их делят на разряды в зависимости от происхождения, социального положения, времени пребывания в стране. Высшая каста — аборигены Израиля сабры. Однако первые места в политике, экономике, бизнесе принадлежат ашкенази — выходцам из Америки и Европы. Выходцы из стран Северной Африки и Ближнего Востока — сефарды, составляющие 60 процентов населения, считаются людьми второго сорта, «пещерными людьми», как презрительно отзываются о них израильские официальные лица. Еще ниже стоят «черные евреи» — выходцы из других афроазиатских стран.

По закону 1952 года гражданство Израиля не предоставляется евреям, исповедующим не иудаизм, а другую веру, или не верящим в бога. Контроль служителей культа в стране всеобъемлющ: различными предписаниями, запрещениями они регламентируют всякую деятельность верующего вплоть до вопросов быта. Закон, например, запрещает браки евреев с неевреями. Женщина не может расторгнуть брак, это право предоставлено только мужчине. XVII съезд Коммунистической партии Израиля охарактеризовал положение в стране как «религиозное насилие»[7].

И все-таки по мере развития общественных отношений, обострения классовой борьбы, усиления позиций сил демократии и прогресса некоторые буржуазные конституции постепенно видоизменяют свои положения в отношении религии и церкви. Глубокое воздействие на этот процесс оказали разгром фашистской Германии и милитаристской Японии, крах фашистского режима в Италии, создание мировой социалистической системы, победы национально-освободительного движения и развал колониальных империй.

В 1947 году новая конституция была принята в Италии. В ее разработке участвовали левые партии. Они добились включения ряда важных демократических положений, в том числе и относящихся к свободе совести. Так, конституция Италии гласит: «Государство и католическая церковь независимы и суверенны в принадлежащей каждому из них сфере. Их отношения определяются Латеранскими договорами...» (ст. 7). И далее: «Религиозные исповедания, отличные от католического, имеют право создавать свои организации по собственным уставам, поскольку это не противоречит итальянскому правовому порядку. Их отношения с Государством определяются законом на основе соглашений с органами, представляющими эти исповедания» (ст. 8). Говорится в конституции и о том, что «все имеют право исповедовать свои религиозные верования в любой форме, индивидуальной или коллективной».

Казалось бы, итальянской конституции присущи важные элементы свободы совести, позволяющие считать неправомерным утверждение об ее отсутствии в стране, но фактически положение вещей здесь совсем иное. Дело в том, что отношения католической церкви с государством регулируются, как указано, прежде всего Латеранскими соглашениями, заключенными между правительством Муссолини и папой Пием XI в 1929 году. Это три документа: договор об образовании на территории Рима суверенного государства Ватикан; конвенция, определившая финансовые отношения сторон; конкордат, подтвердивший привилегированное положение католической церкви в Италии. Поэтому ссылка в конституции страны на эти соглашения уже сама по себе превращает суверенность государства в пустую формальность. Историк - коммунист Дж. Канделоро писал: конкордат в целом ряде областей значительно ограничил юрисдикцию государства[8].

Действительно, Латеранские соглашения ограничивают круг полномочий государства в важных сферах его деятельности. Например, изучение католической религии провозглашается основой обучения в школах; тем самым ущемляются права родителей, выступающих против религиозного воспитания. Конкордат предоставляет церкви привилегии при налоговом обложении (иногда полностью освобождает ее от налогов). Католическая церковь вмешивает-

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 632.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 627.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 146.
[7] «XVII съезд Коммунистической партии Израиля». М., 1973, стр. 33.
[8] Дж. Канделоро. Католическое движение в Италии. М., 1955, стр. 538.

ся в политическую жизнь государства, активно выступает во время избирательных кампаний против кандидатов от левых партий, запугивает верующих тем, что голосование за инакомыслящих, за коммунистов, социалистов, атеистов — грех. Церковные власти, с согласия правительства и правящей христианско-демократической партии, как отмечал еще П. Тольятти, «грубо вмешиваются в область государственного суверенитета и в проявление народной воли» [9].

В обстановке досрочных парламентских выборов 1976 года, когда Ватикану показалось, как писала буржуазная газета «Коррьере делла сера», что к власти могут прийти левые и над страной, в особенности над церковью, «нависнет смертельная опасность», папа Павел VI обратился к католикам с призывом голосовать за христианско-демократическую партию, которую нарекли «плотиной против коммунистов». В политических агитаторов превратились тысячи священников. Агитацию за кандидатов ХДП развернули монашеские ордена, монастыри, католические институты, церковная пресса. В ход были пущены угрозы, провокации, даже террор.

Демократические силы Италии ведут борьбу против засилья католической церкви, ее вмешательства в политическую жизнь страны, требуют пересмотра конкордата 1929 года. А пока включенные с таким трудом в конституцию страны положения о свободе совести остаются всего лишь словами.

Модель вторая: формальное равенство церквей. Буржуазные конституции некоторых стран декларируют «равенство церквей». Однако эти положения обычно односторонни: одной или одновременно нескольким церквам и объединениям предоставляются различные привилегии, а верующие других конфессий, свободомыслящие, атеисты и их организации лишаются многих существующих в этих государствах элементарных прав.

Такие государства оказывают религиозным организациям различные услуги, поддерживают их политически — законодательством, экономически — денежными средствами, предоставляют им возможность вести работу в школе, влиять на сферу культуры, политическую жизнь. Против прогрессивных деятелей культуры, атеистов государство и церковь выступают совместно. Иначе говоря, это не что иное, как формальное равенство церквей, а по сути — одно из проявлений огосударствления религии. В этом отношении характерны конституции Федеративной Республики Германии, Австрии и Японии.

В Германии до установления в 1933 году фашистской диктатуры действовала Веймарская конституция 1919 года, провозгласившая ряд демократических прав и свобод, в том числе и свободу совести. Фашизм растоптал эти свободы. Конституция ФРГ была обнародована в мае 1949 года — после того, как США, Великобритания и Франция взяли курс на раскол страны и создание в своих оккупационных зонах сепаратного западногерманского государства. На составление его конституции оказывали влияние диаметрально противоположные силы: с одной стороны, монополистические круги западногерманской буржуазии и клерикалы, пользовавшиеся большим влиянием, с другой — демократическая общественность, рабочие, интеллигенция, прогрессивные деятели, еще не успевшие к тому времени создать и укрепить свои организации.

Конституция, естественно, не могла не отразить этой борьбы. Вот что в ней сказано: «Свобода вероисповедания, совести и свобода провозглашения религиозных и общественных взглядов ненарушимы. Гарантируется беспрепятственное отправление религиозных обрядов...» При этом изучение религии в государственных школах объявлено обязательным, а церковь не отделена от государства. Это означает, что ей предоставлена полная свобода не только религиозной, но и политической деятельности. Причем такую привилегию приобрели, по существу, лишь две церкви — католическая и евангелическая. В свою очередь государство получило их поддержку. Политику, говорил тогдашний канцлер Аденауэр, нужно делать при помощи религии. Совместными усилиями клерикалов и буржуазных политиков в стране были созданы такие буржуазные партии, как христианско-демократический союз и христианско-социальный союз.

Обладая мощными средствами информации, используя конституционное положение о свободе провозглашения религиозных взглядов, обе церкви верой и правдой служат буржуазному государству. Упрочению церковно-государственных отношений способствует финансовая политика. Дело в том, что все граждане ФРГ, не заявившие о своем разрыве с религией, должны вносить обязательный церковный налог, который взимается аппаратом на основании гражданских налоговых списков. А заявлять о разрыве с религией опасно — можно прослыть радикалом, безбожником. Поступления от таких налогов (от 2 до 10% зарплаты) исчисляются миллиардами марок и составляют 80 процентов всех доходов церквей. Законы о церковных налогах превращают католическую и евангелическую церкви ФРГ в крупнейших собственников, связанных с монополиями. Отсюда, естественно, вытекает и другая закономерность: политическое лицо этих церквей, их желание участвовать в государственной политике, влиять на нее.

Обе церкви — а особенно католическая — активно используют, например, свое право участвовать в избирательной борьбе. Во время кампании по выборам в западногерманский бундестаг в 1976 году в церквах страны зачитывалось обращение католических епископов к прихожанам с призывом «голосовать по-христиански», то есть за кандидатов ХДС—ХСС — партий, возглавляемых реваншистами. А это можно расценивать не иначе, как оказание явного давления на граждан, насилие над их гражданской совестью. «Обе существующие в стране церкви, — пишет западногерманский марксист Р. Штайгервальд, — возглавляются и направляются силами, которые многими своими акциями прокладывают путь реакции (в том числе фашистского толка) и войне. Эти церкви прочно связаны с... блоком партий ХДС—ХСС» [10].

Позиции обеих церквей упрочиваются в государстве еще и благодаря их активному внедрению в систему образования. По конституции государство сохраняет право только общего контроля над этой системой. В каждой земле имеется министерство культов, не только регулирующее государственно-церковные отношения, но и ведающее всеми вопросами образования. Католическая церковь вторгается в дела школы и через служителей культа, занимающихся религиозным воспитанием, и путем заключения конкордатов между Ватиканом и администрацией отдельных земель; духовенство получает право открывать католические школы, устанавливать контроль за преподаванием в государственных учебных заведениях. И хотя с 70-х годов в ФРГ наметилась тенденция к централизации дела народного образования и усилению компетенции центральных органов власти в школьной политике, церковь сохраняет свое влияние на подрастающее поколение.

В конституции ФРГ имеются слова о «ненарушимости» демократических свобод. Однако «ненарушимой» оказывается только религиозная свобода. Для других организаций и граждан нарушение конституционных свобод началось сразу после вступления этого основного закона в силу. Так, в 1951 году был принят закон, который легализовал преследование борцов за мир и защитников демократических свобод. Закон о положении рабочих на предприятиях (1952 г.) лишил важнейших прав профсоюзы и ущемил интересы рабочего класса. Против конституционного положения о свободе собраний был направлен и закон о собраниях и демонстрациях. Правительственным предписанием (1950 г.) служащим государственного аппарата запрещалось участвовать в деятельности демократических общественных организаций. Под запретом оказалось объединение лиц, преследовавшихся при фашизме, и другие прогрессивные организации. Откровенным нарушением целого комплекса демократических свобод (свободы общественных взглядов, организаций, печати и др.) явился запрет решением Федерального суда деятельности Коммунистической партии в августе 1956 года. Только в 1951—1958 годах в стране была запрещена деятельность более чем 200 демократических организаций. В 1972 году вышел закон о запрете на профессии, по которому прогрессивные политические убеждения стали считаться преградой для поступления гражданина ФРГ на государственную службу. Что это, как не насилие над свободой совести?

Конституция Австрии 1920 года (с изменениями 1929 г.) действует и в настоящее время. Она, а также земельные конституции декларируют свободу слова, собраний, печати, организаций, совести, равенство религий и вероисповеданий. Но реального равенства, по сути, нет. Католическая церковь, хотя и не имеет статуса государственной, господствует не только в религиозной сфере, но и влияет на различные стороны идеологической жизни в стране в целом. Примерно 90 процентов верующих здесь — католики. Церковь, как и в ФРГ, не отделена от государства и действует отнюдь не в интересах трудящихся. Вся ее история после буржуазно-демократической революции 1918 года, а особенно после второй мировой войны, показывает: ее верхушка всегда

---

[9] «IX съезд Итальянской коммунистической партии». М., 1960, стр. 44.

[10] «Зарубежные марксисты о религии и церкви». М., 1975, стр. 71.

была тесно связана с господствующими классами, крупной буржуазией и землевладельцами.

Семь лет (1938—1945 гг.), когда Австрия находилась под властью фашистской Германии, католическая церковь (как и правящие круги страны) занимала открыто антинациональные позиции. После восстановления независимости страны эта церковь стала штабом клерикализма, вдохновителем и организатором борьбы против «безбожного коммунизма» и свободолюбия. Оценивая позицию католицизма, руководитель Австрийской коммунистической партии И. Коплениг указывал: «Хотя церковники и говорят о демократии, их настоящей целью является создание тоталитарного, враждебного народу сословного государства, в котором безгранично господствует крупный капитал» [11].

В 1960 году были подписаны соглашения Австрийской республики с Ватиканом об урегулировании имущественно-правовых отношений. Церкви была возвращена значительная часть имущества, которым она владела до 1938 года, а государство взяло на себя обязательство ежегодно выделять из своего бюджета 100 миллионов шиллингов и оплачивать расходы на содержание церковных служащих.

Ежегодно возрастающая финансовая поддержка католической церкви со стороны государства — одно из проявлений их связи, подрывающее принцип равенства религий и свободы совести. Одно из проявлений, но не единственное. Эта связь включает в себя многие другие элементы, среди которых укрепление договорных отношений Австрийской республики с Ватиканом о создании новых епископатов (Инсбрук, 1964 г.), договор с Ватиканом о школе (1962 г.), по которому государство взяло на себя 60 процентов расходов по оплате персонала католических школ; решение правительства страны взять на себя с 1971/72 учебного года расходы по оплате персонала католических школ. Характерно, что во всех четырех университетах Австрии есть теологические факультеты.

Принцип взаимодействия церкви и государства пронизывает не только область просвещения страны, но и другие сферы ее политической, социальной и культурной жизни. Так, поношение бога «словом или делом» Уголовный кодекс Австрии определяет подлежащим наказанию.

Действующая сегодня в Японии конституция была принята после второй мировой войны — в 1947 году. Разгром японского милитаризма открыл перед народом возможность демократических преобразований, в том числе и в сфере церковно-государственных отношений. «Свобода мысли и совести не должна нарушаться»,—гласит статья 19 конституции. В статье 20 записано: «Свобода религии гарантируется для всех. Ни одна из религиозных организаций не должна получать от государства никаких привилегий и не может пользоваться политической властью». И далее: «Никто не может принуждаться к участию в каких-либо религиозных актах, празднествах, церемониях или обрядах. Государство и его органы должны воздерживаться от проведения религиозного обучения и какой-либо иной религиозной деятельности».

В связи с тем что конституция провозгласила и гарантировала свободу религий, серьезную метаморфозу претерпело в обществе положение синтоизма. В конце 1945 года синтоистские учреждения были отделены от государства, часть синтоистской литературы запрещена, а священники потеряли свой прежний официальный статус. В январе 1946 года японский император публично отказался от своего «божественного» происхождения. Одним словом, правящие круги вынуждены были считаться с послевоенными требованиями трудящихся масс и пошли на некоторые уступки в расширении демократических свобод.

Но это продолжалось недолго. Синтоизм, несколько модернизировав вероучение, стал при поддержке государства восстанавливать свое влияние. В обход конституции был принят ряд законов и постановлений, ущемляющих права народных масс, верующих и атеистов. Таков, например, закон 1952 года о предотвращении подрывной деятельности, по которому власти обрушились с суровыми репрессиями на компартию и прогрессивные организации страны. В 1966 году решением правительства был восстановлен в качестве национального праздника «день основания империи» (в этот день, по синтоистским мифам, Дзимму — мифический предок японских императоров, потомок богини солнца Аматэрасу — вступил в 660 году до нашей эры на престол).

Реанимация отживших свой век догм, связанных с ущемлением свободы и прав человека, вызвала противодействие со стороны демократических и прогрессивных сил. Они повели борьбу за сохранение демократических положений конституции 1947 года, за свободу и права всех трудящихся. Но наступление на демократию, свободу мысли и совести продолжается. В Японии активизировались религиозные центры и служители культа — прежде всего верхушка синтоистов и буддистов.

Внутри этих религий идут процессы сегментации, то есть деления на отдельные, более мелкие деноминации, вероисповедные ассоциации и группы. В апогее этой сегментации — в начале 50-х годов — в стране насчитывалось 800 религиозных обществ, подавших в государственные органы заявления о регистрации. Согласно официальной статистике, в 1957 году из 377 признанных в Японии религиозных исповеданий 125 были так называемыми новыми религиями. Из них 67 — производные от синтоизма, 28 — от буддизма, 2 — от христианства. К членам буддистского общества «Сока гаккай» в 1974 году причислялось свыше 7 миллионов семей. Его политическая доктрина — создание «справедливого и умиротворенного государства». На базе этого общества в 1964 году возникла партия Комэйто (буквально — партия чистой политики).

Модернизированные институты синтоизма и буддизма — новые явления не только в религиозной, но и в политической жизни Японии. Правящие круги страны пытаются использовать модифицированные религиозные системы для укрепления своего влияния, подавления демократических свобод, наступления на гражданские свободы, в том числе и на свободу совести.

Окончание следует

[11] «XVIII съезд Коммунистической партии Австрии». М., 1961, стр. 24.

ЗИМБАБВЕ ДАЕТ ОТПОР

Как известно, весной 1980 года многолетняя борьба народа Зимбабве против колониалистского расистского режима Яна Смита (который в 1978—1980 годах еще пытался сохранить свое господство, номинально передав власть своему африканскому ставленнику епископу Абелю Музореве) наконец увенчалась успехом: впервые в истории бывшей британской колонии Родезии народ получил законно избранное правительство. Его возглавил признанный вождь сил освобождения Зимбабве, 15 лет сражавшихся с расистскими карателями, Роберт Мугабе, в него вошел и другой лидер национально-освободительного движения — Джошуа Нкомо.

Однако Великобритании, выступавшей в качестве посредника на длительных переговорах между марионеточным «переходным» режимом Смита — Музоревы и руководителями Патриотического фронта Зимбабве, все же удалось навязать этой самой молодой африканской стране непропорционально высокое представительство белого меньшинства в ее парламенте. Естественно, теперь белые депутаты-расисты уже не могут открыто отстаивать привилегии представляемых ими эксплуататоров-колонистов и поэтому пытаются использовать в своекорыстных интересах не только временную нехватку квалифицированных африканских кадров, но и религиозные чувства коренного населения, христианизированного миссионерами в период колониального господства.

Так, в мае 1980 года белый депутат Д. Уокер предложил внести в конституцию страны поправку, усиливающую роль религии в государственных делах. Однако этот проект натолкнулся на решительное сопротивление большинства. Реакционную сущность поправки, в частности, вскрыл в своем выступлении министр здравоохранения Зимбабве. Стране, заявил он, пытаются навязать «на вечные времена» колониализм через религию. История показала африканцам, что за Библией на их континент последовали пули колонизаторов. Другой министр-африканец, ведающий землями, расселением и развитием сельских районов, также указал на неуместность этого предложения. У нас в парламенте, напомнил он, есть люди, которые именем бога совершили серьезные преступления. В течение последних 5—6 лет они систематически посылали бомбардировщики убивать детей, беззащитных женщин и стариков. И все это делалось под лозунгом защиты христианства и бога.

В результате дебатов поправка была отклонена большинством депутатов-африканцев, хотя белые парламентарии и пытались отложить голосование под предлогом «необходимости дополнительного обсуждения» этого предложения. Народ Зимбабве, завоевавший право самостоятельно решать свою судьбу, стремится не позволить реакции повернуть вспять колесо его истории.

В. МАЗОХИН

ФАЛЬСИФИКАТОРЫ

В. ЛЕНТИН, кандидат философских наук

Стремясь дискредитировать марксистско-ленинское учение о религии, извратить ее реальное положение в СССР, наши идеологические противники, в особенности буржуазно-клерикальная пропаганда, постоянно фальсифицируют взгляды В. И. Ленина по этому вопросу. А поскольку в основе научного атеизма лежат диалектико-материалистические воззрения на природу, общество и человеческое сознание, то заодно при этом подвергаются «критике» и философские взгляды Ленина.

Так, архиепископ Иоанн Шаховской (до недавнего времени именовался Сан-Францисским), более 30 лет подвизающийся на радиостанции «Голос Америки», почти в каждой проповеди нападает на материализм, на ленинское определение материи, марксистско-ленинскую теорию познания и т. д. Отметив, что Ленин считал ощущения единственным источником истинных знаний, архиепископ утверждает: «Но теперь мы точно знаем, что можно ощущать не только материю, но и дух». Что же послужило основанием для этого «философского открытия»? Оказывается, заявление американского астронавта Д. Ирвина о том, что он «остро почувствовал на Луне духовное присутствие бога». И на основе этого субъективного свидетельства архиепископ делает обобщающий вывод: «Бог открывает себя в духе всем людям, где, когда и как хочет».

Вот здесь бы Иоанну и остановиться — глядишь, найдутся наивные слушатели, которые поверят: чем дальше от «грешной» земли, тем острее «ощущается» господь бог. Но архиепископ увлекся и добавил, что Ирвин еще с 11 лет «полюбил бога» (а до этого он был «малорелигиозным»). Воистину: кто ищет, тот всегда найдет!

Есть в психологии понятие установки, под которой подразумевается заранее возникшая готовность человека к тем или иным восприятиям или действиям. У верующего такая установка направлена на восприятие бога, сына божьего, святого духа, девы Марии, ангелов, святых и т. д. в любое время и в любых условиях. Нетрудно представить, как астронавт с солидным религиозным «стажем» еще до полета настроился на соответствующий лад и в результате «почувствовал» присутствие бога на Луне. Тем более что это весьма экзотическое место не только для рекламы религии, но и для собственной карьеры.

Одним словом, с астронавтом все более или менее ясно. Но разве может подобный «опыт религиозного чувства» всерьез рассматриваться с позиций науки и здравого смысла как аргумент в пользу существования бога? Ведь источник и стимулятор этого чувства находится в сознании самого верующего! Короче говоря, современному архиепископу следовало бы более тонко разбираться в психологии религии.

Что касается самого астронавта, то после космического полета он решительно переменил профессию и теперь не только выступает с проповедями, но даже основал евангелическую организацию «Самый высокий полет», которая занимается распространением Нового завета в пассажирских самолетах. Как говорится, каждому — свое...

Поскольку религия претендует на исключительную монополию в вопросах нравственности, особым нападкам в радиоголосах подвергается ленинское учение о морали. Весьма задиристым полемистом по этой части зарекомендовал себя некий В. Штурма, выступающий по ряду клерикальных радиостанций с программой «Наука и религия». При этом он специализируется на «критическом анализе» материалов, опубликованных в нашем журнале. Этот «доктор медицины», как его представляют, по-видимому, считает себя последним энциклопедистом: с одинаковым рвением он берется полемизировать с атеистами по любому поводу.

«Анализируя» одну из статей журнала «Наука и религия» (№ 4 за 1978 г.), он, например, обрушивается на цитату из речи В. И. Ленина на III съезде комсомола, в которой подчеркивается классовый характер морали. Нашему «критику», любителю далеко не дипломатических выражений по адресу атеистов, вроде «умственной недалекости», самому, увы, недоступно реальное восприятие той социальной среды, где он пребывает. Ему представляется, что есть «только одна общечеловеческая мораль. К чему здесь, спрашивается, классы? Ведь и капиталисты и коммунисты — это представители одного человечества». Штурма при этом делает вид, что не замечает различия между монополистами и рабочими, миллионерами и безработными. Между моралью того, кто эксплуатирует, и моралью того, кого эксплуатируют? Но ведь реальная действительность не зависит от субъективных представлений клерикального защитника капитала.

Как-то даже неловко разъяснять ему прописные истины...

Человечество, конечно, «одно», с точки зрения единовременного существования на одной планете. Но такой абстрактный, «космический», подход ничего не дает для понимания закономерностей общественного развития. Начиная с эпохи рабовладельческого строя «одно человечество», как это очевидно любому непредубежденному человеку, разделяется на большие группы (классы), экономические и политические интересы которых не только не совпадают, но и прямо противоположны. Отсюда и различное представление о справедливости и несправедливости, о чести и совести, о том, «что такое хорошо и что такое плохо». То, что для одного класса «добро», для другого чаще всего — «зло», и наоборот.

Различное понимание нравственных категорий в свою очередь ведет к различному поведению классов и социальных групп в достижении своих целей и идеалов. Так, у господствующих и угнетенных неизбежно складывается «своя мораль». Общечеловеческой морали, следовательно, просто не может быть в обществе, раздираемом классовыми противоречиями. И апелляция к богу здесь не только ничего не проясняет, а, наоборот, лишь запутывает действительное положение вещей. А самому радиокомментатору его ревностное служение классовым интересам власть имущих закрывает на это глаза, мешает обнаружить классовую природу нравственности.

В тактике клерикальной радиопропаганды на нашу страну можно выявить несколько приемов. Прежде всего, «опровержение» ленинских положений совершается за счет их дальнейшего «развития» или беспочвенного отрицания. Выше мы уже видели бесплодность подобных усилий. А когда не хватает даже видимости аргументов, наши клерикальные противники не останавливаются перед заведомой ложью, приписывая Ленину абсурдные домыслы.

Пример подобного домысла продемонстрировала, в частности, радиостанция «Голос дружбы» (Сан-Франциско—Манила). В ее передаче из цикла «Евангелие для марксистов» комментировалось одно из писем Ленина Горькому (1913 г.)[1]. В нем шла речь о том, что рафинированная, то есть очищенная от грубых, примитивных проявлений культа религия типа богоискательства или богостроительства, которой увлеклась в то время часть русской интеллигенции, представляет не меньшую, а большую идейную опасность для трудящихся, чем традиционная религия. Клерикальный же проповедник по этому поводу пришел к сногсшибательному выводу о том, будто Ленин предпочитал самую тяжелую болезнь (вплоть до рака) вере в бога. Поистине такая фальсификация порождена, пользуясь выражением самого «радиослужителя», «патологической ненавистью» к научному атеизму. Впрочем, она свидетельствует и о полном отсутствии у него аргументов, о бессилии тех идей, которые пытаются защищать клерикальные противники коммунизма.

Давно известен их нечистоплотный прием выхватывания отдельных фраз из контекста для того, чтобы в корне извратить авторскую мысль. К нему прибегает некий А. Мерзлюкин в своем опусе под малограмотным заголовком «Звезда, рождшая солнце». Он приводит из книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» цитату, которую подает как доказательство... религиозности автора. Расчет весьма прозрачен: далеко не каждый читатель имеет под рукой собрание сочинений Ленина и сможет проверить цитату. А ссылка на том

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 226—228.

и страницу призвана создать видимость достоверности.

Достаточно, однако, взять ленинскую книгу, чтобы убедиться в противном. У Ленина речь идет о критике «теории подстановки» русского философа-идеалиста А. Богданова, из которой следовало, что психическое обусловливает физическое. Но в таком случае Богданов (хотя он и не был верующим) вольно или невольно переходил на позиции религии, которая как раз и считает природу порождением духа. Ленин показывает, что из этой концепции Богданова неизбежно следует «нечто **вне** природы и, притом, **производящее** природу. По-русски это называется богом!»[2]. И вот эти-то заключительные слова, относящиеся к характеристике богдановской теории, которую Ленин критикует, клерикальный автор без зазрения совести выдает за свидетельство будто бы религиозности Ленина!

А вот еще один из последних образчиков беззастенчивости того же сорта. В календаре «Лучи света», выпускаемом издательством «Свет на Востоке» (Корнталь, ФРГ), которое принадлежит небезызвестной антисоветской «Славянской миссии», на отрывном листке за 3 декабря 1979 года напечатана заметка «Ленин о боге».

Заметка представляет собой опять же цитату, в которой на сей раз Ленин якобы положительно отзывается о «самой возвышенной заповеди христианства» — о любви к богу и к ближнему и, более того, находит «разумный смысл в заповеди, повелевающей любить его выше всего... Выше человеческого ума».

Лучшим способом разоблачить эту фальсификацию будет обращение к первоисточнику. Возьмем «Философские тетради», откроем нужную страницу. Здесь опубликованы замечания и заметки Ленина на книге И. Дицгена «Мелкие философские работы»[3]. Невооруженным глазом видно, что все приведенное в календаре высказывание от первого до последнего слова принадлежит Дицгену. Спутать тут что-либо даже случайно — абсолютно невозможно. Этот пример, если можно так выразиться,— классический для нравов клерикальных противников коммунизма.

Естественно, все это лишь небольшая доля из множества примеров фальсификации буржуазно-клерикальной пропагандой ленинских взглядов по вопросам атеизма и религии. Но и приведенных фактов, видимо, достаточно, чтобы прийти к выводу: ведется планомерная долговременная идеологическая кампания, с помощью которой наши противники пытаются опровергнуть научное, материалистическое мировоззрение, ввести доверчивых радиослушателей и читателей в заблуждение, привить им ложные, фантастические представления, а в конечном счете отвлечь советских людей от активного творческого участия в строительстве коммунистического общества. Здесь как нельзя более актуально звучит ленинское предостережение: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать **интересы** тех или иных классов»[4]. Будем же помнить этот завет В. И. Ленина и руководствоваться им в отношении империалистической пропаганды в целом и клерикальной ее разновидности в частности.

г. Владивосток

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 240—241.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 406.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 47.

РАСТЛЕВАЯ ЮНЫЕ ДУШИ

А. ПРОСВЕТОВ, В. ТЮМИН

Неспособное найти решение многочисленным экономическим трудностям, капиталистическое общество оказывается также не в силах предложить людям высокие жизненные идеалы. Безысходность, бесцельность существования, неверие в справедливость на земле приводят некоторых из них к поискам «правды» на небесах. Нынешняя склонность определенной части населения, особенно молодежи, в странах Запада к мистицизму — прекрасная питательная среда для всякого рода религиозных сект, которые там в последнее время появляются, как грибы после дождя. Эти организации становятся пристанищем для шарлатанов и вымогателей, выдающих себя за «божьих избранников». Иные самозванные «святые» в своей фантазии заходят дальше обыкновенных поборов со своей паствы и толкают ее на чудовищные преступления «во имя веры».

Ужасающие факты, например, раскрылись в ходе расследования деятельности секты со звучным названием «центр божественного света». Подобных сект буддистского и индуистского толка, сулящих вновь обращенным мир и покой через созерцание, сейчас немало в США, ФРГ, Франции, Англии и других западных странах. Названный центр пустил корни в Швейцарии, основав свою «штаб-квартиру» в Винтертуре. Здесь члены секты собирались на сеансы черной магии, которые проводил человек в светло-розовом одеянии — их индийский «гуру» или «свами» (то и другое означает нечто вроде учителя или наставника) Омкарананда, возвещавший «примат любви» над всеми другими чувствами. Доведенные его речами и священнодействами до полного исступления и умопомрачения, верующие бились в конвульсиях. Эти сборища секты, по признанию одной из последовательниц свами швейцарки Верены Плен-Шёб, устраивались с целью навести страх на «врагов» организации. Под ними подразумевались жители окрестного района. С первых дней у секты с ними сложились напряженные отношения, а после того как горожане пожаловались на шумных и назойливых соседей сомнительного поведения в полицию, центр объявил им беспощадную войну.

Поначалу сеятели «божественного света» ограничивались тем, что во время торжественных ритуалов втыкали булавки в человеческие фигурки из воска, изображавшие этих соседей. Цель, которая преследовалась при этом,— лишить «врагов» зрения. Однако черная магия оказалась неэффективным оружием в борьбе с «греховным миром», и созерцатели перешли к «земным» действиям, отличавшимся редкой жестокостью и изощренностью. Они, например, обливали дверные ручки в домах «врагов» концентрированной кислотой, так что прикасавшиеся к ним получали сильные ожоги. Члены секты не щадили даже соседских детей, предлагая им на улице отравленные конфеты и шоколад. Кстати, среди этих «божественных» террористов были и два подростка из ФРГ — Иоганнес Шэбен и Тео Дим, которых родители отослали к свами учиться «мудрости» в качестве «храмовых детей».

Затем фанатики перешли к подкладыванию бомб и взрывам, которые, к счастью, не повлекли за собой человеческих жертв. В конце концов безумцы были арестованы швейцарской полицией, а еще один из них был задержан в ФРГ при попытке унести со склада бундесвера баллоны с ядовитым удушающим газом.

Об огромной опасности, которую такая секта представляла для окружающих, свидетельствует хотя бы тот факт, что во время обыска ее «штаб-квартиры» был обнаружен целый арсенал огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатки. В ходе следствия выяснилось, что Омкарананда собирался приобрести даже противотанковые ружья. В конце концов свами и пять его приверженцев предстали перед федеральным уголовным судом Швейцарии в Лозанне. Процесс раскрыл преступную практику секты, которая в телефонном справочнике Винтертура значилась как «духовное и общественнополезное общество».

Какова же предыстория этого религиозно-уголовного дела?

Всего лишь несколько лет назад Омкарананда, обученный в одном буддистском монастыре, объявил кучке религиозных мечтателей, что бог благоволит к нему и призвал его к обновлению мира. Одна богатая пожилая дама из Швейцарии, путешествовавшая по стране йогов в поисках «божественного просветления», была очарована этим экзотическим «пророком» в розовых одеждах и уговорила его переехать в Винтертур. Здесь она подарила ему в предместье Брюльберг виллу, которую «просветленный из Гималаев» превратил в своеобразный монастырь.

Переселение в Швейцарию превзошло все ожидания «гуру». С легкой руки упомянутой дамы здесь у него появились влиятельные покровители — в их числе, кстати, и бывший министр, а ныне председатель наблюдательного совета крупнейшего в стране металлургического концерна «Алюсюисс» Э.-Р. Майер. Они не скупились на щедрые пожертвования. На эти деньги основанный Омкаранандой «центр божественного света» приобрел 15 домов, которые по его ука-

занию были выкрашены в небесно-голубой цвет и ограждены заборами с колючей проволокой, через которую пропускался электрический ток. Около шестидесяти последователей объединились вокруг наставника. Ежедневно в четыре утра гуру со своими учениками молился под записанные на магнитофон буддистские песнопения, ни свет ни заря поднимавшие с постелей разозленных соседей.

Когда же те пожаловались на общину и потребовали от властей высылки свами, «правовой» отдел «центра божественного света» стал бомбардировать юстицию доносами на этих людей. В течение нескольких лет судьи Винтертура разбирали кляузы «носителей божественного света» и встречные жалобы, пока однажды, изнуренные всей этой склокой, не прекратили принимать их.

Потерпев неудачу перед земным судом, Омкарананда в борьбе против своих соседей обратился к магии. Он нанял заклинателей из Европы и Азии, которые должны были напускать на его недругов «болезнь и смерть». Когда и это не «помогло», изобретательный гуру разработал новый коварный план. Его последователи прыскали помидоры в саду соседей муравьиной и соляной кислотой, а на садовую дорожку клали шоколад, в начинку которого был подсыпан цианистый калий. Они пытались также вымазать оспенной вакциной соседское белье, сохшее на веревке.

В октябре 1975 года члены секты приобрели из-под полы в Брюсселе семь подрывных шашек и один автомат. Ими они собирались убить адвоката соседей, а также начальника винтертурской полиции, не пожелавшего продлить разрешение на пребывание Омкарананды в Швейцарии.

После продолжительного расследования, материалы которого заполнили 40 папок, федеральный уголовный суд в прошлом году приговорил свами Омкарананду к 14 годам тюремного заключения. Члены его секты, действовавшие, согласно психиатрической экспертизе, в состоянии «группового ослепления», были присуждены к лишению свободы от шести месяцев до семи лет. Разумеется, при этом почтенных финансовых покровителей «центра божественного света» избавили от неприятной явки в суд в качестве свидетелей. А о предполагаемых контактах секты с правоэкстремистскими организациями на нем вообще не упоминалось.

Трудно сказать, сколько жертв принесут на свои «священные алтари», сколько совратят молодых неокрепших умов подобные псевдовосточные религиозные «братства», расплодившиеся в последние годы на Западе *, и сколько еще «духовных наставников» продолжают отравлять своими бреднями сознание молодежи, включая подростков. Ведь только в одной ФРГ сегодня, по признанию радиостанции «Немецкая волна» (23 января 1980 г.), от 100 до 150 тысяч молодых людей запутались в тенетах необуддистских, неоиндуистских и прочих мистических течений, подобных описанному.

* Более подробно о новых «молодежных» религиях на Западе см. в нашем журнале статьи И. Задорожнюка (1978, № 12) и В. Гараджи (1979, № 5) — прим. ред.

Однако явление это — не признак какого-то возрождения интереса молодежи к религии, как утверждают западные комментаторы и идеологи, а результат разочарования подрастающего поколения в буржуазных ценностях, включая и традиционные церковные вероучения. Таким образом, бурная деятельность, которую ныне на Западе развивают многочисленные свами и гуру,— всего лишь один из симптомов того духовного кризиса, который стал теперь неотъемлемой частью все углубляющегося кризиса капиталистического общества.

СОБАЧЬЯ СВАДЬБА

Западногерманский журнал «Бунте иллюстрирте» опубликовал фото, на котором запечатлен первый в мире официальный церковный брак между... собаками. Событие это, как и можно было ожидать, произошло в «стране неограниченных возможностей» — США, в одной из церквей калифорнийского города Глендала. Скрепил же сей бесподобный «союз двух сердец» не кто иной, как священнослужитель одной из многочисленных христианских сект США — некий отец Питер, объяснивший свои действия следующими словами: «Нигде не сказано, что религия отрицает брак между животными». Сославшись на эту премудрую мысль, святой отец пригласил двух представителей собачьего рода стать смирно, но не перед алтарем, а на алтарь, чтобы получить «божественное» благословление. Поддерживаемые своими растроганными до слез хозяевами собаки выслушали все наставления своего духовного пастыря о вечной любви и верности в браке. Бракосочетание было совершено в присутствии свидетеля Бело — солидного побратима молодоженов волчьей породы. А после свадебной церемонии все ее участники — люди и собаки — отпраздновали это событие богатым обедом.

Надо отдать должное отцу Питеру — своим благочестивым поступком он дал еще одно бесспорное доказательство того, что в США граждане наряду со всеми другими «свободами» пользуются и свободой... кощунствовать над религиозными чувствами. Западногерманский журнал, сообщивший о «многозначительном» событии, разыгравшемся в Глендале, воздержался от какого-либо комментария, снабдив снимок несколькими строчками текста. Последний скорее всего призван успокоить шокированных читателей: смотрите, мол, отец Питер не принадлежит ни к протестантской, ни к католической церквам, а проповедует в какой-то малочисленной секте.

И все же: собака в... церкви?! Нетрудно представить себе, какой была бы реакция любителей «клубнички» в западногерманской печати, если бы они сделали свое пошлое открытие не на Западе, а на Востоке. Сколько бы бумаги и типографской краски извели они, чтобы предать гласности свое возмущение тем, что где-то издеваются над религиозными чувствами богобоязненных людей! Но раз речь идет о Соединенных Штатах, то нет никакого смысла тратить зря пропагандистский порох — достаточно преподнести это событие как экзотическую сенсацию.

Новинки Литературы

В. И. Гараджа. НАУЧНАЯ И ХРИСТИАНСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 6), 1980, 64 стр., 45 820 экз., 11 коп.

В современной борьбе научного и религиозного мировоззрений все большее значение приобретают вопросы, связанные с пониманием роли и места человека в истории. В брошюре с позиций марксистско-ленинской теории общественного развития подвергается критике христианская интерпретация истории, раскрывается ее антинаучный и реакционный характер.

В. Е. Доля. ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В АТЕИЗМЕ И РЕЛИГИИ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 5), 1980, 64 стр., 45 780 экз., 11 коп.

В брошюре на основе марксистско-ленинской методологии анализируется интерпретация понятия «свобода» в современных богословских учениях. Автор подвергает аргументированной критике социальный смысл теологической концепции проблемы нравственной свободы, показывает, что буржуазные идеологи сегодня активно используют ее в идейном противоборстве с социализмом.

В. В. Коник. ТАЙНЫ РЕЛИГИОЗНЫХ МИССИЙ. М., «Молодая гвардия», 1980, 143 стр. с илл., 100 000 экз., 25 коп.

В книге рассказывается о причинах возникновения, основных целях и принципах деятельности ряда зарубежных организаций, прикрывающихся религиозной вывеской: «Славянская миссия», «Вера во втором мире», «Свидетели Иеговы» и т. п.

В. Е. Ларичев. САД ЭДЕМА. М., Политиздат, 1980, 398 стр., 100 000 экз., 1 руб.

Есть ли место на земном шаре, которое можно было бы назвать «прародиной» человека? О каком существе можно сказать, что именно оно впервые переступило порог, отделивший человека от животного мира, и когда это произошло? В книге рассказывается о наиболее важных открытиях ископаемых останков древнейших предков человека, об открытиях, из которых складывается современное научное представление о его происхождении.

И. А. Малахова. АНАТОМИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ. М., Политиздат, 1980, 48 стр., 100 000 экз., 10 коп.

Что такое религиозная вера? Почему в наши дни люди продолжают верить в бога? Для успешного осуществления атеистического воспитания очень важно найти правильный ответ на эти вопросы. Автор брошюры, обобщая данные конкретных социологических исследований, дает анализ некоторых факторов религиозности современных верующих, раскрывает каналы воспроизводства религиозности, показывает пути преодоления религиозных пережитков в сознании и поведении людей.

Л. В. Михайлова. КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ И РАБОЧИЙ КЛАСС ФРГ. М., «Наука», 1980, 159 стр., 1 400 экз., 1 руб. 40 коп.

Монография посвящена анализу социальных концепций и политики католической церкви ФРГ в отношении рабочего класса в условиях переживаемого

религиозной идеологией кризиса. Автор рассматривает борьбу основных направлений внутри церкви вокруг ее социальной доктрины, в частности по вопросу о соучастии рабочих в управлении предприятиями, характеризует методы и средства воздействия церкви на верующих трудящихся, в том числе через клерикальные рабочие организации.

А. Д. Урсул, Ю. А. Школенко. ЧЕЛОВЕК И ВСЕЛЕННАЯ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 4), 1980, 64 стр., 45 800 экз., 11 коп.
В брошюре раскрывается мировоззренческое значение проникновения человека в Космос. Авторы анализируют характерные черты современной космической деятельности человека, показывают перспективы использования достижений космонавтики для прогресса на Земле, на большом научном материале разоблачаются новейшие религиозно-идеалистические интерпретации космической эры.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

У. Арзуев, К. Норматов. Умение убеждать. «Агитатор», 1980, № 13, стр. 50—53.

Г. А. Габинский. Рецензия на кн.: З. А. Тажуризина. Актуальные вопросы истории атеизма. «Вопросы философии», 1980, № 6, стр. 172—175.

Н. К. Дмитриева. Всесоюзное совещание заведующих кафедрами научного атеизма. «Философские науки», 1980, № 4, стр. 165—167.

«История русского и советского искусства». М., 1979. Из содержания: «Древнерусское искусство», стр. 9—83.

Н. Назарова. Индийские христиане. «Азия и Африка сегодня», 1980, № 6, стр. 59—60.

С. Никишов. Опираясь на ленинское атеистическое наследие. «Агитатор», 1980, № 11, стр. 37—39.

«Провокационные происки Вашингтона в Азии и Африке под фальшивым предлогом «защиты ислама». «За рубежом», 1980, № 26, стр. 8—10.

А. А. Радугин, М. К. Тепляков. Рецензия на кн.: М. П. Новиков. Тупики православного модернизма. «Философские науки», 1980, № 4, стр. 185—186.

С. Сергеев. Антисоветская деятельность американских сионистов. «Слово лектора», 1980, № 6, стр. 22—25.

Д. Сергиенко. Рецензия на кн.: А. В. Иванченко. Атеистическое воспитание учащихся в процессе изучения обществоведения. «Советская педагогика», 1979, № 7, стр. 145—156.

Л. А. Тульцева. Этнографические аспекты изучения религиозного поведения. «Советская этнография», 1979, № 4, стр. 43—57.

В. Е. Чернов. Борьба Спинозы против религиозно-теологического мировоззрения. «Известия АН Латв. ССР», Рига, 1979, № 8, стр. 57—68.

Л. Юрина. Ислам и политика в малайской деревне. «Азия и Африка сегодня», 1980, № 5, стр. 63—64.

ЛАУРЕАТЫ XVI ВСЕСОЮЗНОГО КОНКУРСА

Подведены итоги конкурса на лучшие произведения научно-популярной литературы, который ежегодно проводит Всесоюзное общество «Знание».

На этот раз вышедшие в 1979 году книги и брошюры рассматривались в соответствии с новыми условиями *. Как отметил в своем постановлении Президиум правления Всесоюзного общества «Знание», это позволило значительно повысить качество научно-популярной литературы, призванной нести знания в самые широкие массы трудящихся.

Большую предварительную работу по отбору и оценке лучших произведений провели конкурсные комиссии местных и республиканских организаций Общества. Так, общество «Знание» Латвийской ССР совместно с республиканскими Госкомиздатом и Академией наук организовали свой конкурс, а уж затем рекомендовали лучшие книги и брошюры на Всесоюзный конкурс.

И в других республиках с каждым годом увеличивается количество изданий, рассматриваемых и рекомендуемых правлениями Общества. Достаточно сказать, что на XVI конкурс от республиканских правлений поступило 276 работ из общего числа 499. Расширили свое участие в конкурсе и издательства. В 1980 году их было 81 против 75 в прошлом году.

Представленные на конкурс и отмеченные его жюри работы посвящены самым разнообразным вопросам марксистско-ленинской идеологии, коммунистического строительства, социалистической науки и культуры, техники и производства. Половина этих произведений отражает общественно-политическую тематику. Немало книг и брошюр — о достижениях естественных наук и техники.

Из работ, непосредственно посвященных научно-атеистической тематике, диплома I ступени удостоена созданная коллективом авторов книга **«Разум побеждает»** (Политиздат), диплома II степени — сборник **«Праздники, обряды, традиции»** (издательство «Молодая гвардия») и книга В. А. Мезенцева **«Энциклопедия чудес»** (книга 3-я, издательство «Знание»). Поощрительными дипломами отмечены атеистические книги Б. Ф. Яунишкиса **«Последняя исповедь»** (Политиздат), В. Л. Харазова **«Трудные истины бытия»** (Политиздат), К. Е. Дмитрука **«С крестом и трезубцем»** (Политиздат), А. В. Белова **«Улыбка дракона»** («Молодая гвардия»), брошюра Ю. Б. Пищика **«О специфике исторических корней религии»** («Знание»).

* *См. «Наука и религия» № 1, 1980.*

● Нимб тоже бросает тень на того, кто его носит.

● Только аскет знает истинную цену соблазну.

● «Автора! Автора!» — хором вопили инквизиторы после окончания спектакля.

Михаил ДРЕЙЗЛЕР
Олег КОРЯВСКИЙ
г. Кишинев

● Перестал верить в бога, когда окончились неудачей его эксперименты с искусственными нимбами.

Сергей СТОРОЖЕВ
Павлодарская область

● Каждый раз, когда мы пытаемся схватить бога за бороду, он оказывается гладко выбритым.

Петр КИРЧИКОВ
г. Одесса

● Когда гора отказалась идти к Магомету, — родился альпинизм.

Александр ДОМОВЕЦ
Волгоград

● И облаченные в рясу борются за честь мундира.

● Жертвоприношения принимают и в неприемные дни.

● Подлежат ли реставрации устаревшие картины мира?

● «Пошел отводить душу, скоро вернусь».

● И стоя на коленях, можно хромать.

Александр РАТНЕР
Ленинград

Сдано в набор 17. 07. 80.
Подписано к печати 27. 08. 80.
А 02093.
Формат издания 60×90/8
Глубокая печать.

Условных печатных листов 8.
Учетно-издательских листов 12,81.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 03674.

Адрес редакции:
109004, Москва, Ж-4
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Вход в горсовет.

Более семи веков стоит у отрогов зеленых Карпат Львов — один из древнейших городов Украины. Он привлекает своей чарующей красотой, многовековой культурой, архитектурными памятниками. Основанный в XIII веке выдающимся деятелем Древней Руси Даниилом Галицким, город немало повидал на своем веку.

Советский период жизни древнего города — время его возрождения и обновления. А об истории его говорят многочисленные памятники культуры и архитектуры. Большая их часть взята под охрану государства. Бывшие церкви, монастыри, особняки и дворцы получили новое назначение — стали музеями, концертными и выставочными залами (см. в номере: В. Саморига «Памятник — от слова «память»).

Силуэты города.

Музей истории религии и атеизма.

Стилизованная торговая вывеска.

Фото Г. Киселевой.

Скульптурная группа А. Галяна на территории музея Ивана Федорова.

Собор святого Юра — памятник архитектуры XVIII века.

Цена 30 коп.
70602

33-13

О МНОГООТРАСЛЕВОЙ НАУКЕ

советского Азербайджана рассказывает президент Академии наук республики Г. Б. АБДУЛЛАЕВ.

ПРИРОДУ ФУНКЦИЙ АТЕИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ,

их формирование в ходе коммунистического строительства анализирует директор Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, доктор философских наук, профессор П. К. КУРОЧКИН.

С ПОЗИЦИЙ МИСТИЦИЗМА

Как использует мистику современное православие? Какие надежды возлагает на нее церковь в храмовом богослужении, проповедях, богословских статьях? На эти вопросы отвечает доктор философских наук Н. С. ГОРДИЕНКО.

МУЗЫКА ВЕЧНО ЖИВА

Ислам и музыка всегда были враждебны друг другу, историю их взаимоотношений раскрывает в своей статье востоковед А. ДЖУМАЕВ.

ОКАЗЫВАЕТСЯ, ИНКВИЗИЦИЯ

еще живет сегодня в лоне католической церкви. Это подтверждает «дело» патера Кюнга, о котором рассказывается в статье С. Меламеда.